

Пряшівска універзіта в Пряшові
Центер языків і култур народностных меншын
Інштітут русиньского языка і културы

Studium Carpatho-Ruthenorum 2022

Штудії з карпаторусиністікы 14.

Пряшів 2022

© Пряшівська універзіта в Пряшові – Центр языків і культур народностных меншын,
Інштїтут русиньского языка і культуры

Studium Carpatho-Ruthenorum 2022

Штудії з карпаторусиністікы 14.

Зоставителька і відповідна редакторка: ПгДр. Кветослава Копорова, ПгД.

Редакчна рада: доц. ПгДр. Анна Плішкова ПгД. (председкыня)
проф. Др. Павел Роберт Магочій
проф. Др. Елейн Русинко
проф. Др. Кірілл Шевченко, др. н.

Рецензенты: доц. ПгДр. Василь Ябур, к. н.
проф. Др. Михаил Капраль, к. н.

Научна редакторка: проф. ПгДр. Юлія Дудашова-Крішшакова, др. н.

Вываватель: Пряшівська універзіта в Пряшові – Центр языків і культур народностных меншын, Інштїтут русиньского языка і культуры

Перше выдання, 2022

Друкарня: DMC, s. r. o., Nové Zámky

Тоту публікацію ані єї части не мож репродуковати без поволїня властника авторських прав.

© Prešovská univerzita v Prešove – Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín,
Ústav rusínskeho jazyka a kultúry

Studium Carpatho-Ruthenorum 2022

Štúdie z karpatorusinistiky 14.

Зоставовateľка а zodpovedná redaktorka: PhDr. Kvetoslava Koporová, PhD.

Redakčná rada: doc. PhDr. Anna Plišková, PhD. (predsedníčka)
prof. Dr. Paul Robert Magocsi
prof. Dr. Elaine Rusinko
prof. Dr. Kirill Ševčenko, DrSc.

Recenzenti: doc. PhDr. Vasil' Jabur, CSc.
prof. Dr. Mihály Káprály, CSc.

Vedecká redaktorka: prof. PhDr. Júlia Dudášová-Kriššáková, DrSc.

Vydavateľ: Prešovská univerzita v Prešove – Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín, Ústav rusínskeho jazyka a kultúry

Prvé vydanie, 2022

Tlač: DMC, s. r. o., Nové Zámky

Túto publikáciu ані jej části nie je možné reprodukovat' bez súhlasu vlastníka autorských práv. Za jazykovú stránku príspevkov sú zodpovední autori.

ISBN 978-80-555-3037-6

OBSAH

Вступне слово едіторкы.....	5
Михайло ФЕЙСА: НОВИ ПРАВОПИС РУСКОГО ЯЗЫКА	7
Володимир ФЕНИЧ: ПІД КАРПАТАМИ: НОВА КОНЦЕПЦІЯ ІСТОРІЇ ЗЕМЛІ І НАРОДІВ З БАГАТЬМА ІМЕНАМИ. НАРИС 1: ТЕРИТОРІЯ І НАРОДИ ВЕРХНЬОГО ПОТИСНЯ ВІД КОРОЛІВСЬКОЇ СТОЯНКИ КАМ'ЯНОЇ ДОБИ ДО ВХОДЖЕННЯ В СКЛАД АВАРСЬКОГО КАГАНАТУ (1 млн. років тому – VIII ст.).....	15
Ľuba KRÁĽOVÁ: ŠPECIFICKÉ PROBLÉMY JAZYKOVEJ A NÁRODNEJ SEBAREFLEXIE RUSÍNŮV NA SLOVENSKU V DUCHU SČÍTANÍ OBYVATEĽOV, BYTOV A DOMOV V ROKOCH 1991 – 2021.....	35
Михал ПАВЛІЧ: „БІЛЫ МІСЦЯ“ АБО ПОТЕНЦІАЛЫ РУСИНЬСКОЙ ЛІТЕРАТУРЫ НА СЛОВАКІЇ.....	49
Дарья ВАШИЧКОВА: О НЕКОТОРЫХ МНОГОЗНАЧНЫХ ОРИТОНИМАХ В КАРПАТОРУСИНСКИХ ДИАЛЕКТАХ.....	59
Radka ONDERKOVÁ: PODKARPATSKÁ RUS V MEDZIVOJNOVOM OBDOBÍ	74
Alexandra TICHVOŇOVÁ: VPLYV ANDREJA BAČINSKÉHO NA VÝVOJ RUSÍNSKEHO JAZYKA	84
Jana TOMKOVÁ: HUDOBNÝ ASPEKT V ETNICKEJ IDENTITE RUSÍNŮV	94

Вступне слово едіторкы

Научный зборник *Studium Carpatho-Ruthenorum 2022/Штудії з карпаторусиністікы 14* представляє вісем штудій з розлічных областей карпаторусиністікы, причім, як ся стало традицієв, розшырили сьме коло авторів о едно нове мено.

Штудії суть рефлексієв на найновшы здобытки науки в области карпаторусиністікы, а то нелем в контексті Русинів на Словакії за послідні роки. Таков є ай перша – лінгвістична штудія **проф. Др. Михайла Фейсы** із Новосадської універзіты у Сербії *Нови правопис руского языка*. Як сама назва штудії наповідать, ей автор, котрый є заєдно ай сполуавтором нового видання правил правопису войводиных Русинів ай з ортографічным словником описує процес работы над новыма правилами правопису, про котры барз важным базовым матеріалом были першы правила, выданы перед 50 роками Миколом Кочішом під назвов *Правопис руского языка* (1971).

Друга публікована штудія є з области історії Русинів. Автор – **доц. ПгДр. Володимир Фенич, к. н.** з Ужгородської народной універзіты ей дав назву: *Під Карпатами: Нова концепція історії землі і народів з багатьма іменами. Нарис 1: Територія і народи верхнього потисся від королівської стоянки кам'яної доби до входження в склад аварського каганату (1 млн. років тому – VIII ст.)* і наісто буде інтересным штудійным матеріалом про тых, котры ся интересують найстаршов історієв заселєваня теріторії під Карпатами і преферують новы методы приступу к інтерпретації історічных фактів.

Третя штудія є з области соціології: *Špecifické problémy jazykovej a národnej sebareflexie Rusínov na Slovensku v duchu sčítania obyvateľov, domov bytov v rokoch 1991 – 2021* і ей авторков є директорка Музея русиньской културы у Пряшові – **ПгДр. Мгр. Люба Кралєва, ПгД.**, котра спрацовала выслідкы посліднього списованя жителів на Словакії (проходило в році 2021) і зробила інтересны заключіня в одношіню к міноріті Русинів на Словакії в порівнанню з попередніма списованями.

Мено **Мгр. Михал Павліч, ПгД.** не є в русиньській літературі незнамым. Молодий літерат, абсолвент выштых трьх ступнів високошкольського штудія штудійного програму русиньский язык і література в комбінації із словацьким языком ся уж дакілько років інтензівно венує сучасній русиньській літературі на Словакії. Зато єго тему *„Білы місця“ або потенціалы русиньской літературы на Словакії* можуть вивжыти про далшы баданя нелем теоретіци літературы, але тема нукать ай „навод“ сучасным русиньським писателям, котрым боком бы ся могли пустити у своїх творах односно тематікы, але ай жанрів, котры в сучасній русиньській літературі на Словакії хыбують.

Авторкы далшых трьх штудій суть молоды, надійны бадателькы, докторандкы, котры сі выбрали карпаторусиністіку як научну дісціпліну за предмет своїх научных бадань.

Мгр. Дар'я Вашічкова докторандка із Інштитуту выходоевропейскых штудій Філозофічної факулты Карловой універзіты в Празі ся венує діалектоло-

гії слов'янських мов з акцентаціями на русинський мову і в зборнику публікує тему: **О некоторых многозначных орнитонимах в карпаторусинских диалектах**. Наісто про многих прислушників русинської народності менше, головні з них з ряду молодшої генерації, суть цілком незнайомі такі назви птахів як *дрімлюх*, *дремлюх* (літаюча миша, *netopier*), або *пуга* (саміця сови, але таким словом називають ай радуго в селі Колонія, окр. Снина), котрі авторка наводить в записках знамого вченого Івана Панькевича і конфронтує із власними даними, котрі реалізує в сучасності в приграничних селах на Словаччині і на Україні.

Докторандка з Катедри історії Філософської факультету Пряшівської університету – **Мгр. Радка Ондеркова** в своїй студії ***Podkarpatská Rus v medzivojnovom období***, котра була частинкою її бакалаврської роботи, приносить цікаві факти і обставини, котрі нарешті привели до зачленення території Підкарпатська Русь до першої Чехословенської республіки в році 1918.

Третім докторандком, котра публікує в тогорічному зборнику є Мгр. Александра Тихоньова, з Інституту русинської мови і культури Пряшівської університету у Пряшіві. Її соціолінгвістична тема ***Vplyv Andreja Bačinského na vývoj rusínskeho jazyka*** творить частину її докторської дисертації і, надіємося, буде визначним внеском до вивчення досліджуваних соціолінгвістики в русинському контексті.

Як вже згадали, в щорічному зборнику представляємо ай нових авторів. Ай в цьому році комплекс наукових статей завершує студія нової авторки, котра в зборнику публікує по першому разі. Тема є з області етнології: ***Hudobný aspekt v etnickej identite Rusínov*** і представляє її абсолютка **Мгр. Яна Томкова**, котра в цьому році завершила студії етнології і культурної антропології на Філософській факультеті Карлової університету в Празі і в рамках своєї дипломової роботи робила дослідження в області розвитку музичного фольклору між молодими генераціями Русинів.

Студії тогорічного зборника ***Studium Carpatho-Ruthenorum 2022/Штудії з карпаторусиністики 14*** суть різноманітні, з різних областей карпаторусиністики, о що ми сподіємося кожного року, але в цьому році публікує найкраще молодих авторів. То ми даємо індикацію, що карпаторусиністика стає перспективним науковим дисципліном. Віримо, що до цього прислухаються ай семінари карпаторусиністики, котрі Інститут русинської мови і культури Пряшівської університету у Пряшіві організує вже штернадцять років (з дворічних перерв, із причини пандемії КОВІД), і виступним документом цих семінарів є збірник наукових студій ***Studium Carpatho-Ruthenorum/Штудії з карпаторусиністики***.

Надіємося, що в році 2023 семінари карпаторусиністики будуть продовжувати і будуть ся тішити з такої участі, яку ми зазначили перед пандемією.

ПгДр. Кветослава Копорова, ПгД.,
редакторка

НОВИ ПРАВОПИС РУСКОГО ЯЗЫКА¹

Михайло ФЕЙСА

Abstract

The problems of the Ruthenian language orthography can be grouped into three sections. The first group of problems stems from the interrelation of morphological and phonetic principle concerning writing words, that is from the dominance or influence of etymology or orthoepy on the orthography (for ex. *розсунуц*, not *посунуц* as it is pronounced). Another group of problems arises from the artificial framing of the Ruthenian language. Because of that, there were many spelling solutions in Kočiš's orthographic dictionary (1971) which have not been accepted by Ruthenian speakers and, consequently, rejected (for ex. *оцена* not *оцинка*). The third group of problems concerns the spelling variants of lexemes which present the borrowings from foreign languages. In the *Orthography Rule-Book of the Ruthenian Language with Orthographic Dictionary* (2022) the authors follow the following guideline: if there are several variants of a loanword, with and without awareness of the original form, the standardization rules should be directed towards the pronunciation of a given word in a given foreign language (for ex. *каубой*, not *ковбой*).

Key words: Ruthenian language, standardization, norm, orthographic rule book, orthographic dictionary, loanwords.

За утвердзованє правописней норми руского языка барз значни перши *Правопис руского языка* (1971) Миколи М. Кочиша. Премєнки хтори ше случовали у руским языку и у дружтву вообщє вимагали премєнки и у правопису та *Правопис* з часом постал превозидзєни и зявєла ше потреба за витворйованьом нового правописа. Зоз *Правописом руского языка* Кочиша руска национална заєднїца служєла ше вєцєй як штири децениї. У другей половки другей децениї 21. вика публиковани *Правописни словнїк руского языка* (2017) и *Правопис руского языка* (2019) Михайла Фейси. Того року публиковани *Правопис руского языка зоз правописним словнїком* Михайла Фейси и Гєлєни Мєдєши.

Роботу на нормованю и преучованю руского языка розпочал Гавриїл Костельник зоз обявйованьом першей граматики руского языка *Грамматика бачваньско-рускей бєшєди* (Костельник, 1975; перше виданє 1923) а предлужєл Гавриїл Надь хтори бул єдини руски лингвист у перших двох децениях по Другей шветовой войни. Надьово лингвистични статї пу-

1 Робота настала як продукт проектх *Языки и культуры у чаше и просторе*, хтори финансиє Министєрство просвити, науки и технологийного розвою Рєпублики Сєрбий и *Виглєдованє и розвой функционалних сфєрх руского языка оможлївєни зоз доставаньом ИСО кода rsk*, хтори финансиє Покраїнски секретариат за високє образованє и наукововиглєдовацку дїялносц АП Войводици. Робота читана под час реализованя черанки наставного кадру по програми Еразмус плус у фебруару 2022. року на Прєшовским универзитєту.

бликовани у двох кніжках (Надь, 1983; 1988). У вязи зоз його роботу „З нашого правопису” опубликовану 1950. року, у хторей анализовани пита-ня писаня префиксов у зложених словах, суфиксов у виведзених словах и припадкових законченьох, Александер Д. Дуличенко заключел „През вещей як двацет роки тота статя служела як єдини компас при ришованю зложених питаньох руского правопису. Основни принципи тей роботи Надя ше одражели у першим правопису” (Дуличенко, 2009: 199).

Микола М. Кочиш у ввудним словє свойого *Правописа руского языка* висловел жаданє же би вон послужел „и як основа за пририхтованє под-полнейшого виданя” (Кочиш, 1971: 4). Штири роки познейше, спатраючи недолїдностци у нашим языку, Микола Скубан написал: „Перше виданє *Правопису* би требало служиц як ‘пробни камень’: цо ше у пракси прила-пи тото останє, а цо ше не прилапи – до другого виданя не войдзе” (Ску-бан, 1975: 30). До другого виданя, нажаль, не пришло. У кождим случаю, и у форми у хторей є опубликовани, *Правопис руского языка* мал винїмно значну улогу у стабилизацию правописней норми руского языка.

Намагаючи ше превозисц одредзени неусоглашености и недоповед-зености у словнїкох од капиталного значєня, як и нормовац уж у пракси зажити одступаня од Кочишовой норми, Михайло Фейса розпочал ак-тивностци на виробку новей правописней литературы – у першей фазі, правописного словнїка у хторим би на уровню поєдинєчних словах були розришени сущєствующи правописни проблеми, а, у другей фазі, право-писа руского языка у хторим би ше формуловали одредзени правила. По допольшованю текста на даскельо заводи и рецензованю рукописа, як и по инкорпорованю заувагох рецензентох, *Правописни словнїк руского языка* (ПСРЯ) опубликовани у електронсей форми на сайту Филозофско-го факультета 2017. року (Фейса, 2017а). Два роки познейше, тиж у елек-тронсей форми на сайту Филозофского факультета, опубликовани и *Пра-вопис руского языка* (ПРЯ) (Фейса, 2019). *Правопис* базовани на сучасних наукових спознаньох у рускей лингвистики, насампредз на *Граматики руского языка* Юлиана Рамача (Рамач, 2002) и становискох Гелєни Медє-ши винєшених у єй сету од пейцох кнїжкох (Медєши, 2008; 2012; 2013; 2014; 2017). Того року опубликовани обєдинєни текст под насловом *Пра-вопис руского языка зоз правописним словнїком* проф. др Михайло Фейса и мр Гелєна Медєши (Фейса – Медєши, 2022).

Гєнерално патраци, мож розликовац три гупи проблемох: 1. запро-вадзованє фонологийного або морфологийного принципу; 2. диялекти-зованє руского языка провадзєне зоз цудзима ришєнями; 3. неусоглаше-ни приступ гу адаптованю странских словах.

Перша гупа проблемох виходзи зоз медзидношєня морфологийно-го и фонетичного принципа писаня словах, т.є. од доминованя уплїва ети-мологий або ортоєпий на ортографию. У ввудним словє *Правописа руского*

язика Микола М. Кочиш пише: “Морфологієйни принцип котри маме у основи нашого писаня одредзує же не записуєме слова так як их вигваряме, але у писаню водземе рахунку як слово настало” (Кочиш, 1971: 3). Приклад хтори дава то префіксоване слово *розсипац* (не *росипац*). Як приклади же велї слова пишеме и по фонологієйним принципу авторови служба слова *ткацки* и *ткацтво* (не *ткачески* и не *ткачство*). Александер Д. Дуличенко, медзитим, констатує шлїдуюче: “морфологієйни принцип, котри остава главни, дополнює ше з другима ортографичними принципами. Єден з нїх то и фонетични” (Дуличенко, 2009: 197). По тим, фонологієйни принцип дополнююци, а не примарни, як напр. у сербским язiku.

Так, начално, з єдного (морфологієйного) боку не зазначуєме вєдначованє консонантох по дзвонкосци (та пишеме напр. *бабка*, *кнїжка* итд.) и префікси затримуєме у їх основней форми (*розсипац*, *предплациц*), а, з другого (фонологієйного) боку, йотованє, палаталізацію и аблаут пишеме так як слова з тима язичними зявєнями чуєме, без огляду же зме дакеди и свидоми їх етимології.

У случайох кед ше фонологієйни и морфологієйни принцип барз цесно преплєтаю, применюєме и єден и други принцип а то за причину ма порядне зявйованє дублетох. Таки гранїчни приклади напр. *учасник* и *учашник*, *соучасник* и *соучашник*, *напасник* и *напашник*, *празніна* и *празніна*, *гласник* и *глашник*, *непослушни* и *непослухни*, *млекарня* и *млечарня*, *упутиц* и *упуциц*, *прешлїдовац* и *прешлїдзовац*. У наведзєних прикладах юрисдикция морфологієйного и фонологієйного приступа ше преплєта та форми хтори виходза з нїх третирани ровноправно. Кед би ше у тих прикладах преферовал єден зоз двох приступох, була би заступєна лєм єдна форма.

У условно наволаним „зраженю” морфологієйного и фонологієйного принципу ми благоприхильнейши гу морфологієйному принципу, окреме при нормованю места контакта основи и суфікса/закончєня (напр. *беззаконни*, *согвизд`є*, *футогски*, *церкв. отче*). То ше одноши и на контакт дзєпоєдних корєньох зоз суфіксами.

Руско-сербски словник (РСС) мєгки знак часто третира нєлогично. Нє записани є напр. у дїєсловє *аминовац* и попри тим же словко од хторого походзи глаши *аминь* (РСС 35), а не *амин*. У вязи з тим интересантне и же ше у истей одредніци находза и *благодат* и *благодать* (РСС 57), а прикметник на истим боку глаши лєм *благодатни*; ані синтагма *благодатна Дїва Мати* не одкрива шлїди змєгчованя. У вязи з тим чудує и єднобочнє ришенє у РСС 161 *Господь*, хторе ше у косих припадках порядно зявює без мєгкого знака, напр. *Господи помилуй* (не: *Господї помилуй*), *од Господа Бога* (не: *од Господя Бога*), *Господу Богу* (не: *Господю Богу*) и др.; у РСС 161 зазначени и застарєни лексеми *господар*, *господарство* и *господарски* у хторих тиж нет шлїду од змєгчованя консонанта *д*.

Друга група проблемоx виросла зоз штучного урамйованя руского языка. Так напр. при Миколови Кочишови находзиме вельке число правописних (лексичних) ришеньох хтори бешедніки руского языка не прилапели и, пошлїдково, одруцели. Намагаючи ше руски язык положиц на нїзши уровень од українского, вон му (першому спомнутому) додзелел улогу диялекта, хтори зоз литературного українского языка ма инкорпорирац до себе тото цо прилапене дзешка индзей, у других социолінгвістичних условийох. Спорни случаї Кочиш розришовал зоз такв. копи-пейст процедуру, односно кед не бул сугурни як дацо написац, отверал би правописни словник українского языка, умеморовал найдзене ришене и пренесол го до правописа руского языка. Априорно избрани модел за стандардизованє випродуковал, медзи иншими, и шлїдуючи „ришеня”: коло меновнікох *милосоц* и *помилованє* находзи ше и неприлапени *пощада* (Кочиш, 1972: 153); коло меновнікох *охудобненє* и *збидненє* находзи ше и неживе *зубоженє* (ибид.: 188); попри *плахитка* (требало *плахта*) понукнуте и *єдро* и непознате *витрило* (ибид.: 117); попри *пахулька* и *пахолка* и неживе *шнїжинка* (ибид.: 198); попри *оцена* и незажите *оцинка* (ибид.: 191), гоч дієслово глаши лєм *оценїц* а не и *оцинїц*; коло *плїваня* и *плївба* находзи ше и *плавба* (ибид.: 203), гоч дієслово глаши лєм *плївац* а не и *плавац*; лєм *травма* (ибид.: 321) а без *траума*; *клоун* и *кловн* (ибид.: 127), а у *Правопису руского языка* лєм *клоун* (Кочиш, 1971: 107), гоч тоту вариянту питанє чи дахто з Руснацох вообщє и хаснує; попри *осторожност* и *домеркованост*, и *обережност* (Кочиш, 1972: 183), гоч тот остатні синоним цалком цудзи рускому бешеднікови итд. На тот способ ше намагало руски язык штучно „збогациц” зоз лексиконом хтори базовани на бешеди/бешедох стреднього Наддніпрявья и околних обласцох (хтора/хтори у основи українского литературного языка), а не на бешеди/бешедох Карпатского ареала зоз хторей/хторих руски язык генетично вицека. Ми ше, прето, нови нормативни ришеня за руски язык намагаме базовац и на понукнуцох (лексичних, фразеологійних, морфологійних, синтаксичних и др.) других руских/русинских вариянтох. Таки ришеня маю векшу шансу зажиц. Цо ше дотика восточнославянских позичкох, та и українізмох медзи нїма, вони твора состояйну часц лексичного фонду руского языка. Прето напр. як еквивалент сербского дієслова *постојати*, попри дієсловах *еґзистовац*, *существовац*, *постояц* и *буц*, зявює ше и дієслово *исновац*. При Кочишови ше зявює лєм остатні наведзени еквивалент (ибид.: 219).

Треца група проблемох ше дотика вариянтох лексемот у хторих углавним не обачуєме значнейши семантични розлики. Характеристична є насамперед за странски слова. Лінгвіст-нормователь муши буц свидомим комплексности проблема и муши водзиц рахунка о часу/часох приходзеня дотичней лексеми, о драги/драгох єй приходзеня, о єй сфери хаснованя дакеди и нешка, як и о єй фреквенції. Илюструєме уплїв тих факторох

зоз даскеліма прикладами. Кед адаптация утвердзела форму *гайзибан* за немецке слово *Eisenbahn*, вец нет причини же би медзи тоту форму и норму не бул положени знак еднакосци. Тиж так, мож шлебодно виключиц форму *ковбой* (Кочиш, 1971: 107) прето же форма *каубой* обще прилапена (насампредз пре уплів сербского языка), але є и блі́зша вигваряню анґлийского слова *cowboy*. И дублети анґлийских словох *baseball* и *hooligan* би пре вше векше упознаванє зоз ориґиналними словами и пошлїдкове хаснованє требали буц „розришени” як *бейзбол* и *гулиган* на рахунок *безбол* и *хулиган* (и попри тим же тоти други формовани под уплівом языка стредку). Одредзени правописни обаваня (напр. *анґлийски* чи *анґлийски*, *гранит* чи *граніт*, *грам* чи *грам*, *мозаик* чи *мозаїк*, *наивни* чи *наївни*, *космонаут* чи *космонавт*, *каузални* чи *кавзални*, *пиджама* чи *пижама*, *Русия* чи *Росия*) настали або з директним контактом руского и дотичного странского языка або з индиректним контактом, при чим часто обачуєме и уплів постредуючого языка. З оглядом же дублети найчастейше не уноша виразни розлики у значеню (гоч и вони обачліви напр. у *доктор* и *дохтор*, *капитан* и *капитен*, *кор* и *хор*, *крейсер* и *крузер*), мож повесц же вони у наведзеных случайох реду́ндантни, т.є. не необхідни. Прето зме ше при опредзельованю за єдну з двох вариянтох странских словох ориєнтовали по правилу по хторим „кед существуют варианты-реплики странских словох, а присутна свідомосц о ориґиналу, норма реплики би ше требала унапрямовац гу ориґиналней форми” (Фейса, 2017а: 4). На основи того опредзельовали зме ше за тоту вариянту-реплику хтора у векшей мири кореспондує зоз жридловим моделом. Прето напр. *бейзбол* (не *безбол*), *бейбиситерка* (не *бебиситерка*), *бонбона* и *бонбонєра* (не *бомбона* и *бомбонєра*), *гулиган* (не *хулиган*), *Гюстон* (не *Хюстон*), *спринт* и *спринтовац* (не *шпринт* и *шпринтовац*), *грам* и *килограм* (не *грам* и *килограм*), *грунт* (не *грунт*), *хаос* (не *гаос*), *джезва* (не *джезба*) и др.

Понеже ше опредзельуєме за тоти вариянти хтори у векшей мири кореспондує зоз жридловим моделом, не записуєме ані зявйованє ґиятового консонанта *й* (консонанта хтори представя резултат звладованя ґията, т. є. одредзеного живкнуща медзи двома вокалами). Прето напр. *алкалоид*, *архаични*, *атеист(а)*, *бедуин*, *кокаин*, *кофеин*, *креирац*, *лаик*, *милион*, *мозаик*, *наивни*, *радио*, *сперматозоид* и др., а не *алкалоїд*, *архаїчни*, *атеїст(а)*, *бедуїн*, *кокаїн*, *кофеїн*, *креїрац*, *лаїк*, *миліон*, *мозаїк*, *наївни*, *радийо*, *сперматозоїд* и др.

Док перши проблем розришовани зоз малу перевагу морфолоґийного принципу, проблем странских словох розришовани зоз перевагу фонолоґийного принципу. Окреме ше то одноши на англицизми хтори на початку 21. вику у вельким чишлє вошли и уходза до руского языка (Фейса, 2019). Дзепоедни з нїх у першей фази адаптованя заступени зоз двома та и трома формами-репликами а ми препоручовали форму-ре-

плику хтора найблізша моделу. Векшина з них, окреме тоти зоз обласци информатики, не уключени до РСС. Наприклад: айфон, андейтовац, аутпут, бекап, ваєрлес, вай-фай, веб, дилитовац, дисплей, джойстик, зиповац, клипборд, линк, листинг, сайт, сейвирац, скенирац, скроловац, слот, смарт, тач-скрин, файл, фидбек, флеш(ка), флопи, фрейм, улоговац ше, чип и др. На основи уважованя модела и препоручованя истого за реплику ми у сущности не мали ніяку дилему коло писаня *импут* чи *инпут*. Гоч перша наведзена вариянта у одредзеной мири подпомогнута зоз аналогію запровадзenu спрам дієслова *импутовац* (од италиянского дієслова *imputare*), ми за информатични термин препоручуєме лем форму *инпут* спрам англійского модела *input*. Тиж так, и назва вароша на Босфору би требала глашиц *Истанбул*, а не *Истамбул* (РСС 867). Выбор медзи *гаджет* и *геджит* за нас вше бул лем *геджит*. Выбор за реплику модела *template* чежши бо по нашо простори доходзи и британска вариянта /'templeit/ и америцка вариянта /'templat/, але, заш лем, предкладаме британску вариянту *темплейт*. Винімово, дзепоедним зложеним словом охабени два форми. Так, наприклад, гоч моделу *e-mail* найблізша форма *имейл*, оправдана и скрацена форма *мейл*. Дзепоедниту наведзени англіцизми не облапени зоз потерашніма словніками. Додайме и же дзепоедни англіцизми настали на основи узвичасней пракси (напр. *лаптоп*, *таговац*, *роминг*) та на них не применени фонологийни принцип же би не пришло до значнейшого розиходзєня норми у литературним языку и стану у каждодньовой бешеди.

Без огляду на досц строги поступок при адаптованю нових странских словох, генерално патраци, у новей правописней литератури руского языка, т.є. у *Правописним словніку руского языка* (2017), *Правопису руского языка* (2019) и *Правопису руского языка зоз правописним словніком* (2022), не намагали зме ше гу унификованю одредзеной форми. Так напр. штири форми (*шлідуюци*, *шлідуючи*, *слідуюци*, *слідуючи*) або три форми (*препарирац*, *препаровац*, *препарировац*) звездєни на два (*шлідуючи* и, евентуално, у церковней терминології *слідуючи*; *препарирац* и *препаровац*), а не на єдну.

Вецейформносц заступєна и при лексичних вариянтох карпатского походзєня, напр. *вша* и *уша*, *хтори* и *котри*, *квет* и *квиток*, *вера* и *вира*, *мера* и *мира* и др. До рускей лексики (Рамач, 1983; 2002) уключуєме и єдну часц такв. коцуризмох *хтори*, кед су карпатского походзєня и кед маю место у даєдней зоз вариянтох русинского языка, маю место и у руским языку, як южнорусинскей вариянти, напр. *єщи*, *миш*, *грамушка*, *бежиц*, *ричиц*, *сичиц*, *клусти*, *жолти* (попри такв. керестуризмох *ище*, *миша*, *брамушка*, *бежац*, *ричац*, *сичац*, *тлусти*, *жовти*) и др. Цо ше дотика коцурского закончєня -лі (*булі*, *читалі*), хторе потвєрдзує и Карпатски арєал, а хторе хасную углавним старши генєрації, воно звездєне на уровень

застареного и може буц похасноване у белетристичней характеристикі старшого Коцурца. То ше одноши и на лексични вариянти хтори ше видиференцовали по приселеню до Бачки у Коцуре и Керестуре, як цо напр. *геровци* и *череги*, *голт* и *гольт*, *розмаринг* и *розмария*, *коваль* и *ковач*, *фанг* и *аколь*, *лепетка* и *мотиль*, *сом* и *харча*, *пупче* и *пипине*, *пампушки* и *бухти*, *шмарцмол* и *бендов*, *штрикер* и *триков*, *багрена* и *багрэн*, *гвиздочки* и *кичкиридж*, *канчовики* и *зомбульки* и др. (Фейса, 1997; 20176).

Гоч тримама же реплики хтори блізви моделу прилаплівши, та и вариянти зоз медзинароднима суфיקсами *-изм* (од *-ism*) и *-ист* (од *-ist*), не видзимо препреченє же би и форми зоз *-изем* (кед, з єдного боку, вокал *e* оможлівює легчєйше вигварянє консонантскей групи *зм*, а, з другого боку, условно повесц порусначує сербски форми на *-изам*) и форми зоз *-иста* (хтори ше у даєдних припадках меняю по пременки женского роду а у даєдних по мишаней пременки, за розлику од формах зоз *-ист* хтори ше меняю по пременки хлопского роду). Прето и *емпиризм* и *емпиризем*, и *популизм* и *популизем*, и *механізм* и *механізем*, и *економист* и *економиста*, и *капиталист* и *капиталиста*, и *тракторист* и *тракториста* и велі други (Фейса, 2019: 33).

ЛИТЕРАТУРА

- ДУЛИЧЕНКО, А. Д. (2009). *Jugoslavo Ruthenica II, Роботи з рускей филології и исторії*. Нови Сад: Филозофски факултет – Оддзелєне за русинистику, НВУ Руске слово, ИСБН: 978-86-7105-204-7, 412 боки (197, 199).
- КОСТЕЛЬНИК, Г. (1975). *Проза*. Нови Сад: Руске слово, 376 боки.
- КОЧИШ, М. М. (1971). *Правопис руского языка*. Нови Сад: Покраїнски завод за издаванє учебнікох, 160 боки (3, 4, 107).
- КОЧИШ, М. М. (1972). *Приручни терминологийни словник сербскограватско-руско-українски*. Нови Сад: Руске слово, 371 бок (107, 117, 127, 153, 188, 191, 198, 203, 219, 321).
- МЕДЕШИ, Г. (2008). *Язык наш насущни*. Нови Сад: Дружтво за руски язык, литературу и културу, ИСБН: 978-86-85619-10-6, 263 боки.
- МЕДЕШИ, Г. (2012). *З червеним подцагнуте*. Нови Сад: Дружтво за руски язык, литературу и културу, ИСБН: 978-86-85619-27-4, 163 боки.
- МЕДЕШИ, Г. (2013). *З червеним прецагнуте*. Нови Сад: Дружтво за руски язык, литературу и културу, ИСБН: 978-86-7105-204-7, 412 боки.
- МЕДЕШИ, Г. (2014). *З червеним виправене*. Нови Сад: Дружтво за руски язык, литературу и културу, ИСБН: 978-86-85619-34-2, 151 бок.
- МЕДЕШИ, Г. (2017). *З червеним дописане*. Нови Сад: Дружтво за руски язык, литературу и културу, ИСБН: 978-86-85619-46-5, 412 боки.
- НАДЬ, Г. Г. (1983). *Лингвистични статї и розправи*. Нови Сад: Руске слово, 192 боки.

НАДЬ, Г. Г. (1988). *Прилоги до исторії руского языка*. Нови Сад: Руске слово, ИСБН: 86-7105-011-4, 191 бок.

РАМАЧ, Ю. (1983). *Лексика руского языка*. Нови Сад: Универзитет у Новим Садзе, Филозофски факултет, Институт за педагогию, Катедра за руски язык и литературу, 265 боки.

РАМАЧ, Ю. (2002). *Граматика руского языка*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, ИСБН: 86-17-09626-8, 616 боки.

РАМАЧ, Ю., МЕДЕШИ, Г., ТИМКО-ДІТКО, О., ФЕЙСА, М. (2010). *Руско-сербски словник / Русинско-српски речник*. Нови Сад: Универзитет у Новим Садзе – Филозофски факултет – Катедра за руски язык и литературу, Завод за культуру войвођанских Руснацох, ИСБН: 978-86-6065-034-6, 886 боки.

СКУБАН, М. (1975). Недошлїдносци у нашим языку (Цо шицко остало неришене зоз Правописом и Словником). *Творчосц* 1, ИССН: 0351-9333, б. 28–34 (30).

ФЕЙСА, М. (1997). Карпатскосц коцуризмах. У: *Зборник роботох зоз Трецого шветового конгреса Русиных/Руснацох/Лемкох*. Руски Керестур: Руска матка, б. 155–168.

ФЕЙСА, М. (2017а). *Правописни словник руского языка*. Нови Сад: Филозофски факултет – Одделене за русинистику. ИСБН: 978-86-6065-419-1, 98 боки (4). <http://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2017/978-86-6065-419-1>

ФЕЈСА, М. (2017б). Осавремењавање русинског правописа. *Примењена лингвистика* 18, ИССН: 1451-7124, б. 29–42.

ФЕЙСА, М. (2019). *Правопис руского языка*. Нови Сад: Филозофски факултет – Одделене за русинистику. ИСБН: 978-86-6065-520-4, 73 боки (33). <http://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2019/978-86-6065-520-4>

ФЕЙСА, М. – МЕДЕШИ, Г. (2022). *Правопис руского языка зоз правописним словником*. Нови Сад: Завод за культуру войвођанских Руснацох, Филозофски факултет – Одделене за русинистику, Дружтво за руски язык, литературу и культуру. ИСБН: 978-86-89945-29-4, 260 боки.

Prof. Dr. Michajlo Fejsa
Univerzita v Novom Sade
Filozofická fakulta
Oddelenie rusinistiky
Ul. Dr. Zorana Dindiča 2
21000 Nový Sad
Srbsko

fejsam@gmail.com

ПІД КАРПАТАМИ: НОВА КОНЦЕПЦІЯ ІСТОРІЇ ЗЕМЛІ І НАРОДІВ З БАГАТЬМА ІМЕНАМИ. НАРИС 1: ТЕРИТОРІЯ І НАРОДИ ВЕРХНЬОГО ПОТИССЯ ВІД КОРОЛІВСЬКОЇ СТОЯНКИ КАМ'ЯНОЇ ДОБИ ДО ВХОДЖЕННЯ В СКЛАД АВАРСЬКОГО КАГАНАТУ (1 млн. років тому – VIII ст.)

Володимир ФЕНИЧ

Abstract

With this publication, the author begins to introduce readers to a new concept of the history of Subcarpathia / Transcarpathia. This essay (the first of four) will be about the most ancient period of the history of the land with many names under the Carpathians, starting from one million years ago and ending at the beginning of the 9th century AD, namely from the settlement in Korolevo of primitive man in the Stone Age till to the time when the region was under the influence of the Avar Khaganate.

Keywords: history, land, peoples, the Carpathians, the Upper Tisa region (Verhnie Potysia).

Вступ

В сучасному світі існують 193 незалежні держави, що входять до складу ООН і одна держава, що нею визнана – Ватикан, але не входить до її складу. Крім того, в світі існують 11 держав з невизначеним статусом, 38 територій з можливими претензіями у майбутньому на державний статус, 15 територій з постійним населенням без претензій на незалежність, 29 територій, що не мають постійного населення, і три території, що не є контрольовані центральним урядом, але які не претендують на повну державну незалежність. Таким чином, сьогодні в світі налічується 194 незалежні держави, 11 держав з невизначеним статусом та 66 різних територій. В той же час із 8-ми млрд. населення на Землі станом на тепер (2022) у світі проживає близько п'ять тис. різних народів, більшість з яких ніколи не мали, не мають і правдоподібно не будуть мати в майбутньому своєї держави.

Оскільки більшість із цих народів та їхніх земель-територій за різних історичних обставин у XX ст. опинилися в складі тих чи інших національних держав (частіше без їхньої добровільної згоди), дискримінаційний підхід істориків національних історіографій до минулого цих об'єктів/

суб'єктів історії в підсумку призвів до появи спотвореної версії історії самих національних держав, більшість з яких також складаються із багатьох земель-територій, поступово асимільованих під тиском титульного державного етносу. Про минуле абсолютної більшості з них, народжені після Французької революції з якобінським способом мислення національні історіографії, написали за останні двісті років суцільно дискримінаційні історії¹.

Серед таких регіонів опинилося і Закарпаття, незважаючи на те, що географічно край розташований в самому центрі Європи, а до середини ХХ ст. увесь час перебував у складі центральноєвропейських держав, що сформувало в його різноетнічних жителів емансиповану культуру та толерантну ідентичність. Сучасне Закарпаття, з найменшою площею за всю його історію 12,7 тис. кв. км., є більшим за площу 98-ми (із 193-х), а за населенням (даними останнього Всеукраїнського перепису 2001 р. – 1,2 млн. чол.) – 79-ти суверенних держав світу. Такі об'єктивні характеристики служать додатковою мотивацією для написання цілком нового наративу з історії підкарпатського регіону, розширивши контекст опису цієї землі з одним новітнім українським іменем (*Закарпаття*) до землі з багатьма іменами в далекому минулому.

За приклад виходу такого історичного нарису за рамки національного мастер-гранд-наративу скористаємось пропозицією київських істориків Георгія Касьянова та Олексія Толочка. Вони пропонують взяти за взірць «Кембриджську історію Скандинавії», що побачила світ у відомій в західній історіографії серії «Кембриджські історії». В ній географічною рамкою історії виставлено весь регіон Скандинавії, а не сучасні територіальні межі національних держав, що виникли на півострові здебільшого у новітній час. Ця серія сьогодні править в західній історіографії за поважний стандарт написання історичних праць щодо подібних регіонів. Під її брендом в академічному світі з'явилися «Кембриджська історія середньовіччя», «Кембриджська історія Візантії», «Кембриджська історія християнства», «Кембриджська історія Росії» тощо².

Підкарпатський регіон, що до 1849 р. не був відомим під жодною офіційною чи напівофіційною конкретною назвою своїм співвітчизникам чи/та іноземцям (хоч це не означає, що він їх не мав), і до 1946 р. розвивався в складі різних центральноєвропейських держав, якнайкраще

1 МАГОЧІЙ П. Р. (2008). Про написання історії народів і держав In: *Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки*, Випуск 3, Частина 1. Київ, с. 58 – 76; ФЕНИЧ В. (2022) Підкарпатське пограниччя: клопоти з історією землі і народів з багатьма іменами (ідентичностями) для національних історіографій In: *Ідентичності в умовах пограниччя: Матеріали Міжнародної наукової конференції (Ужгород, 27-28 січня 2021 р.)*, За заг. ред.: Павла Леню. Ужгород: ТОВ «РІК-У», ISBN 978-617-8046-64-4, с. 89 – 103.

2 КАСЬЯНОВ Г. В. – ТОЛОЧКО О. П. (2012). Національні історії та сучасна історіографія: виклики й небезпеки при написанні нової історії України In: *Український історичний журнал*, ISSN 0130-5247, № 6, с. 13 – 16, 22 – 24. (с. 4 – 24).

підходить, щоб до опису його минулого з багатьма іменами застосувати модель «Кембриджської історії Скандинавії».

Методологія дослідження: *територія – це поняття, а місце – ім'я*

Методологічним ключем до розуміння особливостей підкарпатського рухливого пограниччя з мінливими культурними ідентичностями³ може служити концепція *місця і території / імені та поняття* відомого угорського мислителя минулого століття Бейли Хамваша (1897–1968). Від найдавніших часів до XI–XII ст. підкарпатське пограниччя, на якому завжди проживали різні народи, ніколи не мало своєї виразної писемної назви. Зазвичай такі землі називають *місцем*, а не *територією*. «*Місце, – на думку Б. Хамваша, – не слід плутати з територією. Різниця між місцем і територією у тому, що у території є чисельне вираження, а у місця – вигляд. Територію, за рідкісним винятком, можна точно позначити за допомогою циркуля і лінійки, розміри її можна вирахувати до квадратного кілометра. Територія – це завжди геометрична фігура. Місце – це завжди малюнок, живопис; місце завжди – унікальне, інших таких немає. У території є формула, у місця – геній...*». Отже, робимо висновок, «*територія – це поняття, а місце – це ім'я*»⁴.

У випадку із підкарпатськими прикордонними землями з багатьма іменами, що віднедавна відомі нам виключно під українськими назвами *Карпатська Україна* (1939), *Закарпатська Україна* (1944) та безликою назвою *Закарпатська область* (1946), починаючи з XI–XII ст. вперше в історії краю *місце* стало *територією*, а *ім'я* трансформувалося в *поняття*.

До 26 листопада 1944 р. щодо російсько-української за своїм походженням назви *Закарпаття* використовувалося декілька офіційних та напівофіційних назв. Багато з них, крім можливо найбільш ребрендингової назви *Підкарпатська Русь*, сучасній людині майже не відомі. Такий висновок впливає після ознайомлення зі змістом шкільних підручників⁵ та академічних наративів⁶ з історії України. Натомість до радянсько-ко-

3 ФЕНИЧ В. (2022). Підкарпатське пограниччя., с. 89 – 103.

4 ХАМВАШ Б. (2006). П'ять геніїв, Пер. з угор. Марта Філь Ін: *Незалежний культурологічний часопис «І»*, Випуск 44. Львів, с. 278 – 279 (с. 242 – 317).

5 ФЕНИЧ В. (2015). Чому в шкільних підручниках історія Закарпаття перекручена [редакційна назва статті]. URL: <http://prozak.info/Ilstoriya/CHomu-v-shkil-nih-pidruchnikah-istoriya-perekruchena>; ФЕНИЧ В. (2015). Чому Закарпаття – «країна ведмедів» у підручниках [редакційна назва статті]. URL: <http://prozak.info/Ilstoriya/CHomu-Zakarpattya-krayina-vedmediv-u-pidruchnikah>; ФЕНИЧ В. (2015). Чому Закарпаття не прагнуло возз'єднуватися з УРСР у 1945 році [редакційна назва статті]. URL: <http://prozak.info/Ilstoriya/CHomu-Zakarpattya-ne-pragnulo-vozz-ednuvatisya-z-URSR-u-1945-roci>; ФЕНИЧ В. (2015). Чому про «національне відродження» Закарпаття не знають школярі. URL: <http://prozak.info/Ilstoriya/CHomu-pro-vidrozhennya-Zakarpattya-ne-znayut-shkolyari>; ФЕНИЧ В. (2015) Яким є Закарпаття XX століття у підручниках з історії. URL: <http://prozak.info/Ilstoriya/YAkim-e-Zakarpattya-XX-stolittya-u-pidruchnikah-z-istoriyi>.

6 ФЕНИЧ В. (2015). Вперед до минулого: Закарпаття в інтелектуальних дискурсах про Україну піс-

муністичного творіння *Закарпатської області* підкарпатський фронтір із нинішньою мінімальною територією площею 12,7 тис. кв. км. за свою археологічну та писемну добу знав близько двох десятків різних офіційних чи напівофіційних назв, поширених на максимальній території площею в 50 тис. кв. км. Кожна з них репрезентувала підкарпатську землю з багатьма іменами на рухливому пограниччі з мінливими ідентичностями в різні періоди історії⁷.

Концепція наративу «Під Карпатами: історія землі і народів з багатьма іменами»

В ході написання інтеррегіональної історії землі і народів з багатьма іменами під Карпатами належить послідовно дотримуватись чотирьох визначальних об'єктів наративу: 1) географії та природно-кліматичних умов життя на фронтірі/прикордонні, які впливали на формування культури, моралі, світогляду та менталітету його різних мешканців; 2) землі/землях (як місця і території) з різними іменами, на яких до кінця 1918 р. відбувалися синхронізовані події від Спішу на північному заході регіону до Сігета – його південному сході, від Карпатського хребта на північному сході до Ниредьгази і Мішкольца на заході; 3) держав, в складі яких перебували в різний час землі і народи під Карпатами, що визначали зовнішні та внутрішні адміністративні кордони, впливали на формування релігійних і національних ідентичностей та політичних лояльностей, формування у мешканців фронтиру різних -філій та -фобій, образів свого, іншого, чужого, ворога; 4) народів з різними іменами, релігією та культурою, які до появи серед них таких ідеологій і практик ХХ ст. як націоналізм та комунізм, віками проживали один з одним на рухливому прикордонні без особливих соціальних потрясінь та конфліктів на релігійному чи/та етнічному ґрунті.

Для того аби максимально розкрити означені об'єкти/суб'єкти історії новий наратив повинен передбачати глибшу репрезентацію комплексу соціальних структур, а саме: археологічних культур, первісних людських поселень, земель, городищ/градів (*oppidum*), замків, монастирів, сформованих сіл, церков, парафій, доміній (маєтків землевласників), коміта-

ля 1991 року In: *Studium Carpato-Ruthenorum 2015. Шмудії з карпаторусиністики*. 7., ISBN 978-80-555-1520-5. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity v Prešove, s. 70 – 101; ФЕНИЧ В. (2014). Вправління з історією по-українськи, або якою не повинна бути історія та історіографія Закарпаття після 1991 року In: Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія, Випуск 2 (33). Ужгород: Видавництво УжНУ «Говерла», с. 138 – 156; ФЕНИЧ В. (2015). Вчорашнє завтра: подолання негативної спадщини яacobинського мислення і практики в історичній освіті та науці України In: *Ювілейний збірник на честь професора Павла-Роберта Магоcсі = A jubilee collection: essays in honor of professor Paul Robert Magocsi: do 70-річчя від дня народження = on his 70th Birthday*, Відп. ред. та упоряд.: В. Падак, П. Крафчик = Editors and Compilers: V. Padiak, P. A. Krafčik. Ужгород – Пряшів – Нью-Йорк = Uzhhorod – Prešov – New York: Видавництво В. Падака = V. Padiak Publishers, ISBN 978-966-387-102-8, с. 203 – 234.

7 ФЕНИЧ В. (2022). Підкарпатське пограниччя..., с. 89 – 103.

тів, містечок (oppidum, Markte), міст (civitas), дистриктів (округів), самоврядних адміністративних та автономних одиниць, районів, областей.

Всю історію підкарпатського пограниччя умовно можна поділити на п'ять періодів, які визначають колективний (збірний) історичний портрет землі з багатьма іменами під Карпатами: 1) давній період (1 млн. р. т. – XI ст. н. е.); 2) угорський період (XI ст. – 1919 р.); 3) чехословацько-угорський період (1919–1946 рр.); 4) радянсько-український період (1946–1991) та 5) пострадянсько-український період (1991–).

НАРИС 1: ТЕРИТОРІЯ І НАРОДИ ВЕРХНЬОГО ПОТИССЯ ВІД КОРОЛІВСЬКОЇ СТОЯНКИ КАМ'ЯНОЇ ДОБИ ДО ПЕРЕБУВАННЯ ПІД ВПЛИВОМ АВАРСЬКОГО КАГАНАТУ (1 млн. років тому – VIII ст.)

В даному нарисі (першому із чотирьох) мова йтиме про найдавніший період історії землі з багатьма іменами під Карпатами починаючи від одного мільйона років тому і закінчуючи початком IX ст. н. е., тобто від Королівської стоянки первісної людини в кам'яну добу до перебування краю під впливом Аварського каганату.

Королівська стоянка палеолітичної людини 1 млн. років тому

Перші свідчення про поселення в області Карпат датуються 1,5–1 млн. років тому і вважаються одними із найдавніших ранньопалеолітичних стоянок первісної людини в світі. Археологічні знахідки, виявлені в період з 1975-го до початку 1990-х рр. на березі Тиси поблизу Виноградова в селищі Королево, підтверджують, що на території Верхнього Потисся проживали первісні люди, які належали до особливого типу (третього за хронологією після *Australopithecus* та *Homo erectus*) доісторичної людини, відомої як *Homo habilis* (Людина вміла). Разом із знахідками виявленими у 2000 р. на сьогодні відомими є сім найдавніших палеолітичних стоянок з району Королева, Сокирниць, Хуста, Бедевлі. Загалом у басейні Верхньої Тиси археологами відкрито понад 100 пам'яток людини кам'яного віку (від 1 млн. р. т. до 10 тис. р. до н. е.). Подібними також є поселення Сеня і Чаня, що розташовані в Східній Словаччині⁸. З того часу в регіоні Верхнього Потисся завжди існували людські поселення.

Після слабо вивчених близько 50-ти пам'яток мезолітичної доби IX–VI/V тис. до н. е.⁹, у Карпатському басейні Верхнього Потисся на терито-

8 КОТИГОРОШКО В. (2008). *Верхнє Потисся в давнину 1 000 000 років тому – X сторіччя н. е.* Ужгород: Всеукраїнське державне видавництво «Карпати», ISBN 978-966-671-151-2, с. 21 – 23 (Рис. 1) (430 с., іл., с. 409 – 430).

9 ТАМ САМО, с. 30.

рії чотирьох сучасних сусідніх держав (України, Угорщини, Словаччини і Румунії) археологами виявлено понад 200 неолітичних стоянок VI/V-IV/III тис. до н. е. Найвідомішими серед них є культури Кереш, лінійної кераміки, Самош-Дяково, Б'юкк, Ганцова, Устя Горліцка тощо¹⁰.

Мідно-бронзові стоянки людини в Тисо-Дунайському басейні в V-I тис. до н. е.

Епоха міді чи енеоліту (V – початок II тис. до н. е.) представлені в Карпатському регіоні такими археологічними культурами як Полгар, Баден, Бодрог-Керестур, Станівська. Географічно вони локалізовані в Угорщині, східній Словаччині, Румунії та Закарпатті¹¹. Епоха бронзи представлена носіями культури *Hírsher*, *Отомань*, Вітенберг. В ареалі розповсюдження культури Отомань (Трансільванія в Румунії) знаходилися родовища міді (Мідна гора і Рудна гора) та золота (Байя Маре). Племена культури Отомань, поширеної в тому числі й на території сучасного Закарпаття, мали добре налагоджені контакти з давньогрецькими жителями Мікен. Доказом цьому є орнаментика, виконана в «мікенському» стилі, що виявлена на городищі Спішські Штверток (Східна Словаччина)¹².

В період існування культури Отомань (XVII–XIV ст. до н. е.) в Трансільванії та Верхньому Потиссі були закладені основи металургії бронзи. Невдовзі виникла культура Суч'ю де Сус (XIV–XII ст. до н. е.), при якій досягла свого найвищого розквіту так звана балкано-карпатська металургійна провінція та бронзова індустрія. Аналогом культури Суч'ю де Сус у Верхньому Потиссі була *Станівська культура* (с. Станово Мукачівського р-ну Закарпатської обл.)¹³. Хронологічно останньою культурою епохи бронзи стала культура *Гава – Голіград* XII–VIII ст. до н. е.¹⁴

Куштановицька гальштатська культура середини VI – IV ст. до н. е.

Епоха заліза в Європі почалася з пам'яток гальштатської культури (поселення 15 км. від м. Зальцбург в Австрії), яка датується 700–450 рр. до н. е. Носіями культури Гальштат в Карпатському ареалі стали *фракійці*, які в I тис. до н. е. заселили величезні простори Європи від Вардар-Моравського басейну на заході до Пруто-Дністровського межиріччя та західного узбережжя Понту на сході, від Карпат на півночі до Пропонтиди, Егейського узбережжя та Анатолії на півдні. Північні фракійці, що мешкали в тому числі й у Верхньому Потиссі, були ав-

10 ТАМ САМО, с. 29 – 49 (Рис. 6).

11 БАЛАГУРІ Э. (2001). *Население Верхнего Потисья в эпоху бронзы*. Ужгород: УжНУ, ISBN 966-7400-14-6, 392 с.

12 ТАМ САМО, с. 87 – 242, 368.

13 ТАМ САМО, с. 243 – 288, 369 – 370.

14 ТАМ САМО, с. 289 – 322, 371 – 372.

тохтонами і «виросли» із культури Гава. Її ареал поступово розрісся із Верхнього Потисся та басейну р. Кереш в бік Трансільванії та Пруто-Дністровського басейну¹⁵.

Вторгнення киммерійців, а разом із ними і їхнього винаходу – заліза, зупинили просунення культури Гава на схід та південь. Як наслідок, вона проіснувала лише у Верхньому Потиссі до VII–VII ст. до н. е. Проникнення інших кочівників у регіон Верхнього Потисся – *скіфів*, у VI ст. до н. е. зупинили фракійці. Про них писали давньогрецькі автори Гекатей, Геродот і Страбон. Неспокійне життя фракійців у середині VI ст. до н. е. порушують зі сходу скіфи, а в IV ст. до н. е. – із заходу кельти. Найкращим свідченням пам'яток цього часу є носії *Куштановицької культури* (с. Куштановиця Мукачівського р-ну), ареал поширення якої охоплює нижню частину Верхнього Потисся та Східну Словаччину. В Трансільванії Куштановицька культура представлена групою пам'яток Саніслеу-Нір, а в північно-східній Угорщині – могильником Петнегазі¹⁶.

Галіш-Ловачка – один із центрів (оппідумів) латенської культури кельтів (після 279–277 рр. до н. е. – перед 60 р. до н. е.)

Носіями латенської культури (від назви поселення Ла Тен на березі озера Лас де Нейшатель у Швейцарії) або від культури Гальштат були *кельти*. Збірний образ назви численних племен на велетенських просторах Європи від Ірландії до Карпат і Анатолії в першому тисячолітті до н. е. Гекатей Мілетський та Геродот із Галікарнасу позначали кельтами. У 390 р. до н. е. кельти пограбували Рим, після чого їхні племена поширилися на всю територію Карпатського басейну¹⁷.

Прихід кельтів до Верхнього Потисся із нижнього Подунав'я датується кінцем IV ст. до н. е., хоч основна їх маса прибула вже після балканського походу 279–277 рр. до н. е. На території Верхнього Потисся археологами виявлено 69 кельтських поселень. Кельти були першим історичним народом на цій території, з іменем якого пов'язується виникнення поселень міського типу, занесених сюди з Риму. Їм вперше були характерні римські забудови *oppidum*, що були провінційним військовим центром та резиденцією кельтських вождів¹⁸. До приходу римлян в Карпатський регіон у I ст. до н. е. цей край не знав жодних справжніх постійних поселень.

Унікальною пам'яткою культури металообробного виробництва та ковальської майстерності кельтів є *оппідум Галіш-Ловачка*, що розмістив-

15 ПОПОВИЧ І. (2006). *Закарпаття за доби раннього заліза*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. ISBN-10 83-233-2235-X, ISBN-13 978-83-233-2235-1, 121 s.+foto.

16 ТАМ САМО, s. 15 – 31.

17 КОТИГОРОШКО В. (2008). *Верхнє Потисся в давнину...*, с. 116 – 122.

18 ТАМ САМО, с. 123.

ся в північно-західній околиці Мукачева на Закарпатті. Це найбільший промисловий центр Європи латенського періоду. Подібними до нього є культури Ґановец, Спішське Подґрадя та Великий Шаріш на заході, Невицьке і Арданово в центрі та Солотвино, Біла Церква і Сігет на південному сході Карпатського басейну. До цієї культури також належать пам'ятники Новий Клин на р. Ботар. Остаточне зникнення кельтів датується перед 60 р. до н. е. після зіткнення з північними фракійцями – даками. Основний удар було завдано по оппідуму Галіш-Ловачка¹⁹. Кельти були першим історичним народом на території Верхнього Потисся із власним іменем.

Дакійське царство північних фракійців у 82/65 до н. е. – 106 р. н. е.

Кардинальна зміна етнокультурної картини Карпато-Дунайського ареалу настала в I ст. до н. е. – I ст. н. е. Вона визначалася трьома головними факторами: 1) експансією Риму до Трансильванії і Карпат (соляних копалень), 2) просуванням колективних «германців» до Середнього Подунав'я та 3) утворенням «сарматського клину» в Тисо-Дунайському межиріччі²⁰. Наприкінці I тис. до н. е. на території Верхнього Потисся проживали два етноси: германські кельти-*анарти* (або під більш загальним іменем *анартофракти* / *анартофраки*), а після їх розгрому даками близько середини I ст. до н. е. – лише фракійці-*костобоки*²¹.

Перебуваючи увесь період свого доісторичного (= дописемного) розвитку в одному з епіцентрів кліматичних та міграційних еко-процесів у Європі²², Карпатський басейн та його корінний народ костобоки в 60-х рр. до н. е. – 106 р. н. е. знаходились в складі північнофракійської держави *Дакії*²³, на чолі якої стояли гето-дакійські царі Бурбеста (бл. 82 або 65 – 44 рр. до н. е.), Діурпаней (70–80-ті рр. н. е.) і Децебал (80-ті – 106 р. н. е.).

У I ст. до н. е. – на початку II ст. н. е. на величезній території Карпатського басейну в долинах рік Мара і Самош розкинулася північно-фракійська держава даків під проводом Бурбести, «першого і найвеличнішого із царів Фракії», як писав про нього візантійський історик готського походження Йордан²⁴. Центром дакійської культури стали гори Орештіє

19 ТАМ САМО, с. 122 – 154. Пор.: ПРОХНЕНКО І. (2022). Гірські масиви – природний кордон розповсюдження археологічних культур Закарпаття Іп: *Ідентичності в умовах пограниччя: Матеріали Міжнародної наукової конференції (Ужгород, 27-28 січня 2021 р.)*, За заг. ред.: Павла Леню. Ужгород: ТОВ «РІК-У», ISBN 978-617-8046-64-4, с. 64 – 65 (с. 61 – 68).

20 КОТИГОРОШКО В. (2008). *Верхнє Потисся в давнину..*, с. 299.

21 ТАМ САМО, с. 302 – 303.

22 Новая имперская история Северной Евразии. Глава 1. Политическая экология: формирование региона Северной Евразии (2014). In: *Ab imperio. Исследования по новой имперской истории и национализма в постсоветском пространстве*, Выпуск 1. Казань, с. 249 – 358.

23 Дет. див.: КОТИГОРОШКО В. Г. (1995). *Фракійці Верхнього Потисся (III в. до н. е. – IV в. н. е.)*. Ужгород: Ужгородський виробничо-видавничий комбінат «Патент», 130 с.

24 КОТИГОРОШКО В. (2008). *Верхнє Потисся в давнину..*, с. 156.

в Трансільванії із столицею Сармізегетузе (суч. Гредіштя Мунчелулуй). Укріплені північно-фракійські форпости (городища і фортеці міського типу *oppidum*) Дакії знаходилися в Ончешті (Румунія), Білій Церкві, Солотвині (городище *Четатя*), Малій Копані (городище *Сетідава*) – на Закарпатті²⁵, Земпліні, Девіні та Нітрянському Граді – в Словаччині²⁶. Після загибелі Буребісти Дакія розпалася на три, а згодом на п'ять частин. До початку нашої ери її територія звузилася до меж Карпатської улоговини із західним кордоном за р. Тисою²⁷.

Розквіт Дакії пов'язаний з правлінням царя Децебала. Як впливає із перше картографованими дакійськими городищами в «*Географії*» Клавдія Птолемея (бл. 100 – бл. 167 р. н. е.)²⁸, станом на початок 2000-х рр. в Карпатському ареалі археологічній науці відомо 87 дакійських городищ, з яких точно ідентифіковано лише 11. Серед них і Мала Копаня – Сетідава²⁹. Картографування городищ дозволяє побачити всю територію Дакийського царства, розділеного на п'ять зон: 1) північну, 2) західну, 3) центральну, 4) східну та 5) південну. Північна зона, до якої відносяться 5 городищ, знаходиться в сучасних місцях Словаччини та Закарпаття – Братиславі/Нітрі, Земпліні, Малій Копані – Сетідава, Солотвині – Четатя та Ончешті – Четецява. До західної зони входили 14 городищ розташованих на території сучасної румунської та угорської Трансільванії. Найбільш укріпленими були 42 городища центральної зони розташовані на території сучасної Румунії (в горах Орештіє знаходилася і столиця Дакії Сармізегетузи). Східна зона, до якої входили 10 городищ, містилася переважно на території сучасної Молдови та Пруто-Дністровському межиріччі, що примикає до Східних Карпат в Україні. Нарешті південна зона налічувала 17 городищ (в т. ч. Бухарест, Крешань та Мілков), що розташовувались в сучасній Румунії та в гирлі Дністра в Україні. За своїми розмірами дакійські городища археологи поділяють на три групи: 1) великі – 20-10 га землі, 2) середні – 6-3 га землі (такою була Сетідава – Мала Копаня) та 3) малі – 0,2-0,1 га землі³⁰.

Дакія – провінція Римської імперії у 107–271 р.

Після важкого завоювання Дакийського царства римським імператором Марком Ульпієм Траяном (105 р.), у 107 р. Дакія стала провінцією

25 На 39 розкопаних археологами до 2013 р. ділянок виявлено 53 житла, напівземлянки та наземні конструкції, з яких 42 дакійські: КОТИГОРОШКО В. (2015). *Сакральний центр Верхнього Потисся епохи пізнього латену*. Satu Mare: Editura Muzeului Sătmărean, ISBN 978-973-1843-96-4, 89 р. (398 с.) (паралельний текст: українською, румунською та англійською мовами).

26 КОТИГОРОШКО В. (2008). *Верхнє Потисся в давнину...*, с. 155 – 161 (с. 155 – 202).

27 ТАМ САМО, с. 161.

28 БАНДРОВСЬКИЙ О. Г. (1992). Свідчення античних авторів про Карпати (І ст. до н.е. – IV ст. н.е.) In: *Karpatica – Карпатика. Актуальні проблеми історії і культури Закарпаття*, Випуск І. Ужгород, с. 15 (с. 7 – 20).

29 ПРОХНЕНКО І. А. (2002). Дакійські городища I ст. до н. е. – початку II ст. н. е. In: *Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія*, Випуск 6. Ужгород: Видавництво В. Падяка, с. 15 – 19.

30 ТАМ САМО, с. 16. Пор.: КОТИГОРОШКО В. (2008). *Верхнє Потисся в давнину...*, с. 168 – 202.

Римської імперії з усіма наслідками романізації цілого Карпато-Дунайського басейну. Входження до римської цивілізації торкнулося й території Верхнього Потисся. За кілька десятків кілометрів від північного римського лімесу розташовувалися фортифікаційно-виробничі дакійські городища-опідуми Ончешть-Четецява, Біла Церква, Солотвино-Четатя, Мала Копаня та Земплін. Загалом на сьогодні нам відомо сотні пам'яток розміщених у Верхньому Потиссі римського часу (II–IV ст.) від сучасного Мараморош-Сігета в Румунії до Пряшева у Словаччині та від пониззя Карпат до сучасного Кішварда в Угорщині³¹. На території Верхнього Потисся уздовж рік Тиса, Самош, Тур, Латориця, Лаборка, Топла, Торіса і Горнад утворилися чотири економічні райони римських імпортив³².

Входження до контактної зони з римською цивілізацією на півтора сторіччя (до 271 р.) кардинально перекроїло етнічну картину Карпатського басейну та Верхнього Потисся. Подібно до сусідньої римської провінції Паннонії, у 118–119 рр. Дакія була розділена на Верхню і Нижню (*Dacia Superior et Inferior*), а 158–159 рр. – на три провінції. До початку Маркоманських війн (166/167–180 рр.) вона знову була об'єднана під назвою «провінції трьох Дакій». Римський лімес (укріплений кордон) на півночі імперії проходив через трансільванські гори нижче південної частини Верхнього Потисся. Тут будувалися міста, дороги, прикордонні фортеці, високі вали та глибокі рови. Птоломей налічує 43 дакійські міста, серед яких найбільшими були Сармізегетуза (*Ulpia Traiana*), Напока, Апулум, Потаїсса, Пороліссум і перше справжнє римське місто на лівому березі Дунаю – Дробета. Північний кордон Римської імперії (*limes Imperium Romanus*) досягав Карпатського басейну. В історичній науці існує думка, що під Римською імперією перебував соляний регіон Потисся між нинішнім Хустом та Бичковом, а можливо навіть і Земплін в Словаччині. За римської доби в Трансільванії було розпочато гірничі розробки промислового видобування золота, а на Мараморощині – солі. Крім того, ветерани римських війн, отримавши за вірну службу в Паннонії та Дакії землі, принесли сюди культуру хліборобства та виноградарства³³.

За цей час зміцнилися торговельні зв'язки двох римських провінцій – Дакії та Паннонії. Доказом культурного впливу римського світу на територію Верхнього Потисся може служити відкрите ужгородськими археологами у 2007 р. в Горянах (поблизу Ужгорода) городища, датованого III–IV ст., що розташоване біля місцевої Ротонди³⁴. Саму горянську Ротонду було зведено в романсько-готичному стилі десь у XII–XIII ст.³⁵

31 ТАМ САМО, с. 203 – 209 (Рис. 50).

32 ТАМ САМО, с. 260 – 262 (Рис. 63).

33 ТАМ САМО, с. 276 – 278.

34 ТАМ САМО, с. 155 – 265, 276 – 279, 298.

35 САКАЧ Б. Ж. (2013). Горяни (Gerény), греко-католицька церква Іп: *Середньовічні церкви від Тиси до Карпат. Шляхами середньовічних церков у Саболчському та Березькому краях і на Закарпатті*, Том

Писемні свідчення античних авторів про Карпати, Карпатський регіон та його мешканців в I ст. до н. е. – IV ст. н. е.

Писемні свідчення про Карпати та Карпатський регіон містяться у творах кількох античних авторів. Так, відомий римський державний і політичний діяч та полководець Гай Юлій Цезар у «*Записках про Галльську війну*» (58–50 рр. до н. е.) згадує про *Геркінський ліс*, розташований на схід від Галлії. Марк Віпсаній Агрипа у своїй карті, за традицією Гесіода, признавав поділ Дунаю на дві частини: верхню і нижню течію. Ріка Істр виступає в нього південним кордоном Дакії, на заході кордоном Дакії була Вісла, на сході – невизначена «*пустеля сарматів*». Історик та географ римської Греції Страбон у своїй «*Географії*» в 17-ти книгах (7 р. до н. е. або 17/18 р. н. е.) вважав Карпати продовженням *Геркінського лісу*, а західним кордоном Дакії вважав *Парис* – нижню течію Тиси, яка, за традицією Геродота, впадає в нього не в Дунай, а в Істр. По річці *Марис* (Марош/Муреш) Страбон проводить кордон між землями кельтів і даків. Із «*Описової географії*» одного з перших римських географів Помпонія Мели (бл. 44 р. н. е.), який здійснив у 5 р. н. е. експедицію до внутрішніх районів Германії, містяться згадки про кордон між Германією і Сарматією по р. Вісла. В четвертій книзі фундаментальної праці римлянина Гая Плінія Секунда «*Природничі історії*» (77 р. н. е.) є дані про землі Карпатського регіону. Пишучи про кордони «*царства Ваннія*», він твердить, що його західним рубежем була ріка *Марава* (Морава), а східним – р. *Ваг*. В районі Тисо-Дунайської низовини з'являються сармати-язиги, які витісняють даків у Карпатські гори. Західні Карпати в нього виступають продовженням *Геркінського лісу*, а Східні Карпати він називає «*великими скалистими горами*». Галльський римлянин Публій Гай Корнелій Тацит у своїй етнографічній праці «*Германія*» (кінець I ст. н. е.), даючи характеристику германським племенам, пише, що «*кінець Свевії*» становлять *квади* і *лугуї*, після чого в районі північно-східних Карпат живуть *певкіни*, «*яких декотрі називають бастарнами*». В районі Дунайського кордону Тацит розміщує племена *маркоманів*, *марсигнів*, *наристів* і *квадів*, а в західній частині Карпатського регіону розташовує племена кельтів-*котинів* та іллірійців-*озів*³⁶.

В другій і третій книгах «*Керівництва з географії*» грека Клавдія Птоломея (II ст. н. е.) міститься найдетальніший географічний опис земель Карпатського регіону. Карпатські гори представлені александрійським вченим як *Сарматські*, *Карпатські* і *Певкінські*, які проходять із заходу на схід. Західні Карпати у Птоломея являються південно-східним кордоном «*Великої Германії*», *Оркінський (Геркінський) ліс* представлений вченим невеликим локальним топонімом, що відповідає Білим Карпатам,

другий, Ред.: Тібор Коллар. Ніредьгаза: ТзОВ «Агенство територіального розвитку екологічного господарювання області Саболч-Сатмар-Берег», ISBN 978 963 086374 2, с. 53 – 60.

36 БАНДРОВСЬКИЙ О. Г. (1992). Свідчення античних авторів про Карпати..., с. 7 – 12.

ліс Луна – очевидно – Малим Карпатам, масив Високих і Низьких Татр одержав назву *Сарматських гір*, які «обмежують Європу з заходу», Бескиди – це, скоріше всього, гори *Аскібургіус*, а Низькі Бескиди, Українські Карпати і частина румунських Карпат, – одержують у Птоломея власну назву *Карпатські гори* і являються кордоном, який відділяє Європейську Сарматію від Дакії. Птоломей першим вжив термін «*Карпатські гори*». Ця назва вживається ним у «*Географії*» сім разів³⁷.

У науці існують дві версії пояснення походження цієї назви. Перша з них виводить назву Карпат від найдавнішого індоєвропейського висловлювання, яке збереглося в албанському слові *karpe* – «скеля». Птоломей вживав *KARPATES OROS*, а Марціан *KARPATNOM OROS*. Сама назва з повторним коренем *karp-* є фракійського походження, який став відомим римлянам після Дакійських війн імператора Траяна 101–106 рр. н. е. Друга версія пояснює етимологію назви від дако-грецького племені *карнів* (*карнії*, *карніди*, *карніани*, *карподаки*, *карпіли*). В описанні земель Птоломей згадує *карніан*. Карпи, фіксована поява яких на історичній арені відноситься до 238 р., одне із племен «*вільних даків*», що займали місце біля великих і скалистих Східних Карпат, а тому слабо співвідносяться з островом *Carpatos*, розташованого між Кіпром і Родосом³⁸. Назву Тиса Птоломей взяв з кельтської форми *Партіск*, а не від скіфського *Ріка*, яке перейшло в мову даків як *Tizs-Tise*, а потім у мову язигів³⁹. Стосовно кореня *OROS* жодних міркувань між ранніми авторами не збереглося.

Між 365 і 366 рр. було виготовлено *Певтінчерові* таблиці. Згідно з їхніми даними прикордонними племенами колишньої римської провінції Дакії названі *гемаксобії*, *сармати*, *лупіони*, *венеди*, *бастарни*, *кради*, *піти* і *рету*⁴⁰. Кради певно будуть карпами.

Костобоки та культура карпатських курганів у II–IV ст.

У II ст. н. е. на землях Верхнього Потисся вцілілі північнофракійські племена сформували *культуру карпатських курганів*, носіїв якої ототожнюють з племенами автохтонного населення *костобоків*. Маркоманські війни (166–180 рр. н. е.) сучасники розглядали як «змову варварів» проти Риму. Поки германці, сармати та північні фракійці руйнували рейнсько-дунайський лімес Римської імперії протяжністю 555 км., приблизно 170 р. на північному кордоні Дакії з'явилися вандали, які вступили у війну з місцевими племенами костобоків. Влітку 170 р. костобоки з півночі Дакії по долині р. Олт через Нижню Мезію, Фракію та Македонію вторглися в Ахайю, де розгромили відомий храм містерій Деметри та По-

37 ТАМ САМО, с. 12 – 16.

38 ТАМ САМО, с. 16.

39 ТАМ САМО, с. 17.

40 ТАМ САМО, с. 17.

сейдона в Елевсині. У 274 р. римські війська та цивільні поселенці-колоністи залишили Дакію⁴¹. Багатогранна історія корінного населення Верхнього Потисся костобоків переривається наприкінці IV ст. в період масових етнічних міграцій. Затухає життя в численних карпатських поселеннях, зникають згадки про даків і костобоків зі сторінок античних авторів⁴².

Гунни та гепіди в Тисо-Дунайському басейні у V-VI ст.

Спочатку колишню римську Дакію завоювали агресивні германські племена готи, карпи, вандали і гепіди. Непрохідні Карпати, назву яких уперше вжив у своїй географії Птоломей для позначення гірського кряжу між Дністром і Тисою, стали прохідними під час Великого переселення народів готів, гунів, гепідів, лангобардів та аварів, які вивели на історичну арену в Карпато-Дунайському басейні слов'ян – *склавів*.

У 375 р. тюркомовний азійський народ гунни перейшли Волгу і підкорили угрів, які проживали в регіоні під назвою Левадія між Каспійським, Азовським і Чорним морем. Після поневолення остготів, які розміщалися на північному узбережжі Чорного моря, гунни завоювали Карпато-Дунайський басейн. У 433 р., після того як римляни залишили Паннонію, великий вождь гуннів Аттіла переніс свою столицю в район нижньої Тиси, де до тих пір мешкали залишки сарматів/савроматів. Столиця Аттіли, на думку Едварда Гібона, знаходилася «*між Дунаєм, Тисою і Карпатськими горами, у низинах Верхньої Угорщини*»⁴³.

Катастрофічні наслідки для населення Верхнього Потисся мало вторгнення в кінці IV – на початку V ст. гепідів. Багатогранна історія корінного населення Верхнього Потисся кельтів, фракійців, даків і костобоків перервалася в кінці IV століття. Після битви при р. Недао в Паннонії у 454 р. гепіди на чолі з Ардаріхом розбили вщент своїх учорашніх федератів гунів і стали домінантами в Карпатському басейні⁴⁴. В результаті цієї інвазії землі Верхнього Потисся приходять в занепад аж до приходу слов'ян на початку VI століття.

Потисся в складі слов'янського світу «склавинів» VI-VIII ст.

«Паннонська котловина». Візуально саме так виглядає Карпатський або Карпато-Тисо-Дунайський басейн. Його територія має загальну площу 300 тис. кв. км. Вона розташована в самому серці Європи між Карпатами на півночі та північному сході, Трансільванським плато на південному сході, Сербськими Карпатами на півдні, нижньою течією Дунаю на

41 КОТИГОРОШКО В. (2008). *Верхнє Потисся в давнину..*, с. 297 – 303. Пор.: ПРОХНЕНКО І. (2022) *Гірські масиви..*, с. 66.

42 КОТИГОРОШКО В. (2008). *Верхнє Потисся в давнину..*, с. 303.

43 КОТИГОРОШКО В. (2008). *Верхнє Потисся в давнину..*, с. 294 – 295.

44 ТАМ САМО, с. 296.

південному заході та Альпами на заході. «Паннонська улоговина» знаходиться в межиріччі Вагу, Попраду, Тиси, Керешу, Марошу, Сави, Драви і Дунаю⁴⁵.

Території, про яку оповідається в даному нарисі, дали географічно-гідронімічну назву «Верхнє Потисся». Географічно вона розміщена у верхів'ях ріки Тиси під Карпатськими горами (північно-східною окраїною Карпато-Дунайського басейну), оточеного з одного боку велетенською гірською системою загальною протяжністю бл. 1 500 км., а з південно-західного боку середньою течією Дунаю. Територія Верхнього Потисся охоплює всю сучасну Закарпатську область України, Кошицький та Пряшівський край Словаччини, Саболч-Берег-Сатмарську землю Угорщини та Мараморош-Сігетський, Велико-Варадський і Сатмарський повіти Румунії. Її площа становить близько 50 тис. кв. км. Більша частина археологічних пам'яток так званої «Паннонської котловини» на сьогодні виявлена в горах північно-східної частини історичної Угорщини та басейні Дунаю і Тиси⁴⁶.

Землі розташовані вздовж ріки Тиси в писемних джерелах V ст. вперше були названі Потиссям. Перша згадка про неї належить візантійському ритору Пріску, який перебував у складі посольства свого імператора Максиміна до вождя гунів Аттіли 448 року. Уривки із твору Пріска наводять готський історик Йордан. Там згадується країна, розташована вздовж рік *Tigac* і *Tificas*, тобто Тиси і Темешу. На думку Пріска, вона була заселена «змішаним» народом «*скіфів*», який говорив на різних мовах (гуннській, готській і латинській), і пив напитек «медос». Йордан прочитав «Тігас» як «Тісна». На похоронах Аттіли, як він пише, гунни влаштували велике свято, що називалося «*страва*». Слов'янські назви «*медос*» і «*страва*» свідчать лише про те, «скіф» для візантійці був синонімом будь-якого північного варвара. До цього часу Тиса в писемних джерелах називалася *Патікус*, *Партікус* (грец. *Padisos*), що вважається похідним від франко-дакійської назви «Патіс». Слов'яни («скіфи») запозичили це слово від місцевого населення (можливо носіїв культури карпатських курганів костобоків – В. Ф.), сприйнявши його в значенні «Потисся» (за аналогією Помор'я, Подунав'я, Поморав'я тощо)⁴⁷.

Місцем розселення склавинів в Карпатській котловині могли бути Моравія, Словаччина та Закарпаття. На ці землі розташовує слов'ян і перелік народів, нібито охрещених Мартіном Турським, який був родом із Паннонії. Текст про це був складений у віршованій формі в Думію (суч.

45 *Dejiny Uhorska (1000 – 1918)*. Editor: Peter KÓNYA (2013). Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity v Prešove, ISBN 978-80-555-0921-1, s. 10 – 13 (787 s.).

46 КОТИГОРОШКО В. (2008). *Верхнє Потисся в давнину..*, с. 7 – 8.

47 КЛАНИЦА З. – ТРЖЕШТИК Д. (1991). Первые славяне в Среднем Подунавье и в Полабье In: *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)*, Отв. ред.: Г. Г. Литаврин. Москва: Наука, ISBN 5-02-010032-3, с. 7 – 8 (с. 7 – 26).

Португалія) місцевим єпископом Мартіном. В цьому пам'ятнику «*sclavus*» фігурує поряд з *паннонцем* та *ругом*, з іншого боку, згадані *нари*, *сармати* і *дати*. Форма назви слов'ян грецька. Єпископ Мартін із Думію, або із Браги, насправді народився приблизно в 510–520 рр. в Південній Паннонії, так само як і Мартин Турський. Він залишив цей регіон приблизно 536 р., а отже, його перелік народів відображає ситуацію в Тисо-Дунайському басейні напередодні 536 року. Відсутня згадка про аварів свідчить лише про те, що слов'яни жили за Дунаєм у північній частині Карпатської котловини ще до аварів (до 568 р.)⁴⁸.

Цікаво порівняти ці свідчення з описом кордонів Готської держави Прокопієм Кесарійським близько 535 р. у праці «*De rebus Gothom, Persarum ac Vandalorum*» («Про діяння готів, персів і вандалів»). Прокопій пише: «На внутрішній території за ними живуть сіскії і суеби, незалежні від франків, а також інші, відмінні від них, далі за ними знаходяться карни і норіки. Справа від них живуть даки і паннонці, які, крім інших міст, володіють Сінгідунумом і Сірмієм, землі їх тягнуться до ріки Істр». Нарі і дати Мартіна – це норіки і даки, причому під даками і у Прокопія, і у Мартіна маються на увазі гепіди. Карни звісно це карпи/карп'яни. В цьому випадку *руги* повинні позначати лангобардів, які жили в давньому Ругіланді⁴⁹.

Відомості єпископа Мартіна з Думію майже збігаються з іншими писемними свідченнями тієї доби. Згідно з Йорданом, який написав свій твір «*De origine actibusque Getarum*» («Про походження та діяння готів») близько 551 р., склав'яни (слов'яни) жили «від міста Новіетунум і озера, названого Мурсіанським, в напрямку до Дніпра і на північ від Вісли». Місто Новіетунум найчастіше ототожнюють з Новіедуном (суч. Ісакча) біля дельти Дуная, Мурсіанське озеро (*lacus Mursianus*) – з Мурсою (суч. Осек / Осіек в Хорватії) біля впадіння Драви в Дунай, або ж пов'язують цю назву з назвою притоки Серета Мусеусом. Лінія Дрново – Осек – Нижній Дунай точно відповідає кордону Візантійської імперії в той час, коли писав Йордан. Кордон на заході починався в Альпах, в передгір'ї яких знаходиться «фортеця в Паннонії» Дрново, далі кордон виходив на Дунай, де Сірмій пов'язувався з Паннонією та Італією. Склавіни, отже, жили по Йордану майже на всій території Карпатської котловини аж до Вісли, за винятком земель гепідів, які жили на землях колишньої Дакії. Іншими словами, Йордан хотів сказати, що склавіни жили за кордонами Візантійської імперії, на території, обмеженої на заході топонімами *civitas Novietunum*, *lacus Mursianus* (північніше Дрново і Осека / Осієка), на сході – Дніпром (а точніше – Дністром), на півночі – Карпатськими горами, за якими тече Вісла, і живуть венеди. Якщо бути ще більш точним, то склавіни жили в

48 КЛАНИЦА З. – ТРЖЕШТИК Д. (1991). Первые славяне в Среднем Подунавье и в Полабье..., с. 18 – 19.

49 ТАМ САМО, с. 18.

самій Карпатській котловині, на північ від лангобардів і гепідів⁵⁰.

Сьогоднішній археологічній науці відомо 19 ранньослов'янських старожитностей в області Верхнього Потисся. Їх картографування виглядає наступним чином: на сході вони розміщені від верхів'я Тиси до межиріччя Серне – Боржава, у центральній частині – групуються вздовж середньої і нижньої течії Ужа, а на заході – локалізовані в середній течії р. Ториси (Східна Словаччина)⁵¹.

Аварський каганат та «карпатські хорвати» (симбіоз карпаіан/карпів і слов'ян/«білих хорватів») в Карпато-Дунайському басейні (VI–VIII ст.)

В результаті трьох хвиль Великого переселення народів («германського» – 166/180–378 р., «гуннського» – бл. 375–453 р. та «слов'янського» – середина VI–VIII ст.) західна та південно-західна частина Верхнього Потисся, заселені вже переважно слов'янами (та слов'янізованими аварами), в період від близько 680-го до 791–796 рр. входять до складу Аварського каганату⁵².

Після того як 562 р. візантійський імператор Юстиніан відхилив прохання аварського кагана Баяна виділити йому землі в Подунав'ї, 568 р. авари в союзі з лангобардами розгромили гепідів і зайняли Паннонію, Тисо-Дунайське межиріччя та Далмацію. В слов'янські області на північ та північний захід від Паннонії авари спочатку не проникали. Навпаки, археологічні знахідки вказують на те, що авари повинні були оберігати свій північний кордон від цих слов'ян⁵³. 602 р. закінчилися аваро-візантійські війни, що привели до повної ліквідації укріплень дунайського лімесу⁵⁴.

У 20-х рр. VII ст. в Південній Моравії та Нижній Австрії виникла «Держава Само». Її поява пояснюється скоріше як оборонний союз слов'ян проти просування аварів на північ. «Держава», до якої приєдналися чехи і лужицькі серби, найбільш правдоподібно розташовувалося на землях на захід від нижньої течії р. Морави⁵⁵.

В результаті конфлікту між Аварським каганатом та Візантійською імперією (626 р.) більша частина слов'ян під назвою *білі хорвати* відступила на Балкани – місце, де пізніше виникли Хорватія та Сербія. Менша частина «білих хорватів» залишилася в Карпатському басейні. В писемній традиції носіїв попередньої місцевої культури карпатських курганів ототожнено з карпіанами (карпами), а слов'ян VIII–IX ст. – з «білими хор-

50 ТАМ САМО, с. 16 – 18.

51 КОТИГОРОШКО В. (2008). *Верхнє Потисся в давнину..*, с. 316 – 317 (Рис. 67).

52 ТАМ САМО, с. 279, 304, 336, 339–348.

53 АВЕНАРИУС А. (1991). Авари и славяне. «Держава Само» In: *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)*, Отв. ред.: Г. Г. Литаврин. Москва: Наука, ISBN 5-02-010032-3, с. 27 (с. 26 – 37).

54 ТАМ САМО, с. 33.

55 ТАМ САМО, с. 32.

вати»⁵⁶. У зв'язку з цим деякі історики вважають, що присянських, закарпатських та придністровських «білих хорватів» правильніше було би називати *карпатськими хорватами*⁵⁷.

Близько 680 р. до складу Аварського каганату ввійшла західна та північно-західна частина Верхнього Потисся. Північний кордон каганату проходив по лінії Чорсарок, від Тиси на заході до р. Красни на сході. Довкола по горах каган Баян розселив привезені з собою слов'янські племена, в гущі яких розчинилися місцеві гепіди⁵⁸. Однак на початку IX ст. (802–803 р.) Аварський каганат був повністю знищений германськими франками на чолі з Карлом Великим (771–814 рр.) та болгарським ханом Крумом (803–814 рр.)⁵⁹. Після цього територія і народи Верхнього Потисся вступили в новий період своєї історії, пов'язаний з Болгарським царством, Великоморавським князівством та різними угорськими племенами.

Висновки

Наведений вище фактичний матеріал, опертий на відомості археологічної науки та писемні джерела, дозволяє зробити декілька висновків. По-перше, на території Верхнього Потисся (Королеві на Закарпатті) знайдено одну із найдавніших у світі стоянок первісної людини, яка датується 1,5–1 млн. років тому. По-друге, від того часу дана територія була заселеною різними народами, які залишили по собі докази матеріальної та духовної культури мідно-бронзового віку (Станівська культура), залізного віку (Куштановицька культура). По-третє, першим історичним народом на території Верхнього Потисся були кельти (IV–I ст. до н. е.), один із політичних та економічних центрів яких (oppidum) Галіш-Ловачка знаходився поблизу Мукачева. По-четверте, землі і народи Верхнього Потисся в I ст. до н. е. – 105 р. н. е. входили до складу північнофракійської держави Дакії, центри (oppidum) якої знаходилися в Четатя (Солотвині), Сетідаві (Малій Копані), Земпліні та Девіні. По-п'яте, територія Верхнього Потисся у 107–271 рр. прилягала до північних кордонів Дакійської провінції Римської імперії, яка не лише возила звідси сіль, але й залишила тут помітний економічний та культурний слід (зернові культури та виноградарство). По-шосте, в часи костобоків (II–IV ст.) на даній території розвивалася власна культура карпатських курганів, знищена войовничими гепідами. По-сьоме, в писемних джерелах візантійського ритора Пріска (бл. 448 р.), візантійського історика Прокопія Кесарійського (бл. 535

56 КОТИГОРОШКО В. (2008). *Верхнє Потисся в давнину...*, с. 337 – 338, 342.

57 ВОЙТОВИЧ Л. (2004). «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати? Продовження дискусії In: *Дрогобицький краєзнавчий збірник*, Випуск VIII. Дрогобич: Коло, ISBN 966-7996-56-5, с. 38 – 45.

58 КОТИГОРОШКО В. (2008). *Верхнє Потисся в давнину...*, с. 340 – 341.

59 ТАМ САМО, с. 342 – 343.

р.), Мартіна Турського із Паннонії (до 536 р.) та візантійського історика готського походження Йордана (бл. 551 р.) в складі слов'янського світу «склавинів» згадується область Потисся. По-восьме, в період «карпатських хорватів» (суміші мігрантів-слов'ян «білих хорватів» з місцевими карпами/карпіанами) територія Верхнього Потисся в кінці VII – на початку IX ст. зазнала впливу з боку Аварського каганату. Після його розпаду під ударами франків та болгар (802–803 рр.) на землях під Карпатами розпочався новий період історії.

ЛІТЕРАТУРА

Dejiny Uhorska (1000 – 1918), Editor: Peter KÓNYA (2013). Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity v Prešove, ISBN 978-80-555-0921-1, 787 s.

АВЕНАРИУС А. (1991). Авары и славяне. «Держава Само» In: *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)*, Отв. ред.: Г. Г. Литаврин. Москва: Наука, ISBN 5-02-010032-3, с. 26 – 37.

БАЛАГУРИ Э. (2001) *Население Верхнего Потисья в эпоху бронзы*. Ужгород: УжНУ, ISBN 966-7400-14-6, 392 с.

БАНДРОВСЬКИЙ О. Г. (1992). Свідчення античних авторів про Карпати (I ст. до н.е. – IV ст. н. е.) In: *Karpatica – Карпатика. Актуальні проблеми історії і культури Закарпаття*, Випуск I. Ужгород, с. 7 – 20.

ВОЙТОВИЧ Л. (2004). «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати? Продовження дискусії In: *Дрогобицький краєзнавчий збірник*, Випуск VIII. Дрогобич: Коло, ISBN 966-7996-56-5, с. 38 – 45.

КАСЬЯНОВ Г. В. – ТОЛОЧКО О. П. (2012). Національні історії та сучасна історіографія: виклики й небезпеки при написанні нової історії України In: *Український історичний журнал*, ISSN 0130-5247, № 6, с. 4 – 24.

КЛАНИЦА З. – ТРЖЕШТИК Д. (1991). Первые славяне в Среднем Подунавье и в Полабье In: *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)*, Отв. ред.: Г. Г. Литаврин. Москва: Наука, ISBN 5-02-010032-3, с. 7 – 26.

КОТИГОРОШКО В. (2008). *Верхнє Потисся в давнину 1 000 000 років тому – X сторіччя н. е.* Ужгород: Всеукраїнське державне видавництво «Карпати», ISBN 978-966-671-151-2, 430 с., іл.

КОТИГОРОШКО В. (2015). *Сакральний центр Верхнього Потисся епохи пізнього латену*. Satu Mare: Editura Muzeului Sătmărean, ISBN 978-973-1843-96-4, 398 р. (паралельний текст: українською, румунською та англійською мовами).

КОТИГОРОШКО В. Г. (1995). *Фракийці Верхнього Потисся (III в. до н. е. – IV в. н. е.)*. Ужгород: Ужгородський виробничо-видавничий комбінат «Патент», 130 с.

МАГОЧІЙ П. Р. (2008). Про написання історії народів і держав In: *Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки*, Випуск 3, Частина 1. Київ, с. 58 – 76.

Новая имперская история Северной Евразии. Глава 1. Политическая экология: формирование региона Северной Евразии (2014) In: *Ab imperio. Исследования по новой имперской истории и национализма в постсоветском пространстве*, Выпуск 1. Казань, с. 249 – 358.

ПОПОВИЧ І. (2006). *Закарпаття за доби раннього заліза*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, ISBN-10 83-233-2235-X, ISBN-13 978-83-233-2235-1, 121 s.+foto.

ПРОХНЕНКО І. (2022). Гірські масиви – природний кордон розповсюдження археологічних культур Закарпаття In: *Ідентичності в умовах пограниччя: Матеріали Міжнародної наукової конференції (Ужгород, 27-28 січня 2021 р.)*, За заг. ред.: Павла Леню. Ужгород: ТОВ «РІК-У», ISBN 978-617-8046-64-4, с. 61 – 68.

ПРОХНЕНКО І. А. (2002). Дакійські городища I ст. до н. е. – початку II ст. н. е. In: *Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія*, Випуск 6. Ужгород: Видавництво В. Падяка, с. 15 – 19.

САКАЧ Б. Ж. (2013). Горяни (Gerény), греко-католицька церква In: *Середньовічні церкви від Тиси до Карпат. Шляхами середньовічних церков у Саболчському та Березькому краях і на Закарпатті*, Том другий, Ред.: Тібор Коллар. Ніредьгаза: ТзОВ «Агенство територіального розвитку екологічного господарювання області Саболч-Сатмар-Берег», ISBN 978 963 086374 2, с. 53 – 60.

ФЕНИЧ В. (2014). Вправління з історією по-українськи, або якою не повинна бути історія та історіографія Закарпаття після 1991 року In: *Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія*, Випуск 2 (33). Ужгород: Видавництво УжНУ «Говерла», с. 138 – 156.

ФЕНИЧ В. (2015). Вперед до минулого: Закарпаття в інтелектуальних дискурсах про Україну після 1991 року In: *StudiumCarpatho-Ruthenorum 2015. Штудії з карпаторусиністики. 7.*, ISBN 978-80-555-1520-5. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity v Prešove, s. 70 – 101.

ФЕНИЧ В. (2015). Вчорашнє завтра: подолання негативної спадщини яacobинського мислення і практики в історичній освіті та науці України In: *Ювілейний збірник на честь професора Павла-Роберта Магочія = A jubilee collection: essays in honor of professor Paul Robert Magocsi: do 70-річчя від дня народження = on his 70th Birthday*, Відп. ред. та упоряд.: В. Падяк, П. Крафчик = Editors and Compilers: V. Padiak, P. A. Krafčik. Ужгород – Пряшів – Нью-Йорк = Uzhhorod – Prešov – New York: Видавництво В. Падяка = V. Padiak Publishers, ISBN 978-966-387-102-8, с. 203 – 234.

ФЕНИЧ В. (2015). Чому в шкільних підручниках історія Закарпаття перекручена [редакційна назва статті]. URL: <http://prozak.info/Istoriya/CHomu-vshkil-nih-pidruchnikah-istoriya-perekruchena>.

ФЕНИЧ В. (2015). Чому Закарпаття – «країна ведмедів» у підручниках [редакційна назва статті]. URL: <http://prozak.info/Istoriya/CHomu-Zakarpattya-krayina-vedmediv-u-pidruchnikah>.

ФЕНИЧ В. (2015). Чому Закарпаття не прагнуло возз'єднуватися з УРСР у

1945 році [редакційна назва статті] URL: <http://prozak.info/Iistoriya/CHomu-Zakarpatty-a-ne-pragnulo-vozz-ednuvatisya-z-URSR-u-1945-roci>.

ФЕНИЧ В. (2015). Чому про «національне відродження» Закарпаття не знають школярі. URL: <http://prozak.info/Iistoriya/CHomu-pro-vidrozhennya-Zakarpatty-a-ne-znayut-shkolyari>.

ФЕНИЧ В. (2015). Яким є Закарпаття ХХ століття у підручниках з історії. URL: <http://prozak.info/Iistoriya/YAkim-e-Zakarpatty-a-HH-stolittya-u-pidruchnikah-z-istoriyi>.

ФЕНИЧ В. (2022). Підкарпатське пограниччя: клопоти з історією землі і народів з багатьма іменами (ідентичностями) для національних історіографій In: *Ідентичності в умовах пограниччя: Матеріали Міжнародної наукової конференції (Ужгород, 27-28 січня 2021 р.)*, За заг. ред.: Павла Леню. Ужгород: ТОВ «РІК-У», ISBN 978-617-8046-64-4, с. 89 – 103.

ХАМВАШ Б. (2006). П'ять геніїв, Пер. з угор. Марта Філь In: *Незалежний культурологічний часопис «І»*, Випуск 44. Львів, с. 242 – 317.

Doc. PhDr. Volodymyr Fenyč, CSc.

Užhorodská národná univerzita

Fakulta histórie a medzinárodných vzťahov

Katedra modernej histórie Ukrajiny a zahraničných krajín

Ukrajina

vf@vf.uz.ua

ŠPECIFICKÉ PROBLÉMY JAZYKOVEJ A NÁRODNEJ SEBAREFLEXIE RUSÍNŮV NA SLOVENSKU V DUCHU SČÍTANÍ OBYVATEĽOV, BYTOV A DOMOV V ROKOCH 1991 – 2021

Ľuba KRÁĽOVÁ

Abstract

The topic of the presented scientific study is specific problems of language and national self-reflection of Rusyns in the past and present. The author considers their strong assimilation with the majority nation to be the most serious problem of the Ruthenians in Slovakia, therefore, in her work, she reflects on the causes of this progressive assimilation of the Ruthenians in Slovakia from 1991 to 2021 and the unwillingness to change this unfortunate trend. In its own tables, it compares data from the statistical nationwide censuses in relation to the national structure and the structure according to the mother tongue of the Slovak population. In the comparison of the population censuses of the Slovak Republic from 1991 to 2021, it focuses on the analysis of the current position of the Ruthenians in the national structure of the Slovak Republic against the background of the news of the last population census, namely the analysis of the dual nationality of the Ruthenians and the resulting three combined relationships, nationality and another nationality, nationality and maternal language and other nationality and mother tongue among Ruthenians in Slovakia.

Keywords: linguistic and national self-reflection of the Ruthenians, assimilation of the Ruthenians with the majority Slovak population, national identity

ÚVOD

Slovenská republika je multikultúrna, multietnická a multikonfesionálna krajina, ktorú tvoria príslušníci väčšinového slovenského národa spolu s príslušníkmi národnostných menšín, s ktorými sú si rovní v dôstojnosti i právach.

V Slovenskej republike v dôsledku historického vývoja žije vedľa seba mnoho rôznych národností. Právo používať jazyk národnostnej menšiny je základné ľudské právo, t. j. je neodcudziteľné, nepremľateľné, neodňateľné a nezrušiteľné a nemôže byť predmetom referenda (č. 93, ods. 3 Ústavy Slovenskej republiky)¹.

Príslušníci rusínskej národnostnej menšiny celé stáročia obývajú kompaktné územie na severovýchode Slovenska, no aktívnych používateľov rusínkeho jazyka v každodennom kontakte v domácnostiach aj na verejnosti v posledných desaťročiach neustále ubúda. Napriek tomu rusínska národnostná menšina za-

1 Ústava Slovenskej republiky [online]. [cit. 22-04-10]. Dostupné z: <https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/1992/460/>

znamenáva nárast svojich príslušníkov od sčítania k sčítaniu, t. j. od roku 1991, v roku 2001 až po sčítanie v roku 2011. V roku 2011 už patrili Rusíni k tretej najpočetnejšej národnostnej menšine na Slovensku, po maďarskej a rómskej. A to nie preto, že sa Rusínov na Slovensku rodí stále viac, ale preto, lebo si čím ďalej, tým viac ich príslušníkov uvedomuje svoje národnostné korene. Napriek tomu žije na Slovensku mnoho potomkov Rusínov, ktorí síce hovoria po rusínsky, avšak sami sa cítia byť Slovákmi. Žije tu aj mnoho takých Rusínov, ktorí sa síce cítia byť Slovákmi, avšak za svoj materinský jazyk predsa len považujú jazyk rusínsky.

Z autorského sociologického výskumu z roku 2015² vyplynulo, že najmä najmladší potomkovia Rusínov sa hanbia za príslušnosť k národnosti svojich predkov. Túto skutočnosť manifestujú preferovaním slovenského jazyka v komunikácii na verejnosti.

Z hľadiska vekovej štruktúry sa v roku 2001 hlásilo k rusínskej národnosti najviac obyvateľov vo veku od 50 do 54 rokov a najmenej vo veku od 0 do 4 rokov, ale aj do 10 rokov, t. j. deti obyvateľov vo veku od 50 do 54 rokov, sami Rusíni ako rodičia už svoje deti neidentifikovali s rusínskou národnosťou. V roku 2011 sa tento trend nezmenil, mladí potomkovia rusínskych rodičov neidentifikovali svoje deti s rusínskou národnosťou, tým viac ak žijú v zmiešanom manželstve, či už je Rusínom manžel alebo manželka, očividne svoje deti identifikovali so slovenskou národnosťou. Proces etnickej sebaidentifikácie Rusínov na Slovensku po roku 1989 charakterizujú obrodzujúce prvky (kodifikácia rusínskeho spisovného jazyka na Slovensku, nárast počtu Rusínov hlásiacich sa k rusínskej národnosti a k rusínskemu jazyku ako k svojmu materinskému jazyku počas troch sčítaní obyvateľstva v rokoch 1991, 2001 a 2011...). Napriek tomu reálny počet Rusínov hovoriacich aktívne po rusínsky na Slovensku klesá. Klesá hlavne počet mladých a najmladších Rusínov, ktorí by ovládali svoj materinský jazyk tak, ako ovládajú štátny jazyk, t. j. slovenský. Zároveň nestúpa výraznejšie počet Rusínov, ktorí by ovládali svoj materinský jazyk v ústnej i písomnej podobe, pretože rusínske školstvo na Slovensku v podstate neexistuje. Inde ako v škole sa však s písomnou podobou spisovného rusínskeho jazyka od roku 1995, teda od roku jeho kodifikácie, nemajú kde príslušníci rusínskej národnostnej menšiny na Slovensku oboznámiť.

NÁRODNOSTNÁ ŠTRUKTÚRA OBYVATELSTVA SR V SČÍTANIACH OBYVATEĽOV, DOMOV A BYTOV OD ROKU 1991 DO ROKU 2021

Národnostná štruktúra obyvateľstva na Slovensku sa zmenila oproti roku 2011 aj vo vzťahu k slovenskej majorite, aj vo vzťahu k niektorým národnost-

2 KRÁĽOVÁ, Ľ., 2015. *ČemERICA IV – Závěrečná správa z terénneho sociologického výskumu s názvom Zisťovanie bariér sebareflexie vlastnej identity u rusínov a ich súvis s (ne)uplatňovaním garantovaných ľudských práv na Slovensku*. Bratislava: Združenie inteligencie Rusínov Slovenska. ISBN 978-80-971779-6-6.

ným menšinám. Doteraz neuplatňovaná možnosť prihlásiť sa k dvom národnostiam zamiešala karty takmer vo všetkých národnostných menšinách. Významným rozdielom oproti roku 2011 je nárast počtu celkovej populácie na Slovensku, o čom svedčí očividne fakt zvýšenia pôrodnosti a zastavenia trendu starnutia populácie v SR. Oproti roku 2011 sa počet obyvateľov Slovenska zvýšil o 69 815, a to na 5 449 270, čo je potešiteľná správa pre celé Slovensko. Zvýšenie počtu obyvateľov SR, aj možnosť zapísať si ďalšiu rovnocennú národnosť, kedy predsa len prevládajúcou prvou možnosťou bola pre mnohých obyvateľov slovenská národnosť, sa prejavili v prospech slovenskej väčšiny. Medzideciénový pokles počtu slovenskej väčšiny medzi rokmi 2001 a 2011 o 5% z celkovej populácie na Slovensku sa v roku 2021 zastavil a dokonca stúpol o 3,12%. Slovenskej majorite očividne prospelo umožnenie minoritám prihlásiť sa aj k ďalšej národnosti, pretože jednou z nich je vo väčšine prípadov práve národnosť slovenská. Interpretácia možnosti vybrať si dve národnosti samotným Štatistickým úradom SR je založená na rovnocennom chápaní oboch národností, preto ju nenazývame prvou a druhou národnosťou, ale národnosťou a ďalšou národnosťou.

1.1. Aktuálne postavenie Rusínov v národnostnej štruktúre SR

Pre analýzu výsledkov sčítania obyvateľstva z roku 2021 vo vzťahu k Rusínom v danej štúdii sú pre nás nateraz podstatné už publikované krížové či kombinované výsledky o **národnosti, ďalšej národnosti a materinskom jazyku**. Najprv je potrebné poukázať na štruktúru obyvateľstva SR podľa národnosti a podľa materinského jazyka – bez vzťahu k ostatným identifikačným znakom jednotlivca.

Pohľad na Tabuľku 1, ale hlavne Tabuľku 2 nie je pre Rusínov veľmi lichotivý. Pri výbere jednej národnosti **v roku 2021** totiž počet Rusínov na Slovensku klesol ešte aj pod počet Rusínov prihlásených k rusínskej národnosti v sčítacích hárkoch **v roku 2001 (23 746 v roku 2021 oproti 24 201 v roku 2001)**. Napriek silnej kampani rusínskych organizácií pred sčítaním obyvateľstva **v roku 2021, klesol počet Rusínov, ktorí si v anonymnom sčítacom hárku, v roku 2021 prvýkrát elektronicky, zapísali iba rusínsku národnosť, o 9 621 ľudí, v percentuálnom vyjadrení o 0,24 %**.

Tabuľka 1 **Národnostná štruktúra obyvateľstva v Slovenskej republike – sčítanie obyvateľov, domov a bytov (SODB) – 2001, 2011, 2021**

Bývajúce obyvateľstvo podľa TP* spolu	2021		2011		2001		1991	
	5 449 270	100 %	5 397 036	100 %	5 379 455	100 %	5 274 335	100 %
národnosť								
slovenská	4 567 547	83,82%	4 352 775	80,7%	4 614 854	85,8%	4 519 328	85,7%
maďarská	422 065	7,75%	458 467	8,5%	520 528	9,7%	567 296	10,8%
rómska	67 179	1,23%	105 738	2,0%	89 920	1,7%	75 802	1,4%
rusínska	23 746	0,44%	33 482	0,6%	24 201	0,4%	17 197	0,3%
česká	28 996	0,53%	30 367	0,6%	44 620	0,8%	52 884	1,0%
ukrajinská	9 451	0,17%	7 430	0,1%	10 814	0,2%	13 281	0,3%
ostatné	34 725	0,52%	9 825	0,2%	5 350	0,1%	2 732	0,1%
nezistené	295 558	5,42%	382 493	7,0%	54 502	1,0%	8 782	0,2%

*TP: trvalý pobyt

Zdroj: Vlastné spracovanie tabuľky zostavenej kombináciou: *Správy o postavení príslušníkov národnostných menšín za rok 2012*, s. 5; *Správy o postavení a právach príslušníkov národnostných menšín za obdobie rokov 2019 – 2020* a najnovšieho sčítania obyvateľov, bytov a domov, 2021 [online]. [cit. 22-04-10]. Dostupné z: <https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-narodnosti/SR/SK0/SR>

Zato ako ďalšiu národnosť si v roku 2021 vybralo rusínsku 39 810 obyvateľov Slovenska. Lenže tých skoro 40 000 ľudí si vybralo zároveň aj slovenskú národnosť. Poznajúc realitu národnostného života medzi Rusínmi na Slovensku, možno konštatovať, že v prípade mnohých obyvateľov s dvojitou národnostnou identitou, a to slovenskou a rusínskou, je slovenská národnosť prvá a rusínska – druhá z rôznych dôvodov, hoc by sme chceli korektne interpretovať obe národnosti ako rovnocenné. Buď preto, lebo títo obyvatelia Slovenska s dvomi národnosťami, jednou z nich rusínskou, nehovoria po rusínsky, hoc obaja rodičia sú Rusíni, ale s nimi všetci doma, t. j. rodičia či starí rodičia, tety, strýkovia... hovoria iba po slovensky, alebo preto, lebo jeden z rodičov je Slováč a oni doma hovoria iba po slovensky, no poznajú aj rusínsku identitu cez jedného zo svojich rodičov, alebo preto, ako často uvádzali naši respondenti v autorskom sociologickom výskume v roku 2015, že žijú na Slovensku a cítia sa viac Slováčmi ako Rusínmi, hoc všetci ich predkovia sú Rusíni, alebo preto, lebo sa hanbia za svoju rusínsku identitu a deklarovaním svojej národnosti ako slovenskej nadožujú väčší pocit istoty, že patria k slovenskej majorite a ďalšiu rusínsku národnosť chápu naozaj ako druhú možnosť v poradí, alebo preto, lebo naozaj cítia obe svoje identity, slovenskú a rusínsku, ako rovnocenné.

Tabuľka 2 Štruktúra obyvateľstva SR podľa deklarovaného materinského jazyka – SODB 2001, 2011, 2021

Bývajúce obyvateľstvo podľa TP* spolu	2021		2011		2001	
	5 449 270	100 %	5 397 036	100 %	5 379 455	100 %
materinský jazyk						
slovenský	4 456 102	81,77%	4 240 453	78,6%	4 512 217	83,9%
maďarský	462 175	8,48%	508 714	9,4%	572 929	10,7%
rómsky	100 526	1,84%	122 518	2,3%	99 448	1,8%
rusínsky	38 679	0,71%	55 469	1,0%	54 907	1,0%
český	33 864	0,62%	35 216	0,7%	48 201	0,9%
ukrajinský	7 608	0,14%	5 689	0,1%	7 879	0,2%
nezistený	312 364	5,73%	405 261	7,5%	66 056	1,2%

*TP: trvalý pobyt

Zdroj: Vlastné spracovanie tabuľky zostavené zo: *Správy o postavení príslušníkov národnostných menšín za rok 2012*, s. 85, tabuľka skrátená, [online]. [cit. 22-04-10].

Dostupné z: <https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-materinskeho-jazyka/SR/SK0/SR>

Tabuľku 2 sme zostavili z posledných troch sčítaní a zaznamenali sme v nej výrazný pokles používateľov rusínskeho jazyka ako svojho materinského jazyka. Z hľadiska štruktúry obyvateľstva SR podľa deklarovaného materinského jazyka sa vo vzťahu k Rusínom naplnili neblahé predpovede vytrácania sa rusínskej slovesnej kultúry z povedomia samotných Rusínov, pretože namiesto stúpania počtu prihlásených obyvateľov k rusínskemu materinskému jazyku alebo aspoň jeho stabilizácie došlo k výraznému prepadu Rusínov na Slovensku, ktorí za svoj materinský jazyk považujú jazyk rusínsky, v prospech slovenského materinského jazyka ako jazyka väčšinového národa SR.

Podľa nášho názoru je zníženie počtu používateľov rusínskeho jazyka ako svojho materinského o 16 790 obyvateľov SR za ostatných 10 rokov alarmujúci, pretože svedčí o necielení činnosti všetkých rusínskych profesionálnych inštitúcií, ale hlavne občianskych združení na to podstatné, zakladať rusínske školy všade tam, kde Rusíni žijú vo svojich odvekých sídlach. Na problém vytrácania sa rusínskeho jazyka z bežného používateľského módu nastupujúcich generácií poukazujeme posledných 10 rokov poznajúc veľmi dobre jazykovú prax v rusínskych obciach a mestách, kde žijú Rusíni, keďže sme tam v rámci Občianskeho združenia *Kolysočka – Kolíska* s istým úspechom zakladali večerné školy rusínskeho jazyka pre deti a dospelých, deklarujúc od samotného počiatku, že výučba rusínskeho jazyka detí jeho nositeľov mimo hlavného vyučovacieho procesu, teda vo voľnom čase žiakov či mladých dospelých Rusínov môže byť iba dočasná a nemôže nahradiť úlohu štátu a samospráv ako zriaďovateľov mestských a obecných škôl, kde by sa mal rusínsky jazyk vyučovať v riadnom

vyučovacom procese.

Výsledky sčítania obyvateľov SR v roku 2021 z hľadiska počtu aktívnych nositeľov rusínskeho jazyka ako svojho materinského jazyka sú jednoznačným a priamym ukazovateľom zanedbanej školskej politiky rusínskeho občianskeho sektora v posledných tridsiatich rokoch po Nežnej revolúcii, teda v rokoch oficiálneho uznania rusínskej menšiny v Československu a následne na samostatnom Slovensku po 40 rokoch jej zákazu.

1.2 Národnosť a ďalšia národnosť v sčítaní obyvateľov v roku 2021

V roku 2021 v Sčítaní obyvateľov, domov a bytov sa však k otázke „Aká je vaša národnosť?“ pripojila aj ďalšia otázka, čo bolo novinkou posledného sčítania obyvateľstva, a to Aká je Vaša ďalšia národnosť? Podľa štatistického portálu SODB 2021 sa „k slovenskej národnosti prihlásilo 83,8 % obyvateľstva, čo predstavuje takmer 4,6 milióna obyvateľov s trvalým pobytom na Slovensku. K národnostným menšinám sa prihlásilo 600 tisíc obyvateľov, čo tvorí 10,8 % z celkového počtu obyvateľstva s trvalým pobytom v SR. K maďarskej národnosti sa prihlásilo 422,1 tisíc obyvateľov, rómsku národnosť uviedlo 67,2 tisíc obyvateľov, českú 29 tisíc, rusínsku 23,7 tisíc. Podiely ostatných národností sú menšie ako 0,2 % (viac pozri Tabuľku 1 vyššie).

Na získanie komplexného obrazu národnostného zloženia obyvateľstva Slovenska mali obyvatelia prvýkrát v histórii možnosť uviesť príslušnosť k ďalšej národnosti prostredníctvom otázky „Hlásite sa aj k ďalšej národnosti?“. Celkovo sa na úrovni celej republiky k ďalšej národnosti prihlásilo 306,2 tisíc obyvateľov, tzn. 5,6 % obyvateľstva s trvalým pobytom. Ako ďalšiu národnosť uviedlo slovenskú národnosť 55,5 tisíc obyvateľov, rusínsku 39,8 tisíc obyvateľov, maďarskú 34,1 tisíc obyvateľov, rómsku 89 tisíc obyvateľov, českú 16,7 tisíc obyvateľov. V prípade rómskej a rusínskej národnosti je početnejšia ďalšia národnosť“³.

Pre zistenie reálneho obrazu o postavení národnostných menšín v Slovenskej republike sa v Sčítaní obyvateľov, domov a bytov 2021 zisťovali údaje novým spôsobom, a to v troch otázkach:

- Aká je Vaša národnosť?
- Hlásite sa aj k ďalšej národnosti?
- Aký ja Váš materinský jazyk?

Napriek tomu, že v rusínskom treťom sektore pred sčítaním obyvateľstva v roku 2021 prebiehal zápas o uznanie tohto moderného európskeho zratávania obyvateľstva aj podľa dvojitej identity obyvateľov Slovenska, pričom na počudovanie mladí zástupcovia Rusínov vo Výbore pre národnostné menšiny pri Úrade vlády SR spočiatku blokovali tento nový prístup zratávania

3 Štatistický úrad SR [online]. [cit. 22-04-10]. Dostupné z: <https://www.scitanie.sk/zilinsky-kraj-s-naj-vyssim-podielom-slovenskej-narodnosti>].

obyvateľstva na Slovensku, dnes pri analýze výsledkov posledného sčítania obyvateľstva na Slovensku v roku 2021 možno konštatovať, že Rusíni popri Slovákoch a Rómoch týmto spôsobom sčítania získali najviac. Namiesto 33 482 príslušníkov rusínskej národnostnej menšiny z roku 2011 sa v roku 2021 prihlásilo 23 746 + 39 810 ľudí, spolu teda 63 556 obyvateľov Slovenska.

Na jednej strane je to najmodernejší a najdemokratickejší spôsob zráťania počtu príslušníkov etnických minorít v natoľko multietnickom štáte, akým Slovensko zaiste je, pretože uznáva právo na dvojité identity, ktorá je u potomkov zmiešaných manželstiev prirodzeným javom. Priznaním ďalšej národnosti okrem slovenskej mali v roku 2021 prvýkrát v histórii obyvatelia Slovenska, ktorí pochádzajú zo zmiešaných manželstiev alebo z národnostne zmiešaných regiónov, možnosť priznať a uviesť si svoju dvojité národné identity.

Na strane druhej to však vytvorilo pri interpretácii výsledkov ostatného sčítania obyvateľstva na Slovensku nečakané mantinely nového spôsobu sčítavania obyvateľstva podľa dvojitej národnosti. Ako rátať objektívne prihlásenie sa k ďalšej národnosti? Z daného výsledku nevieme určiť, či si Rusíni písali rusínsku národnosť ako ďalšiu preto, že síce nehovoria po rusínsky, ale cítia svoje rusínske korene po jednom z rodičov, a tak sa u nich pocit národnej identity rozdvajal, lebo aj reálne majú dvojité identity, alebo majú obidvoch rodičov Rusínov, sú teda objektívne Rusínmi, no hanbia sa priznať iba jednu rusínsku identitu po predkoch, a tak sa hlásia aj k majoritnej identite, aj k svojej rusínskej menšinovej.

Nevieme totiž s presnosťou určiť, či prihlásením k rusínskej národnosti ako k ďalšej si obyvatelia len potvrdzujú resentiment k svojim rusínskym predkom, no necítia svoju rusínsku identitu cez rusínsky jazyk ako materinský, lebo pre nich je slovenský jazyk materinský. Alebo sú polovičnými Rusínmi, teda jeden z ich rodičov je Rusín či Rusínka a oni si napísali v sčítacom hárku národnosť oboch rodičov, no my nevieme, či sa cítia byť Rusínmi alebo Slovákmami.

Pri pohľade na Tabuľku 3 vidíme, že najviac opytovaných ľudí v celoslovenskom cenze v roku 2021 si vybralo rusínsku národnosť ako ďalšiu národnosť spolu so slovenskou národnosťou, a to **38 764** z nich, čo tvorí **97,4%**, teda takmer všetci obyvatelia Slovenska, ktorí si vybrali ako ďalšiu národnosť rusínsku si vybrali ako prvú možnosť národnosť slovenskú. Spolu s ostatnými národnosťami ako prvými (ukrajinskou, rómskou, maďarskou, českou a ruskou) sa k rusínskej národnosti ako k ďalšej prihlásilo v sčítaní v roku 2021 spolu **39 810** obyvateľov s trvalým pobytom v SR. Pri interpretácii výsledkov sčítania obyvateľov, domov a bytov z roku 2021 sa často uvádza toto číslo prirátané k počtu **23 746** obyvateľov iba s rusínskou národnosťou, t.j. **63 556**.

V Tabuľke 3 vidíme, že **5 479** ľudí si zakrúžkovalo najprv rusínsku a ako ďalšiu slovenskú národnosť (nevieme, či preto, že jedným z rodičov je Rusín/Rusínka a jedným Slovákom/Slovenka, alebo preto, lebo sú to Rusíni, ktorí si slovenskú identitu odvádzajú od toho, že žijú na Slovensku...), **247** rusínsku a ako

ďalšiu – ukrajinskú národnosť, 44 – rusínsku a potom českú, 42 – rusínsku a potom maďarskú či 33 – rusínsku a potom rómsku, čo znamená, že **6 610 občanov SR** si zakrúžkovalo ako prvú národnosť rusínsku a ako ďalšie vyššie vymenované národnosti.

Uznanie tohto moderného európskeho zráčavania obyvateľstva podľa dvojitej identity obyvateľov Slovenska medzi predstaviteľmi rusínskych organizácií tretieho sektora nebolo jednoznačné. Dnes pri analýze výsledkov posledného sčítania obyvateľstva na Slovensku v roku 2021 možno konštatovať, že Rusíni popri Slovákoch a Rómoch týmto spôsobom sčítania získali najviac. Napriek poklesu obyvateľov SR, ktorí sa prihlásili v sčítaní iba k rusínskej národnosti, namiesto 33 482 príslušníkov rusínskej národnostnej menšiny z roku 2011 sa v roku 2021 prihlásilo spolu **63 556 obyvateľov Slovenska** k rusínskej národnostnej menšine rôznym spôsobom, t.j. 23 746 (iba rusínska alebo prvá rusínska) +39 810 (rusínska ako ďalšia národnosť).

Tabuľka 3 Národnosť a ďalšia národnosť podľa sčítania obyvateľstva z roku 2021

Národnosť	Ďalšia národnosť						iná a nezistená	spolu
	slovenská	maďarská	rómska	rusínska	ukrajinská	česká		
slovenská		29 837	77 329	38 764 17,7% 97,4%	1 099 0,5% 69,3%	16 189	54 995	218 213
maďarská	19 535		11 402	73 0,18%	158 9,96%	243	14 842	39 341
rómska	19 031	3 592		133 0,33%	3	48	5 402	25 563
rusínska	5 479 9,9% 82,9%	42 0,1% 0,6%	33 0,03% 0,5%		247 15,6% 3,7%	44 0,3% 0,7%	1 277	6 610 100%
ukrajinská	1 069	96	7	694 1,74%		6	497	2 190
česká	5 686	198	111	51 0,13%	6		948	6 691
ruská	252	10	8	31 0,08%	45 2,84%	7	46 ...	500
iná	1 003	52	16	15	9	16	272...	1 907
nezistená	75	29	29	11	2	7	...	196
Spolu	55 496	34 089	88 985	39 810	1 586	16 715	35 588	306 175

Zdroj: Vlastná tabuľka vytvorená výberom údajov: [online]. [cit. 22-05-10].

Dostupné z: <https://www.scitanie.sk/vysledky-v-kombinacii>

1.3 Materinský jazyk vo vzťahu k národnosti v jednotlivých sčítaniach obyvateľov SR

V danej kapitole analyzujeme vzťah medzi prihlásením sa k svojej národnosti (jeho všeobecným ponímaním) a používaním materinského jazyka vo svojich domácnostiach, ale hlavne postupujúcu asimiláciu Rusínov s majorit-

ným národom na Slovensku naprieč tromi generáciami.

Pri sčítaní obyvateľov, domov a bytov sa **v roku 2001** k rusínskej národnosti prihlásilo podľa našich výpočtov 24 102 (podľa iných autorov 24 201) občanov SR a 10 987 k ukrajinskej národnosti. V roku 2011 sa k rusínskej národnosti prihlásilo 33 482 obyvateľov Slovenska a k ukrajinskej 7 430 obyvateľov.

V roku 2001 sa z tých občanov, ktorí sa prihlásili k materinskému jazyku rusínskemu (takmer 55 000 obyvateľov SR) – 41,4% obyvateľov prihlásilo i k rusínskej národnosti, 5,5% k ukrajinskej národnosti. No z tých obyvateľov, ktorí považujú za svoj materinský jazyk rusínsky, sa však viac ako polovica z nich, teda 52,6% prihlásilo k slovenskej národnosti. Zdalo by sa, že asimilácia so slovenským majoritným národom medzi Rusínmi na Slovensku je nezvratná.

Oveľa vyšší počet obyvateľov, ktorí považujú za svoj materinský jazyk ukrajinský, sa nakoniec i prihlásil k ukrajinskej národnosti, a to 80,5%.

Situácia sa však zmenila po desiatich rokoch, keď sa pomer medzi prihlásením sa k rusínskej alebo slovenskej národnosti medzi tými Rusínmi, ktorí považujú za svoj materinský jazyk rusínsky, zmenil. 54,3% z nich si zapísalo do sčítacích hárkov **v roku 2011** rusínsku národnosť a 41,2% slovenskú.

Kolísanie počtu obyvateľov SR, ktorí sa hlásia k rusínskej či slovenskej národnosti a zároveň **k rusínskemu materinskému jazyku** taktiež svedčí o asimilácii Rusínov v SR so slovenskou majoritou.

Ak v sčítaní obyvateľov v roku **2001** sa k rusínskemu materinskému jazyku hlásili predovšetkým obyvatelia slovenskej (52,6%) a až následne rusínskej národnosti (41,4%), v sčítaní obyvateľov v roku **2011** sa tento pomer obrátil v prospech obyvateľov rusínskej národnosti (54,3%) v porovnaní so slovenskou národnosťou (41,2%), no v roku **2021** je z 38 679 obyvateľov hlásiacich sa k rusínskemu materinskému jazyku mierne najviac tých, ktorí zároveň deklarujú aj rusínsku národnosť (49,45%) oproti tým, ktorí sa hlásia k slovenskej národnosti (47,22%). Reálne sa teda za 10 rokov, od roku 2011 do roku 2021, znížil počet obyvateľov hlásiacich sa k rusínskemu materinskému jazyku z 55 469 ľudí v roku 2011 na 38 679 ľudí v roku 2021, teda o 16 790 ľudí, a z tých takmer 38 700 obyvateľov Slovenska sa necelá polovica hlásila zároveň aj k rusínskej národnosti. Najvýraznejšie teda oproti roku 2011 poklesol počet obyvateľov SR, ktorí deklarujú rusínsku národnosť aj rusínsky materinský jazyk. Oproti roku 2011 ich počet klesol z 30 137 na 19 128 a ich pomerný počet klesol na 49,45% z 54,3%.

Myslíme si, že je namieste otázka, čo sa vlastne deje? Na škodu veci alebo skôr tejto analýzy nie sú ešte zverejnené hlbšie výsledky na druhostupňovú sociologickú analýzu, takže dnes zatiaľ nevieme konštatovať druhostupňový vzťah medzi deklarovaným materinským jazykom a vekom, ani výškou vzdelania, ani veľkosťou sídla, nevieme s istotou konštatovať, či sa daný pokles ľudí hlásiacich sa k rusínskemu materinskému jazyku týka podľa nášho predpokladu mladších a najmladších generácií Rusínov, pretože za ostatných 10 rokov sa

pominuli starší Rusíni, ktorí rusínsky jazyk ovládali od svojho narodenia ako prirodzený jazyk rusínskeho prostredia, v ktorom žili, alebo je to nejaká úplne inak.

Tabuľka 4 Obyvateľstvo SR podľa materinského jazyka a národnosti v sčítaní obyvateľov, domov a bytov z roku 2021

Sčítanie 2021	Národnosť							
Materinský jazyk	rusínska	ukrajinská	slovenská	česká	ruská	rómska	iná a nezistená	Spolu
rusínsky	19 128	1 033	18 265	25	39	64	77	38 679
	49,45%	2,67%	47,22%	0,06%	0,1%	0,16%	0,2%	100,0%
slovenský	4 328	941	4 406 283	4 862	271	14 058	19 645	4 456 102
ukrajinský	79	6 362	924	4	7	7	225	7 608
	1,04%	83,62%	12,14%	0,05%	0,09%	0,09, %	2,99%	100,0%
český	29	13	8 884	23 504	4	58	1 276	33 864
	0,085%	0,04%	26,23%	69,4%	0,01%	0,17%	3,77%	100,0%
ruský	18	980	549	6	2 846	1	162	4 947
anglický	13	13	2 034	7	2	11	764	4365
rómsky	75	3	55 768	52	5	43 618	918	100 526
	0,074%	0,003%	55,48%	0,052%	0,005%	43,39%	0,91%	100,0%
iný a nezistený	13	49	24 419	245	31	1 652	22 613	316 316
Spolu	23 746	9 451	4 567 547	28 996	3 245	67 179	304 446+	5 449 270

Zdroj: Vlastná tabuľka vytvorená výberom údajov: [online]. [cit. 22-05-11].

Dostupné z: <https://www.scitanie.sk/vysledky-v-kombinaci>

Dostupné z: http://www.statistics.sk/webdata/scitanie/def_sr/Data/100000/Z119_100000.pdf

Ak by sa tento výrazný pokles ľudí hlásiacich sa k rusínskemu jazyku ako svojmu materinskému týkal naozaj nastupujúcich generácií, Rusíni majú vážny problém zachovania svojej národnej identity na Slovensku, rovnako ako v celej strednej Európe. Daný pokles jasne preukázal dôsledok absencie rusínskeho školstva na Slovensku, ale aj nechotu rodičov rozprávať so svojimi deťmi po rusínsky. Pokles ľudí hlásiacich sa, hoc anonymne, v sčítacom elektronickom hárku k rusínskemu materinskému jazyku, je nateraz najväčší od roku 1990 a je podľa nášho názoru alarmujúci. Odráža realitu silnej asimilácie nastupujúcich generácií Rusínov so slovenskou väčšinou do tej miery, že za svoj materinský jazyk už nepovažujú jazyk svojich predkov, ale štátny jazyk.

Pri pohľade na Tabuľku 4 je zaujímavé taktiež porovnať rozdiely medzi národnosťami na Slovensku v stupni asimilácie s väčšinovým národom. Vo vzťahu k Rusínom sa v roku 2011 zdalo, že sa postupne zmení pomer ľudí hlásiacich sa k rusínskemu materinskému jazyku a zároveň aj k rusínskej národnosti, keďže v sčítaniach v roku 2001 a 1991 bol tento pomer vychýlený v prospech slovenskej národnosti, no v roku 2011 sa prevážil v prospech rusínskej, nie slovenskej národnosti (54,3% oproti 41,2%). V roku **2021** sa tento pomer takmer vyrovnal, čo znamená, že približne rovnaký počet obyvateľov Slovenska, ktorí

v poslednom sčítaní deklarovali, že ich materinským jazykom je jazyk rusínsky, sa zároveň prihlásili k rusínskej (s miernym náskokom) (19 128) alebo slovenskej (18 265) národnosti. Je to približne polovica (49,45% oproti 47,22%) z tých obyvateľov, ktorí sa prihlásili k rusínskemu jazyku ako k materinskému. Alarmujúci je však pokles počtu tých obyvateľov Slovenska, ktorí sa v roku 2021 prihlásili k rusínskemu materinskému jazyku (38 679) oproti predchádzajúcim sčítaniam obyvateľov, domov a bytov.

1.4 Ďalšia národnosť a materinský jazyk v sčítaní obyvateľov SR v roku 2021

Tabuľka 5 Ďalšia národnosť a materinský jazyk podľa sčítania obyvateľov z roku 2021

Materinský jazyk	Ďalšia národnosť								Spolu
	slovenská	maďarská	rómska	rusínska	%	ukrajinská	česká	nezistená a iná	
slovenský	12 180	14 286	42 108	25 699	64,55	708	12 244	32 820	157 918
maďarský	16 656	18 899	11 883	58	0,14	52	226	7 816	56 346
rómsky	14 392	475	34 680	170	0,43	1	36	2 367	52 198
rusínsky	4 077	28	61	13 536	34,0	237	34	518	18 658
ukrajinský	672	75	5	207	0,52	479	2	176	1 665
český	4 588	126	101	51	0,13	3	4 057	364	9 706
iný	250	28	5	8	0,02	4	31	591	1 052
nezistený	76	21	83	16	0,04	2	15	71	363
Spolu	55 496	34 089	88 985	39 810	99,83	1 586	16 715	16 852	306 175

Zdroj: Vlastná tabuľka vytvorená výberom údajov: [online]. [cit. 22-05-11].

Dostupné z: <https://www.scitanie.sk/vysledky-v-kombinaci>

Vzťah deklarovaného materinského jazyka a ďalšej národnosti je novo skúmaný kombinovaný vzťah, prvýkrát za vyše stáročnú históriu sčítaní obyvateľstva na území niekdajšieho Rakúsko-Uhorska, Československa a novodobého Slovenska a prvýkrát v histórii novodobého Slovenska v plne elektronickom sčítaní.

Z Tabuľky 5 sa dozvedáme, že rusínsku národnosť ako ďalšiu si vybralo na Slovensku v 2021 roku **39 810** ľudí, pričom najviac z nich, a to 25 699 (**64,55%**) deklarovalo **slovenský jazyk** ako svoj materinský a **34%**, t.j. takmer o polovicu menej, teda **13 536** uviedlo **rusínsky jazyk** ako svoj materinský jazyk.

ZÁVER

Jedným zo závažných prejavov pokročilej asimilácie Rusínov na Slovensku s väčšinovým národom je nevybudovanie rusínskeho školstva. Neexistencia rusínskych škôl v širšom rozmere (v súčasnosti existujú na Slovensku dve školy s vyučovacím jazykom rusínskym, štyri školy s vyučovaním jazyka rusínskeho a v jednej škole si môžu žiaci vybrať krúžok rusínskeho jazyka), kde by sa mladí Rusíni naučili ovládať svoj materinský jazyk v písomnej i spisovnej ústnej podobe, je príčinou i dôsledkom silnej asimilácie. Neexistencia potreby ovládať svoj jazyk v písomnej podobe môže viesť k jeho zániku vtedy, ak odídu poslední aktívni používatelia jeho ústnej formy.

Žiaden jazyk v modernej spoločnosti s veľkou migráciou obyvateľstva do miest a do iných krajín nemôže pretrvať do budúcnosti iba v ústnej podobe. Z toho jednoznačne vyplýva, že ***Rusínom na Slovensku chýba vzdelanie v národnostných rusínskych školách, kde by sa takéto základné a pritom primárne skutočnosti o svojom národnom živote ovplyvňujúcim ich národnú identitu dozvedali.*** Len v škole sa nastupujúce generácie učia históriu svojho národa i jeho spisovný jazyk v písomnej podobe. Ak takéto školy Rusínom chýbajú, chýba im ich základná podstata, podstata výučby k sebauvedomeniu. Práve chýbajúce rusínske školstvo je jednou zo základných bariér v sebareflexii vlastnej národnej, vrátane jazykovej identity u Rusínov na Slovensku.

Naše zistenia o postupujúcej asimilácii Rusínov sú alarmujúce. Samozrejme, je vecou interpretácie, ako ich uchopiť. Z nášho pohľadu robíme my Rusíni pre našu záchranu málo, privykli sme si na pohodlný život väčšiny a pre svoje deti nepožadujeme vzdelávanie v materinskom jazyku, ani učenie o svojej vlastnej histórii. Keď vraj žijeme na území Slovenska, tak sme všetci zákonite Slováci a máme ovládať hoc len základy histórie Slovenska, no už nie napríklad základy histórie Podkarpatskej Rusi. Slovenské obrozenie sa naše deti učia v slovenských školách, no nevedia skoro nič alebo vôbec nič o rusínskych buditeľoch...

Pokúsili sme sa vo svojej práci nastaviť zrkadlo tomu, ako Rusíni na Slovensku vnímajú seba samých. Že to zrkadlo nie je úplne číre a že sa v ňom Rusíni vidia z rôznych uhlov pohľadu, je fakt, ktorý sprevádza všetky demokratické politické režimy. Žiaľ, práve v období, ktoré je Rusínom najprajnejšie, z materiálneho, no hlavne z politického hľadiska, najviac strácajú. Pretože strácajú samých seba a nie sú ochotní si to sebakriticky pripustiť.

Demokratické Slovensko uznalo Rusínov za samostatnú, autochtónnu národnostnú menšinu začiatkom 90. rokov 20. storočia, čo spustilo reťaz obrodných procesov, nazývaných dokonca tretím obrozením Rusínov v Európe. Rusíni sa ovďačujú svojej vlasti plnou loyaltou, niekedy však až na úkor samých seba nepožadujúc od svojej vlasti dôsledné plnenie medzinárodných povinností signatára Európskej charty regionálnych a menšinových jazykov.

LITERATÚRA

Európska charta regionálnych alebo menšinových jazykov. Oznámenie Ministerstva zahraničných vecí Slovenskej republiky. In: *Zbierka zákonov č. 588/2001, Čiastka 229*, s. 6055- 6071 [online]. [cit. 22-04-10].

Dostupné z: <https://cloud2n.edupage.org/cloud/EUROPSKA-CHARTA-regionalnych-alebo-mensinových-jazykov.pdf?z%3APyV6EOdvB%2BZoS5dEuWjTU%2FWVfD%2BIHswilu3SYlm2w49yiSD7ift1uQSaj3TbGAvq>

KRÁLOVÁ, Ľ. (2015). *ČemERICA IV – Záverečná správa z terénneho sociologického výskumu s názvom Zisťovanie bariér sebareflexie vlastnej identity u rusínov a ich súvis s (ne)uplatňovaním garantovaných ľudských práv na Slovensku*. Bratislava: Združenie inteligencie Rusínov Slovenska. ISBN 978-80-971779-6-6.

Ústava Slovenskej republiky. In: *Zbierka zákonov č. 460/1992*. Časová verzia predpisu účinná od 01.12.2014 do 31.12.2015 [online]. [cit. 22-04-10]. Dostupné z: <https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/1992/460/>

Zákon o používaní jazykov národnostných menšín. Zákon č. 184/1999 Z.z., v znení č. 318/2009 Z.z., 204/2011 Z.z., 287/2012 Z.z. [online]. [cit. 22-04-10]. Dostupné z: <https://www.zakonypreludi.sk/zz/1999-184>

Internetové zdroje:

<http://census2011.statistics.sk/tabulky.html>

<http://www.rusyn.sk/scitanie-obyvatelstva-2011/>

http://www.statistics.sk/webdata/scitanie/def_sr/Data/100000/Z115_100000.pdf

http://www.statistics.sk/webdata/scitanie/def_sr/Data/100000/Z119_100000.pdf

http://www.statistics.sk/webdata/scitanie/def_sr/Data/100000/Z156_100000.pdf

<https://www.scitanie.sk/>

<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-materinskeho-jazyka/OB/SK0415520471/OB>

<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-narodnosti/OB/SK0415520471/OB>

<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-narodnosti/SR/SK0/SR>

<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-narodnosti/OB/SK0419520802/OB>

<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-materinskeho-jazyka/OB/SK0419520802/OB>

<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-narodnosti/OB/SK0419520942/OB>

<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-narodnosti/SR/SK0/SR>

podla-materinskeho-jazyka/OB/SK0419520942/OB
<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-narodnosti/OB/SK0419520942/OB>
<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-materinskeho-jazyka/OB/SK0419520942/OB>
<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-narodnosti/OB/SK0419520390/OB>
<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-materinskeho-jazyka/OB/SK0419520390/OB>
<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-materinskeho-jazyka/OB/SK0415520471/OB>
<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-narodnosti/OB/SK0415520471/OB>
<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-narodnosti/OB/SK0415521078/OB>
<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-materinskeho-jazyka/OB/SK0415521078/OB>
<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-narodnosti/OB/SK041A526673/OB7>
<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-narodnosti/OB/SK041A526673/OB>
<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-narodnosti/OB/SK041A526789/OB>
<https://www.scitanie.sk/obyvatelia/zakladne-vysledky/struktura-obyvatelstva-podla-materinskeho-jazyka/OB/SK041A526789/OB>
<https://www.scitanie.sk/vysledky-v-kombinacii>
<https://www.scitanie.sk/zilinsky-kraj-s-najvyssim-podielom-slovenskej-narodnosti>

PhDr., Mgr. Ľuba Kráľová, Ph.D.
Slovenské národné múzeum – Múzeum rusínskej kultúry
Masarykova 20
080 01 Prešov
Slovakia

luba.kralova@snm.sk

„БІЛЫ МІСЦЯ“ АБО ПОТЕНЦІАЛЫ РУСИНЬСКОЙ ЛІТЕРАТУРЫ НА СЛОВАКІЇ

Михал ПАВЛІЧ

Abstract

In our text, we deal with the possibilities of Rusyn literature in Slovakia after 1989. The first authors in this period who wrote in the Rusyn language were writers such as Mária Malcovská, Štefan Suchý and Mikuláš Kseňák. More than thirty years have passed since the beginning of the given literary period, nowadays we can enjoy the literary work of the older generation, but also of younger and emerging authors. It is customary to evaluate the existing literature, i.e. what was written and published, on the other hand, based on examples from the literary work of authors such as Daniela Kapraľová, Vladislav Sivý or Ľudmila Šandalová, in this text we would like to point out potential possibilities or white, unexplored places on the map of Rusyn literature in Slovakia in the future.

Keywords: Potential of literature. Contemporary Rusyn literature in Slovakia.

1. Вступ

Хоць є в літературній науці звичом описовати екзистуючі твори і їх авторів, в нашій статті бы сьме ся хотіли задумати і над можными смерованиями русиньской літературы в будучности. Не йде о ворожіння з кришталёвой кулі, ани о непідложены шпекуляції, збожны желання ці натиск на авторів, котрым боком бы ся мав розвой русиньской літературы уберати. Скорше хочеме вказати на дакілько потенціалів ці „білых місць“ на мапі русиньской літературы, котры мож обявити, а то на закладі трёх конкретных прикладів текстів, котры поважуєме за вынятковы на полю русиньской літературы на Словакії по р. 1989. Наперед але уведеме курту тематічну і жанрову характерістіку, общі знакы сучасной русиньской літературы на Словакії, што была выдавана за послідніх тридцять років.

2. Сучасна русиньска література на Словакії

О сучасній русиньській літературі на Словакії по році 1989 сьме подробніше писали уже в інших текстох¹, з той причіны в наслідуючій часті уведемо лем курты общі інформації і тези, выплываючі з нашого слідовання того періоду, а не деталіне выраховання авторів і аналізовання їх творів. Література, о котрій хочеме в слідуючих шориках писати, є прямим наслідком попереднього „мертвого періоду“, часу заказання русиньской народ-

1 ПАВЛІЧ, М. (2018) *Rusínska identita ako literárny problém. Pohľady na rusínsku literatúru na Slovensku po roku 1989. Dizertačná práca*. Prešov: Ústav rusínskeho jazyka a kultúry; ПАВЛІЧ, М. (2019) Сучасна русиньска література по році 1989 на Словакії. In: *Річник руськой бурсы 15/2019*. Gorlice: Stowarzyszenie „Ruska Bursa” w Gorlicach. ISSN 1896-222, с. 183-204.

ности (1945-1991) і „асіміляції автохтонного русинського насеління, што ся проявило заказом русинського языка і наслідним зрушінём русинських школ в краю.“² То вшытко ся наслідно проявило і в літературі: „Поезія, проза, драматургія, новинарство, літературознацельство, языкознацельство, історія літературы і культуры, театрознацельство, а тыж главны черты народа – русинська народность, віра і русинський язык – вшытко тото і много другого скоро півстороча не ествовало, было заказане у Советськім Союзі, а тыж у державах-сателітах Советського Союзу, де на своїх історичных землях як аборігены жыли в минулости і жыють доднесь Русины.“³

Розпад Советського союзу і Баршанова революція в р. 1989 значіли про Русинів шансу на позітивны зміны, а досправды – в наслідуючих роках дішло к заложінню народностных організацій, узнанню русинської народности на Словакії а наслідній кодифікації списовного русинського языка Русинів на Словакії в році 1995.⁴ Авторы, котры публіковали умельцьку літературу в українськім, або словацькім языку, могли уж слободні творити в своїм роднім языку – по русиньскы. Творы епохи третёго народного возроджіння сігнализовали (а много раз і прямо выядрёвали) ідеї русинського руху на Словакії. Были тыж і аргументачным доказом, котрый превказав способность русинського языка функчні екзистовати в розлічных сферах фунгованя языка⁵ враховано умельцькой літературы.

Темы і ідеї тых творів, ці выбір літературных жанрів свідчать о тогочасных „евфоричных“ часох і позітивных змінах, але і о цілѣх, якы хотіла русинська інтелігенція досягнути. В звязи з історичным періодом народного оброджіння в пол. 19. століття ся повторяють темы народной ідентіты, мотивованя краян ку гордості на своє походжіння і на потребу запоєваня ся до „будительських“ активіт, котрыма бы Русинів пробудили „з глубоко-го сна“⁶. Тема хоснованя русинського языка ся проявлявала в літературі ославлёванём красоты русинського языка, прямов апелацієв на то, абы Русины не забыли родный язык, а то в літературі про віковы категорії од найменшых дітей аж по дорослых.

Цалком логічно, літературу про діти (часто про тоту наймолодшу вікову категорію, макс. до 10 років) мож найти скоро у каждого русинсько-

2 ПАДЯК, В. (2012). *Нарис історії карпаторусинської літературы XVI. – XXI. стороча*. Пряшів: Сполук русинських писателів Словенська, ISBN 978-966-387-045-8, с. 114.

3 ПАДЯК, В. (2020). *Театер Александра Духновича. Цітадела русинського духа*. In ПАДЯК, В. – М. ПАВЛИЧ, едс. (2020). *Театер Александра Духновича: 30 років. Выбор з репертоара*. Пряшів: Видавельство Пряшівской універзіты, с. 6.

4 MAGOCSI, P. R. (2016). *Chrbtom k horám. Dejiny Karpatskej Rusi a karpatských Rusínov*. Prešov: Vydavateľstvo Universum. ISBN 978-80-89046-97-3, 595 s.

5 PLÍŠKOVÁ, A. (2007). *Rusínsky jazyk na Slovensku: náčrt vývoja a súčasné problémy*. Prešov: Metodicko-pedagogické centrum v Prešove. ISBN 978-80-8045-502-6, 116 s.

6 Алузія на стих присуджованый Александрови Духновичови *Подкарпатскіи Русины, оставте глубокый сонъ*.

го автора на Словачії, што мож висвітлити тым, же авторы поважають за потрібне, абы був надв'язаний контакт русинських читателів з літературов в ріднім языку уж од наймолодшого віку. Поезія про діти пише о типічних дитських темах (гра, природа, родина і т.д.), але часто є і під впливом ідей народної ідентити, главні утримлёваня зналости і хоснованя родного языка. Рарітнов в русинській літературі є література про молодеж (прибл. од 13-18 років), котра бы тематизовала проблеми і думкы интересны і адекватны про дану вікову категорію⁷.

В сучасній русинській літературі ся найчастіше можеме стрітити зо зборниками ліричної або лірично-епічної поезії (без комплекснішої внутрішньої форми) і з куртыма прозаічныма текстами (найчастіше байкы з понаучіннями і алегорічны розповіданя), жанры векшого розсягу як роман суть скорше вынятком, як правилом. Поезія в русинському языку є оного веще писана і публікована в порівнянню з прозов. Можеме ей характеризувати як продовжіння традицій будительского періоду – во великій мірі (але не без вынятків) ся хоснує штиривіршова строфа з рیمом ААББ або АБАБ⁸, а часта є тыж ізосилабічність віршів – дотримлёваня того самого чісла складів во віршах. Хоць є проза і драма в русинській літературі менше фреквентована, но русинський язык в театралній сфері є успішным і популярным і мімо русинської публікы дякуючі визначному Театру Александра Духновича.⁹

Русинська умельцька література ся найчастіше „одограє“ в знамім локалім просторі карпато-русинського села, котре може быти географічно конкретне, або ай анонімне і просторово універзалне. Часопростор в русинській літературі сімболічно представляє ідеалістичны, носталгієв прибарвлєны часы молодости, безпечности під охранныма „крылами родины“. Кедь ся дія одограє в екзотічнім (в змыслі нелокалім) просторі, іде о загранича ці місто в порівнянню із селом (опозиція позітивне село – негати́вне місто, позітивный домашне середовиско – негати́вна чуждіна). Префероване є тыж ретроспектівне розповіданя, навертаня до минулости і споминаня (мемоаровы тексты). Час не мусить быти конкретно

7 Одним з мала прикладів є проза Петры Семанцёвой, де суть автобіографічны тексты, тексты з темов самостатного жывога дорослого молодого чоловіка во великім місті (потенціал, новы можности, новий зачаток) ці темов першой любви. Позерай: ПАВЛІЧ, М. (2016) Петра Семанцёва і ей Россыпаны рядкы. In: Копорова, К., ед. (2016) *Studium Carpatho-Ruthenorum 2016. Штудії з карпаторусиністики* 8. Пряшів: Пряшівська універзіта в Пряшові – Інштітут русинського языка і културы – Центр языків і култур народностных меншин, с. 15-21.

8 Подля термінології А. Антоняка сусідні або парны (аа) і перехрестны (абаб). In: АНТОНЯК, А. (2014) *Вступ до теорії літературы. Высокошкольський учебник*. Пряшів: Пряшівська універзіта в Пряшові – Інштітут русинського языка і културы, с. 138.

9 Український народный театр, заложенный в році 1946, у році 1990 під веджінем Ярослава Сисака перешов на русинський язык і був переименований на Театер Александра Духновича. Позерай: ПАДЯК, В. (2020) Театер Александра Духновича. Цітадела русинського духа. In: Падяк, В. – М. Павлич, едс. (2020) *Театер Александра Духновича: 30 років. Выбер з репертоара*. Пряшів: Выдавательство Пряшівской універзіты, с. 11.

ідентифікователний, але дієвы реалії много раз веце указують на способ жывота в недавній минулости, як на сучасность.

Літературны герої русиньской белетрії звычайно¹⁰ выходжають з народных автостереотипів¹¹, ідеалізованих образів Русинів як народа честного і робітного, но худобного, з нелегков долів, котрого характер є незломный і дякуючі міцній вірі в Бога. Таксамо є але потребне увести і то, же себекритичный погляд на властный народ понукають авторы гумористичных текстів, таких як *Як Руснакы релаксують Штефана Сухого* ці „байко-фіглі“ **Осифа Кудзея**. Прісну критіку народа понукав тыж **Миколай Ксеняк** в своїй богатій байкарській творчости (критіка пасівіты, неохоты хоснованя родного языка, добровольной асімілації, респ. легковажного постоя к властній ідентиті і цілковой легковажности ку народно-стному вопросу).

3. „Білы міста“ і приклады потенціалів русиньской літературы

Генерація пореволучных писателів (а найчастіше троїця писателів **М. Мальцовска, Ш. Сухый, М. Ксеняк**) і ідеї епохы третёго народного возроджіня служать і надале до істой міры як взор про шырокий округ сучасных авторів. На другім боці але можеме вказати на дакілько припадів – по єднім з поезії, прозы і драмы – коли писатель заінтересовав шырокий округ чітателів і одборників, а єдночасно ся не одказовав од дідовизны і традицій тогочасной русиньской літературы, але інтересным способом ей можности розшырює.

О поезії **Даньелы Капралёвой** сьме уж писали в зборнику *Stodium Carpatho-Ruthenorum 2019*.¹² Маленький зборничок *Серна в (не)раю* нас іншпіровав к інтерпретації з погляду екологічної критікы. Дану статю мож поважовати і за аргумент, же (хоць не каждую) сучасну русиньску літературу є тыж можлие аналізувати з погляду іновативных приступів літературной науки.

10 Вынятком є главні Марія Мальцовска, котра тот позітивный русиньский себеобраз квалітатівні посувать психологізацієв, заміряньом на женскы поставы ці умелецькым спрацованьом конфліктів, котры выходжають з темы народной ідентіты (напр. квалітны тексты як Мамінка, Пришелець). Близше позерай: ПАВЛІЧ, М. (2018). Русиньска народна ідентіта як літературна проблема в творчости Марії Мальцовской. In: Копорова, К., ед. (2017) *Stodium Carpatho-Ruthenorum 2018. Штудії з карпатурсиністики 10*. Пряшів: Пряшівска універзіта в Пряшові. ISBN 978-80-555-1952-4, с. 62-73.

11 Форма стереотіпу – фіксованих постойв – котры собі вытваряють членове груп (в нашім припадї народа) самы к собі. Выядрює ся в них усвідомлєваня груповой ідентіты, суть вытваряны на закладї властной скушеносты з членством во властній групі і на познаню членів інших груп, vznikajúть спонтанні і іраціональні, суть передаваны традицієв, устным поданьом, і т. д. Автостереотіпы суть звычайно ідеалізованим образом властной группы, лем даколи суть і себекритичным ці іронічным зображінєм себе самого. (Переложене із чеського языка). *Sociologická encyklopedie* [online]. Dostupné na: <https://encyklopedie.soc.cas.cz/w/Autostereotyp_a_heterostereotyp>

12 ПАВЛІЧ, М. (2019). Віршы Даньелы Капралёвой з погляду еокритікы. In: Копорова, К., ед. (2019) *Stodium Carpatho-Ruthenorum 2019. Штудії з карпатурсиністики 11*. Пряшів: Пряшівска універзіта в Пряшові – Центр языків і култур народностных меншын, Інштїтут русиньского языка і културы, с. 43-55.

Капралёвой віршы ся займають універсальными, вічними темами як є одношіня чоловіка ку природі, страчання контакту з природным світом, критіка знежывання природы і ей підряджованя „панови творства” – чоловікови. В одношіню к тому є ту критіка морального упадку людства, авторка „бие на поплах” і упозорнює на зниканя позітивных людських годнот і кладжіня на перше місце конзумный приступ к жывоту. Часопросторово ся Капралёва орьентує на сучасность, котру мож ідентіфіковати на прикладі поларітної двоїці природы (позітивный, есенціальный, натуральный простор) а міста (негатівне, індустріальне, анонімне, заміряне на зіск і конзум і т. д.), причім простор є інтензивні і сугестівні описаний через вшыткы людскы змыслы („*skrytá v jesennom listí / cíti vůňu dubákov / v lone bozky posledných motýľov / ručia jelene / padajú žalude*“, с. 35; *кедь натреш воргы / малёватком / нігда не спознаш / некому / спрасканого рота / од морозу / од сонця / од соленых кліпаёк / жывота*, с. 32).

Капралёва є прикладом авторкы, котра собі не дає за задачу прегваряти до душы Русинам або прямо предлагати рішіня важных народностных вопросів, як то в минулости робив Миколай Ксеняк¹³ і много далшых авторів. Не значить то але, же бы про авторку не была народна ідентіта важна, але підпору русиньскому руху выядрює іншым способом – *Серна в (не)раю* є укажков фунгуючого білінгвізму в праксі. Авторка пише орігінальну поезію в русиньскім языку а таксамо і в словацькім языку. Не йде о переклады до другого языка ці транслітерацію з єдної графічної сістемы до другой, але о білінгвальну творчость – так як є русиньскый язык про авторку природным і фунгуючим языком про умелецьке выядріваня своїх ідей і думок, тов самов міров¹⁴ є про ню функчный і словацькый язык. Хоць розділений на словацьку і русиньску часть, ей зборник мож прияти як єден органічний цілок.

Таксамо є позітивне і приносне, же Капралёва не рахує з читателём, котрому є потребне вшытко „полопатістичні” выложыти без можности іншой інтерпретації. Ёй мінімалістичный поетічный язык собі жадать енергію і концентрацію, бо ей адресатом є активный і позорный читатель (што є і в звязи з посланём зборника), котрый через конкретізацію тексту находит властны значіня а таким способом ся стає активным співтворцём тексту.

13 Позерай: ПАВЛІЧ, М. (2016). Тематізація народної ідентіты в поезії Миколая Ксеняка. In: *Dynamicke procesy v súčasnej slavistike. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie 3. – 4. novembra 2016*. Editor: PhDr. K. Koporová, PhD. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, с. 234 – 244; ПАВЛІЧ, М. (2020) Оцініня творчости Миколая Ксеняка як ціложывотного проекту зміцнёваня русиньской народной ідентіты. In: Копорова, К., ед. (2020) *Studium Carpatho-Ruthenorum 2020. Штудії з карпаторусиністики* 12. Пряшів: Пряшівська універзіта в Пряшові – Центр языків і култур народностных меншын, Інштітут русиньского языка і културы, с. 58-67.

14 Половина зборника є написана в русиньскім языку, друга в словацькім, причім не іде о перекладных віршів з єдного языка до другого, але о орігінальны віршы написаны в двох языках.

Далшым интересным прикладом тематичной можности в русинській літературі є *Червений берег Людмілы Шандаловой*, в котрім авторка подає свідоцтво о бомбардованю русинських сел Нижній Верлих і Юркова Воля в часі Другой світової войны. Авторка виходить з реалних історичных подій, котры спрацовала до умелецькой подобы. Шість повідань є заложених на розповіді авторчиной родини і жителів сел, котры были прямима свідками удалостей. „Протагоністами не суть „войновы герої“ знеприятелених штатів, але праві цивільне русинське жытельство, герої-недобровольници, котры в кождій войні терплять найвеце і нераз приходять о вшытко. Політична сітуація ці конкретны формователі історії не суть вызначны, Шандалова акцентує псіхічне пережываня простых людей.“¹⁵

В звязи з історичнов тематиков Шандаловой прозы можеме спомянути методу *оральной історії*, т. зн. збераня і наслідне штудованя історичных інформацій о індивідуалах, родинях, важных удалостях ці каждоденнім животі з поужытём авдіонагравок, відеопасок, або переписів напланованих інтервю.¹⁶ Такий приступ не є в русинській літературі цалком „terra incognita“, мож спомянути і позитівні годночений і оцінёваний зборник текстів **Миколая Ксеняка**, *Біда Русинів з дому выгання*¹⁷, котрый розлічними способами (поезія, прозаічны розповіді дротарів, драма-єдноактовка, фотографії) інформує о феномені дротарства, ці недавно выданы *Стары руцаньскы пригоды Івана Боднара*¹⁸, де бісідують бывшы жителі стариньской области о каждоденнім животі, повірах, сельских фіглярёх, але і о околностях высеління в емотівнім тексті *Послідня жытелька*.

Історичный роман респектуючий добову реаліту або белетрізований животопис народных будителів (як приклад з русиньской літературы уваджаєме драму, погляд на часть жывота русиньского будителя, *Адолф Івановіч Добрянський: Зоря на небі, а над головов штранг Карла Горак* в перекладі **Василя Турка**¹⁹) бы тыж ненученым і интересным способом могли інформовати своїх чітателів о минулости, што бы наслідно могло выкликати глубшый интерес о властну історію. Интересным є про нас тыж

15 ПАВЛІЧ, М. (2017) Літературна рефлексія войны в оповіданнях Людмілы Шандаловой. In: Копорова, К., ед. (2017) *Studium Carpatho-Ruthenorum* 2017. Штудії з карпаторусиністики 9. Пряшів: Пряшівска універзіта в Пряшові – Інститут русиньского языка і культуры – Центр языків і культур народностных меншын, с. 15.

16 Переложене з англійського языка. *Oral history* [online]. Доступне на: <https://en.wikipedia.org/wiki/Oral_history>

17 КСЕНЯК, М. (2002). *Біда Русинів з дому выгання*. Пряшів: Світовый конгрес Русинів, ISBN 978-80-88769-32-9, 126 с.

18 БОДНАР, І. (2021) *Стары руцаньскы пригоды*. Пряшів: ОЗ Колысочка – Koliska. ISBN 978-80-8244-000-6.

19 ГОРАК, К. (2020) *Адолф Івановіч Добрянський: Зоря на небі, а над головов штранг*. In: ПАДЯК, В. – М. ПАВЛІЧ, едс. (2020) *Театер Александра Духновіча: 30 років. Выбер з репертоара*. Пряшів: Выдавательство Пряшівской універзіты, ISBN 978-80-555-2656-0, с. 249-276.

і запоїня реалных історичных особностей русиньскої історії до текстів літературної фікції.²⁰

Наконець бы сьме хотіли упрямити позорность на драматичный текст **Владіслава Сивого** *Місія*. Автор ся уж в минулости проявив як здатный драматик комедієв *О двух бездомовцях*²¹, наслідуючий текст поважуєме за вынятковый главні з причіны зволеного жанру – наукова фантастика. Дія *Місії* виходить з банальной сітуації – дві упрятовачкы-Русинкы ся од радости зо стрітнута з краянков кус припиють і нехотячі спускають штарп весмірного корабля з техніком (самособов, далшым Руснаком) на палубі.

При писаню science fiction мож зауяти два протилежны постої – або ся будеме концентровати на „science“ або на „fiction“. В першім припадї суть про автора важны технологічны інформації, фізікальны закони і одгаднута потенціалу сучасных технічных можностей в напрямі до будучности.²² В припадї другім ся автор веце занимає дієв, выступуючіма особами і можностями їх фунгованя, а тыж реагованя на сітуації, котры виходжають з фантастичной премісы – тогды ся авторы веце занимають психологієв главных персон, моральными а етичними вопросами і под.²³

Про Владіслава Сивого є весмірний простор лем кулісами, котры суть потрібны на розповіданя дії. Ціль ёго розповіді (спочатку чисто смішної і абсурдної – трёми Руснаци на весмірній лоді) є сітуацію поступно не-нападні приборавити і важными вопросами, або і фантазірованєм „што, кебы...?“. Як собі недобровольна посадка весмірного корабля усвідомить, наслідкы суть важны і незвратны – знічена карьера, великы фінанчны шкоды, меджінародна бламаж і розбита фамилія – то вшытко веде персоны Сивого тексту к рішіню не вертати ся домів „на відповідность“, але йти дале до незнамого весмірного простору.

Як уж было высше назначене, весмірний простор є цалком вынятковым про сучасну русиньску літературу. А хочь автор не підцінів технічны і фізікальны реалії (в текстї мож найти множество выразів з даной области, з котрыма ся в сучасній русиньській літературі досправды не стрічаєме), весмір ту не фунгує в одношіню пустоты і подмінок не мож-

20 К тому нас інспіровав *Zaklady kláštor* успішного словацького писателя Юрая Червенака, в котрім выступує збератель фолклору Павол Добшінський. Реална історична особність є функції запоєна до детективного патраня дякуючі Добшінського зналостям фолклору даной области. Докладный історичный выскум і конзултації з одборниками потім заручують, же такой літературный чін буде без „перекручованя історії“ або зневажованя одказу історичной особности. Анотацію книжки *Zaklady kláštor* мож найти онлайн на: <<https://cervenak.sk/clanok/zaklady-klator>>

21 Автор быв за тот твір оцінений в рамках Літературного конкурзу Марії Мальцовской (організований Сполком русиньских писателів Словеньска) в р. 2017.

22 Так мож пописати „тверду“ наукову фантастику (hard science fiction), котра хоснує зналости із хемії, фізики, астрофізики, математики і т. д.

23 „Мягка“ наукова фантастика (soft science fiction), котра хоснує главні зналости із психології, соціології а т. д., замірює ся на психічне переживаня, вопросы моралки і етики в одношіню ку технічному прогресу.

них про людський живот, але Сивий ся ослободив од простору русиньского сельского реалізму і вошов до простору потенціалів і нових зачатків – Сивого герої спалили мости і перерушили контакт з людьми нелем на уровни родини ці надряджених, але із цілым людським поколінням. А в таким припадї є можне позерати і йти лем вперед... („Хто знать, ці ся нашим героям подарило долетіти аж на байну планету а ці там заложыли штат, або не заложыли... (...) Хто знать, може раз, як на Земли выгыне людство, Земля іщі дістане єдну прилежитость... Може праві одтам прилетять на Землю новы колоністы і принесуть на стару добру планету ай здравый розум, слободу, братство і рівность про вшыткых людей...“).

Літературна фантастика, хоть многыма літературныма науковцями неправом критізована як невалушна, так понукать русиньським авторам много можностей на себереалізацію. Жанр научной фантастики нукать можность взнику утопістичных текстів, в котрых бы авторы могли конструувати ідеалістичный русиньський світ (цітація з Місії: „Заложиме Мартяньску слободну русиньску републіку!!!! МСРР!!!!“) або проскумати можности алтернативної історії, жанру заложеним на детальных знаннях подій і зломовых моментів історії.

4. Заключіня

В рамках заклүчіня бы сьме хотіли высловити і одповісти на єден вопрос, котрый може быти выкликаний горіуведженима шориками. Є цілём нашого тексту негатівна критіка дотеперішніх текстів і снага о нучену „зміну напрям“ сучасной русиньской літературы? Ні. В жаднім припадї тыж не є посланєм нашого тексту жадость, смерована к авторам, абы вхабили ідеї і темы, котры суть все про них важны і інтересны, темы, котрыма ся хотять самы занимати.

Змыслом нашого тексту было скорше на закладї пару конкретных текстів вказати на можности реалізації русиньской літературы, шансу на „выфарвлїня білых міст“ на мапі русиньской літературы і реалізованя, на першый погляд, не так зъявных потенціалів, з котрыма але трёмі авторы – Капралёва, Шандалова і Сивый, уж успішно експериментують.

Віриме тому, же нелем наш текст, але і успіх і оцініня даних текстів одборныма поротами ай мімо русиньской публіки²⁴ може інспіровати і повзбудити русиньських писателів в їх будучих творчих снагах.

24 Даньєла Капралёва была за зборник *Серна в (не)раю* оцінена Цінов Александра Павловича за орігіналну русиньску літературу в р. 2019. Людміла Шандалова была за книжку *Червеный берег* оцінена таксамо Цінов Александра Павловича за орігіналну русиньску літературу в р. 2017. Місія Владіслава Сивого была оцінена в рамках 8. Літературного конкурзу Марії Мальцовской в р. 2021.

ЛІТЕРАТУРА

- MAGOCSI, P. R. (2016). *Chrbtom k horám. Dejiny Karpatskej Rusi a karpatských Rusínov*. Prešov: Vydavateľstvo Universum. ISBN 978-80-89046-97-3, 595 s.
- Oral history [online]. Доступне на: <https://en.wikipedia.org/wiki/Oral_history>
- PAVLÍČ, M. (2018). *Rusínska identita ako literárny problém. Pohľady na rusínsku literatúru na Slovensku po roku 1989. Dizertačná práca*. Prešov: Ústav rusínskeho jazyka a kultúry.
- PLÍŠKOVÁ, A. (2007). *Rusínsky jazyk na Slovensku: náčrt vývoja a súčasné problémy*. Prešov: Metodicko-pedagogické centrum v Prešove. ISBN 978-80-8045-502-6, 116 s.
- Sociologická encyklopedie* [online]. Dostupné na: <https://encyklopedie.soc.cas.cz/w/Autostereotyp_a_heterostereotyp>
- АНТОНЯК, А. (2014). *Вступ до теорії літератури. Высокошкольський учебник*. Пряшів: Пряшівська універзіта в Пряшові – Інститут русинського языка і культури, с. 138.
- КСЕНЯК, М. (2002). *Біда Русинів з дому виганяла*. Пряшів: Світовий конгрес Русинів, ISBN 978-80-88769-32-9, 126 с.
- ПАДЯК, В. (2012). *Нарис історії карпаторусинської літератури XVI. – XXI. стороча*. Пряшів: Сполук русинських писателів Словенська, ISBN 978-966-387-045-8, с. 114.
- ПАДЯК, В. (2020). Театер Александра Духновича. Цітадела русинського духа. In: Падык, В. – М. Павліч, едс. (2020) *Театер Александра Духновича: 30 років. Выбор з репертоара*. Пряшів: Выдавательства Пряшівской універзіты, с. 6.
- ПАВЛІЧ, М. (2016). Тематизація народної ідентити в поезії Миколая Ксеняка. In: Dynamické procesy v súčasnej slavistike. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie 3. – 4. novembra 2016. Editor: PhDr. K. Koporová, PhD. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry. ISBN 978- 80-555-1638-7, с. 234 – 244.
- ПАВЛІЧ, М. (2017). Літературна рефлексія війни в оповіданнях Людмили Шандаловой. In: Копорова, К., ед. (2017). *Studium Carpatho-Ruthenorum 2017. Штудії з карпаторусиністики 9*. Пряшів: Пряшівська універзіта в Пряшові – Інститут русинського языка і культури – Центр языків і культур народностных меншин, ISBN 978-80-555-1952-4, с. 15-21.
- ПАВЛІЧ, М. (2018). Русинська народна ідентита як літературна проблема в творчості Марії Мальцовской. In: Копорова, К., ед. (2018) *Studium Carpatho-Ruthenorum 2018. Штудії з карпаторусиністики 10*. Пряшів: Пряшівська універзіта в Пряшові, ISBN 978-80-555-2082-7, с. 62-73.
- ПАВЛІЧ, М. (2019). Вірши Даньєлы Капралёвой з погляду екокрітики. In: КОПОРОВА, К., ед. (2019) *Studium Carpatho-Ruthenorum 2019. Штудії з карпаторусиністики 11*. Пряшів: Пряшівська універзіта в Пряшові – Центр языків і культур народностных меншин, Інститут русинського языка і культури, ISBN 978-80-555-2330-9, с. 43-55.

ПАВЛИЧ, М. (2019). Сучасна русинська література по році 1989 на Словачії. In: *Річник руської бурси 15/2019*. Gorlice: Stowarzyszenie „Ruska Bursa” w Gorlicach. ISSN 1896-222, с. 183-204.

ПАВЛИЧ, М. (2020). Оцініня творчости Миколая Ксеняка як ціложивотно-го проекту зміцнёваня русиньской народной ідентіты. In: Копорова, К., ед. (2020). *Studium Carpatho-Ruthenorum 2020. Штудії з карпаторусиністікы 12*. Пряшів: Пряшівска універзіта в Пряшові – Центр языків і культур народност-ных меншын, Інштітут русиньского языка і культуры, ISBN 978-80-555-2626-3, с. 58-67.

Mgr. Michal Pavlič, PhD.

Prešovská univerzita v Prešove

Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín

Ústav rusínskeho jazyka a kultúry

Ul. 17 novembra 15

080 01 Prešov

Slovakia

michal.pavlic.urjk@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ МНОГОЗНАЧНЫХ ОРНИТОНИМАХ В КАРПАТОРУСИНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Дарья ВАШИЧКОВА

Abstract

The article deals with multivalent dialect words in Carpatho-Rusyn dialects possessing the ornithonym, resp. "a wild bird" as a central meaning. These multivalent lexemes are found in Carpatho-Rusyn dialects simultaneously and the motivation of their origin is not always clear. An attempt to classify the above mentioned multivalent lexical units into polysemes and homonyms is made in this article. The difference in the development of multivalent dialect words in Carpatho-Rusyn dialects on the Slovak and Ukrainian areas is also traced in the paper.

Key words: Multivalent word, homonymy, polysemy, homonym, interference, ornithonym, language contact, Carpatho-Rusyn dialect.

Введение

В данной статье мы коснемся одной из основных проблем диалектной лексикографии, а именно – многозначности. Учитывая то, что диалектный лексикон представляет собой богатый языковой пласт, а отдельные лексемы демонстрируют семантическое варьирование от говора к говору, можно говорить о том, что точное определение и описание диалектной многозначности становится первостепенной задачей диалектолога-лексикографа. В случае карпаторусинских говоров, бытующих на пограничьях и испытывающих сильное влияние не только мажоритарного государственного языка, но и диалектов соседствующих языков, эта задача представляется особенно важной.

Далее при описании диалектной лексики возникает следующая проблема, проистекающая из различного толкования явлений полисемии и омонимии. Так, многими учеными омонимией признается только широко разошедшаяся полисемия: «... разведение на омонимы (обоснованное с позиции сугубо синхронного подхода) <...> или разработка <...> в качестве одного полисемантического слова, указывающая на наличие в семантике исторической преемственности значений»¹. Между тем, диалектная омонимия имеет больше источников, чем литературные омонимы, что не учитывается в данном определении. На это указывал Л.Л. Касаткин: «Омонимы, являясь разными словами, могут представлять

1 КОЗЫРЕВ, В. А. – ЧЕРНЯК, В. Д. (2021). Диалектная лексикография: многомерность объекта и многообразие типов словарей, с.187.

разошедшиеся значения, восходящие к вариантам одного слова, могут быть образованиями от разных корней, совпавшими по звуковой форме, или однокоренными от разных основ. <...> Среди причин возникновения омонимичных пар можно назвать появление в говоре заимствований, в том числе и из литературного языка, совпадающих по звуковой форме с исконными словами»². О сложностях выявления и описания омонимов пишет А.И. Ольховская: «...уравнивание двух принципиально разных типов омонимов – таких, которые всегда были разными словами, и таких, которые были некогда одним словом, - искажает реальное положение дел. Несомненно, однако, и то, что отражение разошедшейся полисемии в рамках многозначного слова также порождает уравнивание двух явлений разного порядка – значений, сохраняющих содержательные связи с семантикой слова, и значений, такие связи утративших»³.

Что же касается определения полисемии, большинство исследователей сходится в том, что это «наличие у одного и того же слова... нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова»⁴. Притом критерии разграничения полисемии и омонимии остаются крайне расплывчаты, что справедливо замечает Ольховская: «...до тех пор, пока в основе опознания разошедшейся полисемии будет лежать семантический критерий, т.к. величина отстояния смыслов... в лингвистике и лексикографии будет наблюдаться произвол и разнობой»⁵. Однако было замечено, что несмотря на достаточно универсальный принцип возникновения полисемантов, их структуры могут быть разнообразны: «Несмотря на стандартный (и, вероятно, конечный, если речь идет о регулярной полисемии) набор отношений между любыми двумя членами смысловой парадигмы, сами по себе эти отношения не определяют общего рисунка организации полисеманта: целостную картину способа интеграции лексических значений в единое семантическое образование можно получить, лишь учитывая всю совокупность содержательных связей между значениями»⁶. В этой статье мы в том числе попытаемся дать характеристику некоторым карпаторусинским орнитонимам-полисемантам, пользуясь классификацией Т.Е. Лебедевой. В своей диссертации она замечает, что «репрезентация структуры ЛЗ (лексического значения – Д.В.) как совокупности обобщенных характеристик предмета служит отправной точкой анализа материала и позволяет в полном объеме эксплицировать информацию о каком-либо предмете, известную носителям

2 КАСАТКИН, Л. Л. (2005). *Русская диалектология*, с.227-228.

3 ОЛЬХОВСКАЯ, А. И. (2015). *Полисемия как проблема общей и словарной лексикологии*, с. 257.

4 АХМАНОВА, О. С. (1966). *Словарь лингвистических терминов*, с.323.

5 ОЛЬХОВСКАЯ, А. И. (2015). *Полисемия как проблема общей и словарной лексикологии*, с. 256.

6 ЛЕБЕДЕВА, Т. Е. (2002). *Полисемия в русских народных говорах (на материале имен существительных)*. Канд.дисс. (на правах рукописи), с. 36 – 37.

диалектов и представленную в словарных статьях СРНГ («Словаря русских народных говоров» - Д.В.), и, тем самым, сделать некоторые выводы относительно специфики содержательных связей между членами той или иной семантической парадигмы и на этой основе сконструировать общую схему данной парадигмы, а также установить факторы, предопределяющие процесс формирования смысловой структуры полисеманта»⁷. В частности, исследовательница выделяет 1) полисеманты с доминирующим структурообразующим признаком, 2) полисеманты с несколькими интегральными признаками, 3) полисеманты, формирующиеся из нескольких групп значений, 4) полисеманты с цепочечной структурой, 5) полисеманты смешанного типа.

Материалом для нашего анализа многозначных субстантивов послужили карпаторусинские говоры на территории Словакии и Украины, лексикон которых рассматривался в широком контексте бытования этих говоров в сравнении с материалом говоров соседних языков; основным источником материала послужила База данных южнокарпатских говоров по материалам И.А. Панкевича (далее – БД), созданная и хранящаяся в Славянском институте АН ЧР.

В статье также вводятся понятия междиалектных (наблюдаемых при сравнении материала разных говоров) и внутридиалектных (наблюдаемых в контексте одного говора) полисемантов и омонимов.

Гуля, голя, гоўа

Основным значением, в котором лексема *гуля* и ее фонетические варианты фиксируется на территории распространения южнокарпатских говоров, является ‚аист‘, (*Ciconia* L.). Ареал фиксации этого значения достаточно широк. В форме *гоўл’а* субстантив был записан на приграничных территориях Закарпатья в значении ‚аист‘; часто этот вариант является параллельным с формами *буз’ок* и *бус’ок*⁸. На территории Словакии лексема *дóвл’а* в значении ‚аист‘ приводится в атласе В. Латты в пунктах Угорна и Ганігівіці⁹. Это же значение как единственное для фонетических вариантов слова *góla*, *guola*, *gója*, *govla* приводится в SSN¹⁰ и разграничивается с диалектизмом *гуля* и его вариантами *куля*, *kula*, фиксирующимся в словацких говорах как многозначный. Авторы SSN приводят его в следующих значениях: «1. guľovitý predmet. 2. lopta, futbalová lopta. 3. strela, náboj do strelných zbraní. 4. druh múčneho jedla s ovocnou plnkou a posýpkou, knedľa. 5. jedna zo štyroch farieb hracích karát. 6. hľba, křdel’ (detí, oviec ap.)»¹¹. Безусловно, диалектизм *гуля*, *гуля*, бытующий словацких и

7 Там же, с. 38.

8 Атлас української мови. (1984 – 2001). Т.2, К339.

9 ЛАТТА, В. (1991). Атлас українських говорів Східної Словаччини, НМ 149.

10 Slovník slovenských nářečí (1994 – 2006), I, s. 449.

11 Там же, I, s. 519.

русинских говорах в значении ,krdel“ (стадо’), является мадьяризмом (см. венг. *gulya* ,стадо (крупного рогатого скота)’)¹². В Базе данных южно-карпатских говоров по материалам И. Панкевича лексема в распространенном значении ,аист’ не приводится. Наиболее частотным значением лексемы *гуля*, приведенным в БД, является ,стадо’ и фиксируется в селах Ділове, Завадка, Čertižné. Иногда в контексте уточняется состав стада; в данном примере речь идет о стаде коров: «А вна йму каже: Видиш уту гулю маргы, та йди изрубай та 12 пецив хліба.» (Завадка) (БД). Как уже было сказано выше, лексема в этом значении является мадьяризмом. В Новоселице Ужгородского р-на Закарпатья приводится значение ,пухлина на голові від удару’ (БД). Это же значение лексемы приводят «Словник бойківських говірок» (далее – СБГ)¹³ и «Етимологічний словник української мови» (далее – ЕСУМ)¹⁴. В «Историческом словаре словацкого языка» (далее – HSSJ) и в «Этимологическом словаре славянских языков» (далее – ЭССЯ) находим, что корень «гул», «кул» возводится к индоевропейскому и имеет значение признака «круглый». Впервые в словацком языке *gula* фиксируется в значении ,teleso, predmet majúci gulatý tvar’¹⁵. В южнокарпатских говорах так же, как и в украинских, находим *гуля* в значении ,пуля’. Сабадош фиксирует это же значение в закарпатском селе Сокирница¹⁶. Зузана Ганудель приводит эту лексему в значении ,круг полотна’ как единственную фиксацию в карпаторусинских говорах на территории Словакии¹⁷. ОЛА фиксирует диалектизм в значении ,аист’ на Закарпатье в фонетических вариантах *go’va* (Дубове), *gouva* (Затисівка) и *doul’a* (Буштыно). В том же значении лексему в вариантах *dóvl’a*, *dóvr’a*, *dóvn’a*, *dója*, *dová* приводит Дзендзелевский с ареалом распространения, ограниченным рекой Боржава на западе, Шопурка – на востоке, румынской границей – на юге и не севернее Иршавы¹⁸. Видимо, лексема в значении ,аист’ является венгерским заимствованием (ср. венг. *golya* – аист). Учитывая все значения лексемы в карпаторусинских говорах, можно выделить ее семантическую структуру: 1. аист 2. стадо 2а. стадо овец 2б. стадо коров 3. пуля 4. опухоль от удара. 5. рулон полотна; где значения 1 и 2, 2а, 2б омонимичны остальным значениям, значения 2, 2а, 2б представляют собой полисемантическую структуру с доминирующей семьей «стадо», а значения 3, 4, 5 – полисемантическую структуру с доминирующим структурообразующим признаком «круглый».

12 КАХАНА, М. Г. (1959). *Венгерско-русский словарь*, с. 239.

13 ОНИШКЕВИЧ, М. Й. (1984). *Словник бойківських говірок*, I, с. 198.

14 *Етимологічний словник української мови*: у 7 т. (1982 – 2012), I, с. 616.

15 *Historický slovník slovenského jazyka* (1991 – 2008) I, s. 386.

16 САБАДОШ, І. (2008). *Словник закарпатської говірки села Сокирница Хустського району*, с. 59.

17 ГАНУДЕЛЬ, З. (1981 – 2001). *Лінгвістичний атлас українських говірок Східної Словаччини*, II, К79.

18 ДЗЕНДЗЕЛІВСЬКИЙ, Й. О. (1958 – 1993). *Лінгвістичний атлас українських народних говірок Закарпатської області УРСР*, II, К128.

Зозуля, зозулька

На всем ареале распространения карпаторусинских говоров лексема имеет основной смысл ‚кукушка‘^{19, 20}. Дзендзелевским этот субстантив фиксируется в вариантах *зозу́л’а*, *зозу́л’а* как основное название кукушки повсюду на Закарпатье, за исключением Ужгородского района²¹. В бойковских говорах лексема *зозуля* также используется как обращение к любимой девушке²². В БД диалектизм отмечен также в значении фитонимов, а именно как ‚чина весенняя‘ (*Lathyrus vernus*) (*зозуля*) (Радванка) и как ‚ятрышник дремлик‘ (*Orchis morio*) (*зозулька*), (Бодружал, Свидничка, Новоселиця). Подсказкой мотивации названия растений может послужить то, что в тех же значениях в словацких говорах отмечаются диалектизмы *kukovka* и *kukučka*²³. Исследователь Мария Чижмарова называет мотивацией для номинации этих растений совпадение времени их цветения с периодом кукования птиц: «podobne aj názvy s iným slovo tvorným základom typu *kukučka* sú motivované časom kvitnutia rastlín, ktorý sa zhoduje s dobou kukania kukučky»²⁴. Также отмечается единичная запись в селе Лавки, где диалектизм записан в значении ритуальной выпечки: «з т’іста на Великдень печуть зозульку» (БД). Мотивация названия прозрачна, т.к. подразумевается выпечка в форме птички. Кроме того, в этом селе, а также в закарпатских сёлах Баранинцы и Межгорье *зозулька* – название божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) (БД). Одна из версий мотивации этого названия состоит в сравнении окраса насекомого с окрасом перьев кукушки, то есть общей семой является «пестрота»²⁵. Однако мы поддерживаем версию О. Терновской о том, что в основе переноса названия птицы на насекомое лежит архаический ритуал, проводимый в конце июня – начале июля. В этом ритуале божья коровка – эвфемическое название невесты, а кукушка, в свою очередь, стала эвфемическим названием божьей коровки, так как ритуал проводился в конце периода кукования птицы. Терновская подробно исследовала эти лексико-семантические связи, отмечая, что «мифическая «невеста» как маркированное лицо обрядности, ориентированной на летний солнцеворот, в лексическом поле жучка *Coccinella* представлена большим рядом терминов (междиалектных синонимов), акцентирующих разные характеристики и функции этого персонажа... При этом выявляются соответствия между обрядовыми комплексами, которые прежде не сопоставлялись друг с другом»²⁶.

19 ОНИШКЕВИЧ, М. Й. (1984). *Словник бойківських говірок*, I, с. 270.

20 САБАДОШ, І. (2008). *Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району*, 97.

21 ДЗЕНДЗЕЛІВСЬКИЙ, Й. О. (1958 – 1993). *Лінгвістичний атлас українських народних говірок Закарпатської області УРСР*, I, K14.

22 ОНИШКЕВИЧ, М. Й. (1984). *Словник бойківських говірок*, I, с. 318.

23 *Slovník slovenských nářečí* (1994 – 2006), I, s. 904.

24 ČIŽMÁROVÁ, M. (2017). *Nominačné modely v botanickom názvosloví*, s.73.

25 *Етимологічний словник української мови*: у 7 т. (1982 – 2012), 2, с. 224.

26 ТЕРНОВСКАЯ, О. А. (1993). Божья коровка или ночь накануне Ивана Купалы (соотношение ми-

Объединяя для рассмотрения все значения диалектизма – 1. кукушка, 2. праздничная выпечка, 3. чина весенняя, 4. ятрышник дремлик, 5. божья коровка, 6. любимая, милая (апеллятив) – мы обнаруживаем полисемант с двумя группами значений, объединенных в цепочечную структуру. В основе первой группы будет общий признак «внешний вид птицы» и связь значений 1-2, в основе другой – признак «время пения кукушки в весенне-летний сезон», связь значений 1-3, 1-4, 1-5. Следующим общим признаком будет апеллятив к любимой девушке, связь значений 5-6.

Косак

На ареале распространения южнокарпатских говоров субстантив *kosák* представлен в значении 'изогнутый нож' с вариантами 'виноградский нож', 'серп, нож для кошения травы', 'нож для срезания капусты' (БД). В словацких говорах встречаются эти и другие значения диалектизма: «*kosák* 1. 1. strsl, zsl, sot. Oblúkovite zahnutý a naostrený nástroj s rúčkou na kosenie, odoberanie obilia, vyžíňanie trávy a pod. 2. nástroj podobný kosáku a vinohradnícky nôž, krivák. b. kosier na sečkovici. c. nástroj na rezanie hlíny. d. kuchynský sekáč. 3. dlhé zahnuté pero na chvoste kohúta. 4. záhradná rastlina, bot. Kosatec nemecký (*Iris germanica*). 5. zried. kosiaci chlap, kosec.»²⁷. В. Латта также приводит для этого субстантива значение 'серп' как распространенное в русинских говорах на территории Словакии в фонетических вариантах *kóсак* и *kosák*²⁸. Зузана Ганудель также указывает лексему *kóсак* как единичное название овощной тёрки в приграничном северноспишском русинском говоре села Ондавка²⁹. Диалектизм *косак* в значении 'черный дрозд' развился из *кос*, этимология которого неизвестна, что подчеркивают авторы «Этимологического словаря славянских языков»: «... слово **kosъ* не имеет надежных соответствий ни в балт., ни в других и.-е. языках, что затрудняет реконструкцию более древней формы»³⁰. Очевидно, что семантической связи между **kes* > **kosъ* и **kes* > **kosa* (I, II)³¹ не обнаруживается, таким образом, *косак* в этом значении мы будем считать омонимичным к этому слову в прочих значениях. Притом следует отметить народную этимологию этого названия черного дрозда, приведенную Верхратским в следующей записи: «*Перепериця кличе по півночи: хоть куда, хоть куда! - ожъ косакъ рыпкать, кой траву косить чоловікъъ*»³². По-видимому, *косак* в значениях 'большой нож для шинко-

кро- и макроструктур), с. 51.

27 Slovník slovenských nářečí (1994 – 2006), I, s. 834.

28 ЛАТТА, В. (1991). Атлас українських говорів Східної Словаччини, НМ 15.

29 ГАНУДЕЛЬ, З. (1981 – 2001). Лінгвістичний атлас українських говорів Східної Словаччини, I, K125.

30 Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. (1974 – по н.вр.), 11, с. 176.

31 Там же, 11, с. 131 – 133.

32 ВЕРХРАТСЬКИЙ, І. (1899 – 1901). Знадоби до пізнання угорсько-руських говорів І, с. 228.

вания капусты', 'большой нож для крапивы, капусты и других овощей', 'серп', 'гладкий серп без зубцов' (БД) происходит от глагола «косить», а соответственно, от праслав. *kosa (II), как и в значении 'паук' (имеется в виду паук-сенокосец *Pholcus phalangioides*). Таким образом, структура значений диалектизма такова: *кос*, 'черный дрозд' является омонимом *кос* в значениях 'паук-сенокосец', 'серп', 'большой нож для шинкования капусты', 'овощная терка', которые выстраиваются в полисемант смешанного типа с доминирующими признаками «косо нарезать» и «время жатвы».

Деркач

В ЕСУМ фиксируется единственное значение этой лексемы: 'Сгех сгех L.', 'коростель'³³. SSN приводит лексему *dierkač* также в единственном значении 'nástroj na prebįjanie dierok na topánke'³⁴. Мотивация названия прозрачна, оно образовано от *dierka* ('дырка'). В БД лексема *деркач* приводится в нескольких значениях, записанных в закарпатских населенных пунктах. Значение 'коростель' фиксируется в Мукачевском районе (Великие Лучки, Лавки, Свалява) и вдоль границы с Румынией (Веряця, Луг). В сёлах Свалява, Луг, Веряця и Лавки диалектизм имеет и иные значения. Так, в БД для них приводится также значение 'трещотка, которую используют на Страстной неделе'; у этого значения есть дополнительные - 'игрушка' (Свалява, Луг, Лавки) и 'вертушка для отпугивания птиц' (Веряця). Н.В. Никончук в статье «О народной орнитологической терминологии Полесья и Карпат» утверждает, что название птицы имеет звукоподражательную мотивацию: «Распространенные по говорам междометия *дер!дер!* передают крик коростеля, деркача... и служат подтверждением ономотопеической этимологии слова *деркач*».³⁵ Вполне вероятно, что особое пение коростеля напоминает диалектоносителям именно звук деревянной трещотки, вследствие чего ее название мотивировало название птицы; однако если опираться на выводы авторов ЭССЯ об этимологии и значениях праславянского *dъrkati, 'звякать', 'пиликать', 'звенеть', 'дребезжать', 'трещать', 'быстро идти', можно прийти к заключению, что название коростеля могло возникнуть и непосредственно от этого глагола³⁶. В таком случае мы можем утверждать, что имеем дело с междиалектным полисемантом, значения которого 1) коростель, 2) вертушка для отпугивания птиц, 3) игрушка, 4) трещотка объединены одним доминирующим признаком «трещать».

33 *Етимологічний словник української мови*: у 7 т. (1982 – 2012), 2, с.40.

34 *Slovník slovenských nářečí* (1994 – 2006), I, s. 312.

35 НИКОНЧУК, Н. В. (1972). *О народной орнитологической терминологии Полесья и Карпат*, с. 153.

36 *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. (1974 – по н.вр.), 5, с. 222.

Дрімнюх, дремнюх

Притом, что диалектизм *дрімнюх* и его фонетический вариант *дремнюх* является многозначным и фиксируется в разных населенных пунктах Закарпатья, самым частотным на всем ареале распространения является значение 'человек, который много спит; соня' (Перечин, Верхний Студеный, Долгое, Нижнее Селище, Луг) (БД). ОЛА также фиксирует лексему в этом значении³⁷. Дзендзелевский приводит единичную фиксацию слова *дримл' ух* в значении 'летучая мышь' в селе Горбок³⁸; название, видимо, мотивировано ночным образом жизни этого рукокрылого. В БД также имеется единичная фиксация этого субстантива в значении 'козодой'. Этимология диалектного орнитонима также прозрачна: козодой известны как ночные птицы. В единичном значении 'пушица узколистная' (*Eriophorum angustifolium* L.) лексема была записана в селе Новоселица, а также в этом значении она приводится в СБГ³⁹. Чем мотивировано это значение, установить не удалось. Также без указания пункта записи в БД приводится значение 'ромашка лекарственная' (*Matricaria chamomilla*), которое, вероятно, обусловлено седативным и успокоительным свойством этого растения, широко известного с античности.

Таким образом, общей семой для всех значений многозначного слова является «сон», а значит, субстантив *дремнюх* может быть отнесен к междиалектным полисемантам, значения которого объединены общим семантическим признаком «сон».

Жовтогрудка

В ОЛА находим единственную фиксацию лексемы в карпаторусинских говорах в варианте *žylta grudka* в селе Чабаловце в значении 'синица'⁴⁰. Также на словацком ареале распространения *жовтогрудка* означает 'птица', скорее всего, 'овсянка обыкновенная' (*Emberica citronella* L.), маленькая птица с ярко-желтым оперением на груди и на голове. Запись из села Збудска Бела соответствует описанию овсянки: «Птиця: верх головы, хырбет, хвостик - рябы, попід брішок жовта» (БД). В том же значении диалектизм записан в селах Ломне и Куров, а также в Ужгородском районе Закарпатья (БД). Это же значение как единственное для субстантива приводит и ЕСУМ⁴¹. В селах Доманинцы и Великий Березный лексема зафиксирована в значении 'пасхальное блюдо из творога, смешанного с яйцами и изюмом' (БД). В большинстве карпаторусинских сёл такой творог называется просто *грудка*; мотивацию названия можно объяс-

37 ОЛА – *Общеславянский лингвистический атлас* (1988 – по н.вр.), ЛС 12, К48 SI 1990.

38 ДЗЕНДЗЕЛІВСЬКИЙ, Й. О. (1958 – 1993). *Лінгвістичний атлас українських народних говірок Закарпатської області УРСР*, I, K12.

39 ОНИШКЕВИЧ, М. Й. (1984). *Словник бойківських говірок*, I, с. 234; I, с. 364.

40 ОЛА – *Общеславянский лингвистический атлас* (1988 – по н.вр.), ЛС 1, К 26 L 73.

41 *Етимологічний словник української мови*: у 7 т. (1982 – 2012), 2, с. 204.

нить круглой формой этого блюда. Название *жовтогрудка* появилось, видимо, как уточнение в тех пунктах, где *грудка* означает творог или сыр, не являющиеся праздничным блюдом. Таким образом, структура значений диалектизма представляет собой омоним *жовтогрудка*, 'пасхальное блюдо' и полисемант с одним доминирующим признаком «птица» со значениями 'овсянка обыкновенная' и 'синица'.

Канюх, канюк

Субстантив *канюк* (фонетический вариант – *канюх*) примечателен тем, что обладает многозначностью в большинстве русинских диалектов на территории Закарпатья. Кроме того, он фиксируется и в бойковских говорах: «1. Прилад, яким розписують писанки; 2. шип “ластівчин хвіст”»⁴². Основное значение этого слова в русинских и словацких говорах – 'обыкновенный канюк' (*Buteo buteo*)⁴³; в некоторых русинских и украинских говорах им называют коршуна (*Milvus*)⁴⁴. На Закарпатье во многих русинских говорах фиксируется также значение 'толстая жердь в составе колодца-журавля, которая вставляется в рассоху' (БД). Название, вероятно, вызвано сходством конструкции колодца с птицей. В селе Верхний Студеный лексема также функционирует в значении 'способ крепления досок при строительстве'; имеется в виду крепление «ласточкин хвост». Это значение мотивировано внешним сходством определенного распила бревен с раздвоенным на конце хвостом канюка или коршуна. В отдельных диалектах было образовано наречие – «*Класти хыжу канюком*» (В. Студеный) (БД). Таким образом, перед нами междиалектный полисемант, основным значением и доминирующим признаком которого является 'коршун', а второстепенными значениями – 'колодезная жердь' и 'способ крепления бревен'.

Кроль

В. Латта приводит диалектизм в вариантах *kril'*, *krol'*, *krôl'* в значении 'кролик' как распространенный на всем словацком ареале бытования карпаторусинских говоров⁴⁵. Этот диалектизм представляет для нас интерес прежде всего тем, что в БД он представлен только записями из пограничного с Польшей ареала распространения русинских говоров на территории Словакии. В селах Малый Липник и Вапенник субстантив *крôль* означает 'крапивник' (*Troglodytes troglodytes*), в селе Боров лексема была записана в обоих значениях. Этот орнитоним во многих языках имеет в названии сему «король» из-за странствующего мифа о крапив-

42 ОНИШКЕВИЧ, М. Й. (1984). *Словник бойківських говірок*, I, с. 338.

43 *Slovník slovenských nářečí* (1994 – 2006), I, s. 745.

44 *Етимологічний словник української мови*: у 7 т. (1982 – 2012), 2, с. 376.

45 ЛАТТА, В. (1991). *Атлас українських говірок Східної Словаччини*, НМ 153.

нике, победившем в состязании за титул короля птиц. Что же касается названия домашнего кролика, то в селе Петрова его название записано в фонетическом варианте *круль*, в Варадке и Чертижном – *кріль*, в Борове – *крѡль*. Фонетические варианты *круль*, *крѡль*, вероятно, являются результатом польского влияния на приграничные русинские говоры. Принимая во внимание то, что польское *krolik* также возникло от *król* 'король' и является словообразовательной калькой средневерхненемецкого *küniklîn*⁴⁶, в зависимости от взгляда на теорию многозначных слов, можно причислять лексему к полисемантам, учитывая общую сему 'король' в этимологии, но в рамках синхронного анализа карпаторусинского лексикона мы будем считать субстантив *кроль* омонимом, возникшим в результате тесного языкового контакта.

Пуґа

В бойковских говорах *пуґа* означает «1. Батіґ; 2. Ціпок, палиця»; 3. «пужално»⁴⁷. В атласе В. Латты лексема *puha* приводится как многозначная: 'плеть, нагайка'⁴⁸ и 'радуга' в вариантах *púha*, *pú^oha*⁴⁹. Однако следует заметить, что подробные современные исследования восточного Земплина фиксируют для обозначения радуги лексему *дуга*, название *пуґа* было записано только в селе Колоница⁵⁰. Дзендзелевский приводит единичные фиксации лексемы *пуґа* на западе Закарпатья в селах Жденієво, Родниківка и Пацканьово в значении «радуга»⁵¹. В БД лексема *пуґа* приводится в значениях 'самка филина *Bubo bubo maximus*', причем также были записаны и фонетический вариант *буґа* и единичная фиксация в значении 'радуга' (Strihovce) (БД). ЕСУМ также приводит лексему *буґа* в значениях 'буґай' и 'пуґа, пугач, *Bubo maximus*'⁵², а лексему *пуґа* - в значении 'батіґ, нагай'⁵³. По мнению авторов словаря, *буґа* как название филина является румынским заимствованием (ср. рум. *buhă*), что подтверждается распространенностью диалектизма в этом значении на Закарпатья вдоль румынской границы. Н.С. Никончук в статье о происхождении карпатских орнитонимов указывает на звукоподражательное происхождение лексемы: «Междометие *пуґу*, передающее крик филина *Bubo bubo* L., известно во всех говорах украинского языка, но названия, образованные от этого междометия, различны по своему морфологическому составу: *пуґач* 'филин' (УРС)... *пуґач*, *пуґа*, *пуґало*, *пуґу́р*, *пупу́ряза* '*Bubo maximus*'

46 ФАСМЕР, М. (1983 – 1987). *Этимологический словарь русского языка*. II, с. 380.

47 ОНИШКЕВИЧ, М. Й. (1984). *Словник бойківських говірок*, II, с. 160.

48 ЛАТТА, В. (1991). *Атлас українських говорів Східної Словаччини*, НМ 120.

49 Там же, К340.

50 VAŠÍČEK, M. (2020). *Dynamika jihokarpatských nářečí*, s. 120.

51 ДЗЕНДЗЕЛІВСЬКИЙ, Й. О. (1958 – 1993). *Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР*, III, К271.

52 *Етимологічний словник української мови*: у 7 т. (1982 – 2012), 1, с. 275.

53 Там же, 4, с. 625.

(Вх. НЗн.13,)»⁵⁴. Что касается варианта названия радуги – *пуга* –, видимо, в случае нескольких фиксаций на Закарпатье и в Словакии, мы имеем дело с нерегулярной фонетической заменой. Распределение значений имеет четкий географический характер: значение ‚плеть‘ в шарышских и некоторых спишских говорах, ‚радуга‘ – в земплинских и на западе Закарпатья, ‚филин‘ – в Тячевском районе Закарпатья. Таким образом, раз значения лексемы имеют ярко выраженное ареальное распределение, можно обратиться к исследованию иноязычного влияния на этих территориях. Вероятно, в значении ‚плеть‘ она была заимствована шарышскими говорами из польского языка в период после денационализации носовых (ср. польск. *pęga*, *Umocowana na krótkim drzewcu wiązka rzemieni zakończonych niekiedy owijem, służąca do bicia*⁵⁵). На Закарпатье лексема в фонетических вариантах *пуга/буга* является румынским заимствованием (ср. рум. *buhă* ‚филин‘, имеющее, видимо, звукоподражательную мотивацию)⁵⁶. Мотивация названия птицы от междометия *пугу!* не представляется вероятной, так как название могло бы иметь больший ареал распространения, однако возможна контаминация диалектного *пугу!* и румынизма *buhă*. Таким образом, мы можем говорить о иноязычном происхождении значений диалектизма *пуга* в современных и исторических зонах языковых контактов карпаторусинских говоров и признавать ее междиалектным омонимом.

Сіняк, синяк

Многозначность лексемы *сіняк* и ее фонетический вариант *синяк* имеют интересные особенности распределения значений по разные стороны словацко-украинской границы на ареале бытования карпаторусинских говоров. По данным диалектных атласов, словарей и экспедиций, фиксирующих это слово в этих говорах на протяжении последних ста лет, оно имеет единственное общее значение для карпаторусинских диалектов Закарпатья и Словакии. Это значение ‚ядовитый гриб‘, и оно фиксируется в спишских, шарышских и земплинских говорах в Словакии и в отдельных селах Ужгородского и Хустского районов Закарпатья. Значение это распространилось также на бойковские говоры (ср.: «1. Вид гриба; 2. рід каменю; 3. Сівий неполив'яний горщик»⁵⁷). Во многих говорах это значение является единственным; например, в селе Сокирница в Закарпатье диалектизм приводится только в значении ‚бот. чортів гриб (Boletus satans)‘⁵⁸. В. Латта также приводит его в значении ‚гриб сатан‘

54 НИКОНЧУК, Н. В. (1972). О народной орнитологической терминологии Полесья и Карпат, с. 150.

55 Słownik polszczyzny XVI wieku. <http://spxvi.edu.pl/index/haslo/82416>

56 Dicționar explicativ al limbii române. <https://dexonline.ro/definitie/buh%C4%83>

57 ОНИШКЕВИЧ, М. Й. (1984). *Словник бойківських говірок*, II, с. 214.

58 САБАДОШ, І. (2008). *Словник закарпатської говірки села Сокирница Хустського району*, с. 330.

(*Boletus satans*) в фонетическом варианте *sińák*⁵⁹. Название гриба обусловлено тем, что его мякоть синеет на срезе, что однако является отличительной особенностью всех грибов этого семейства *Boletus*, не только ядовитых. Зузана Ганудель приводит лексему *śín'ak* как единичное название глиняного сосуда для молока, зафиксированное в анклавном карпаторусинском говоре⁶⁰. Вероятную мотивацию такого значения находим в «Словаре русских народных говоров», который приводит среднерусские диалектизмы *синяйка* – ,кринка, горшок'⁶¹ и *синятка* – ,кринка (обычно синего цвета)'⁶². Вполне возможно, что и южнокарпатское название кувшина для молока возникло из-за цвета глазури на керамике. В говоре села Торунь *siń'ák* отмечается как обозначение гематомы, *синяка*⁶³, что, вероятно, является русским заимствованием. В БД встречаем следующие значения и фонетические варианты лексемы: *сиńák* – 'синяк' (Варадка, Веряца), *синякы́* – 'вид грибов, гриб *Boletus pachypus*' (Верхний Студеный), *сиńák* – 'ядовитый гриб' (Веряца, Ужгород), 'уклейка, *Alburnus a.*' (Хмельник), 'вид травянистого растения' (Светлице, Широкое, Ольховка). Название уклейки, вероятно, происходит от *силявка* либо является результатом контаминации со словом *синявка* – название похожей рыбы голяна (*Phoxinus phoxinus*). Обе рыбы имеют чешую серебристо-голубого оттенка, что могло стать причиной подобной контаминации. Что касается лексемы *синяк* в значении 'голубь, *Columba oenas*', то оно было записано в двух пунктах на Закарпатье – Широкое и Ольховка (БД). Возможно, в карпаторусинские говоры оно проникло из литературного украинского языка, где означает ,голуб-синяк, клинтух, *Columba oenas*'. В селе Светлице в Словакии лексема была записана в значении ,рід трави' (БД), однако вид травянистого растения установить не удалось. По аналогии с данными диалектных материалов других языков можно предположить, что речь идет о некотором травянистом растении, имеющем листья или цветы синеватого оттенка.

Если делать выводы о распределении значений лексемы по области ее бытования, то оказывается, что распространенным по обе стороны словацко-украинской границы является значение ,гриб' (чаще ядовитый). Единичные фиксации выявляют также значение ,синяк, гематома'. Значения ,кувшин' и ,травянистое растение' имеют единичные записи на территории Словакии, значения ,голубь' и ,рыба' – на территории Украины. Единственным пунктом, в диалекте которого лексема зафиксирована как многозначная (в значениях ,гематома' и ,ядовитый гриб')

59 ЛАТТА, В. (1991). *Атлас українських говорів Східної Словаччини*, НМ 112.

60 ГАНУДЕЛЬ, З. (1981 – 2001). *Лінгвістичний атлас українських говорів Східної Словаччини*, I, К83.

61 *Словарь русских народных говоров*. (1965 – по н.вр.), 37, с. 342.

62 Там же, 37. С. 343.

63 НИКОЛАЕВ, С. Л. – ТОЛСТАЯ, М. Н. (2001). *Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов*, с. 166.

– село Веряца в Береговском р-не Закарпатья. Общей мотивацией для всех значений является интегральный качественный признак «синий», общая сема легко вычленяется, поэтому на основе данных карпаторусинских говоров мы можем с уверенностью отнести многозначную лексику *синяк* к междиалектным полисемантам с единственным доминирующим признаком.

Заключение

В заключение можно отметить, что в данной статье нами рассмотрены лишь немногие примеры карпаторусинских многозначных субстантивов, имеющих одним из значений тот или иной орнитоним. Подразделяя такие субстантивы на полисеманты и омонимы, а также выявляя структуру полисемантов, необходимо тщательно подходить к исследованиям этимологии, языковых контактов и языковых заимствований в данном диалектном ареале. Классифицируя диалектные полисеманты, важно отличать содержательные связи между значениями диалектного слова, которые зачастую могут отличаться от связи между значениями слова в литературном языке. Также полезно выделить значения многозначных диалектизмов в семантические подгруппы, чтобы проследить закономерности между семантикой слова и частотой возникновения тех или иных значений между группами. Ожидается, что эта методика может оказаться плодотворной для исследования многозначных слов всех семантических групп диалектной лексики.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- ČIŽMÁROVÁ, M. (2017). *Nominačné modely v botanickom názvosloví*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, ISBN 978-80-555-1862-6, 291 s.
- Dicționar explicativ al limbii române. <https://dexonline.ro/>
- Historický slovník slovenského jazyka* (1991 – 2008). Bratislava: Veda, ISBN 978-80-224-1003-8. 1 – 8.
- Słownik polszczyzny XVI wieku. Wrocław 1966 – 1994, ISBN 978-83-65573-85-8, edycja internetowa . <http://spxvi.edu.pl/o-slowniku/pracownia/>
- Slovník slovenských nářečí* (1994 – 2006). Ved.red. I. Ripka. Bratislava: Veda, ISBN 80-224-0183-8 (1 díl), ISBN 80-224-0900-6. 1 – 2.
- VAŠÍČEK, M. (2020). *Dynamika jihokarpatských nářečí*. Praha: Slovanský Ústav AV ČR, v.v.i., ISBN 978-80-86420-74-5, 416 s.
- Атлас української мови*. (1984 – 2001). Гол. ред. колегії І. Г. Матвіяс. Київ: Наукова думка, у 3 т.
- АХМАНОВА, О. С. (1966). *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Советская энциклопедия, 606 с.

M. Vašíček, R. Šišková. Lexikální databáze jihokarpatských nářečích z materiálů I. Paňkvyče. Slovanský ústav AV ČR, v.v.i. Ve spracování.

ВЕРХРАТСЬКИЙ, І. (1899 – 1901). Знадоби до пізнання угорсько-руських говорів <https://ia800207.us.archive.org/18/items/znadobydliapizna01verk/znadobydliapizna01verk.pdf>, <https://ia800208.us.archive.org/13/items/znadobydliapizna02verk/znadobydliapizna02verk.pdf>

ГАНУДЕЛЬ, З. (1981 – 2001). *Лінгвістичний атлас українських говорів Східної Словаччини*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, ISBN 978-80-85137-25-5.

ДЗЕНДЗЕЛІВСЬКИЙ, Й. О. (1958 – 1993). *Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР*: у 3 т. Ужгород: Ужгородський державний університет.

Етимологічний словник української мови: у 7 т. (1982 – 2012). Под ред. О.С. Мельничука. Київ: Наукова думка, ISBN 978-966-00-0197-8(6).

КАСАТКИН, Л. Л. (2005). *Русская диалектология*. Москва: Academia, ISBN 5-7695-2007-8, 288 с.

КАХАНА, М. Г. (1959). *Венгерско-русский словарь*. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 858 с.

КОЗЫРЕВ, В. А. – ЧЕРНЯК В. Д. (2021). Диалектная лексикография: многомерность объекта и многообразие типов словарей. In // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена* = *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 2021, № 202. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, ISSN 1992-6464, 292 с. С. 183 – 192.

ЛАТТА, В. (1991). *Атлас українських говорів Східної Словаччини*. Братіслава – Пряшів: Словацьке педагогічне видавництво в Братіславі, ISBN 80-08-01210-2, 552 с.

ЛЕБЕДЕВА, Т. Е. (2002). *Полисемия в русских народных говорах (на материале имен существительных)*. Канд.дисс. (на правах рукописи). Санкт-Петербург: Институт Лингвистических Исследований РАН, 232 с.

НИКОЛАЕВ С. Л. – ТОЛСТАЯ, М. Н. (2001). Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. Москва: Институт славяноведения РАН, ISBN 5-5756-0115-9, 230 с.

НИКОНЧУК, Н. В. (1972). О народной орнитологической терминологии Полесья и Карпат. In: // *Карпатская диалектология и ономастика*. Москва: Наука, 583 с., с. 140 – 165.

Общеславянский лингвистический атлас (1988 – по н.вр.). ISBN 978-5-4469-1760-0.

ОЛЬХОВСКАЯ, А. И. (2015). *Полисемия как проблема общей и словарной лексикологии*. Москва: ФЛИНТА, Наука, ISBN 978-5-9765-2181-0 (ФЛИНТА), ISBN 978-5-02-038868-0 (Наука), 456 с.

ОНИШКЕВИЧ, М. Й. (1984). Словник бойківських говірок. Київ: Наукова

думка. В 2 тт.

САБАДОШ, І. (2008). *Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району*. Ужгород: Ліра, ISBN 978-966-2195-13-2, 480 с.

Словарь русских народных говоров. (1965 – по н.вр.). Под ред. Ф.Ф. Филина, Ф.П. Сорокалетова, С.А. Мызникова. Москва – Санкт-Петербург: Наука, ISBN 5-02-027894-7. В 49 тт.

ТЕРНОВСКАЯ, О. А. (1993). Божья коровка или ночь накануне Ивана Купалы (соотношение микро- и макроструктур). In: // *Славянское и балканское языкознание. Структура малых фольклорных текстов*. Москва: Наука, ISBN 5-02-011071-X, 256 с., с. 41 – 55.

ФАСМЕР, М. (1983 – 1987). *Этимологический словарь русского языка*. Пер. О.Н. Трубачева. Москва: Прогресс. В 4 тт.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. (1974 – по н.вр.) Под ред. О.Н. Трубачева. Москва: Наука, ISBN 978-5-02-040878-4. В 42 тт.

Mgr. Darja Vašíčková
Univerzita Karlova
Filozofická fakulta
Ústav východoeurópských štúdií
Nám. Jana Palacha 1
110 00 Praha 1
Česká republika

darja-vasicek@seznam.cz

PODKARPATSKÁ RUS V MEDZIVOJNOVOM OBDOBÍ

Radka ONDERKOVÁ

Abstract

In 1918 Austria-Hungary fell apart and many successor states were created, including Czechoslovakia. Ruthenians from northeastern Slovakia and Subcarpathian Ruthenia became part of the Czechoslovak republic. Subcarpathian Ruthenia was endowed with autonomous status approved at the Paris Peace Conference and inscribed in two international treaties Saint-Germain, Trianon and in Czechoslovakia's constitution. But Subcarpathian Ruthenia did not acquire full autonomous status until October 1938. Pressured by Nazi Germany and its ally Hungary, Czechoslovakia was forced to cede to those two countries parts of its territory until it ceased to exist entirely in March 1939.

Key words: Subcarpathian Ruthenia. Autonomy. G. I. Žatkovič. American National Council of Hungarian-Rusyns.

1. Rozpad Rakúsko-Uhorska a vznik ČSR

Prvá polovica 20. storočia sa niesla v znamení nového usporiadania povojnovej Európy a tiež zrodu nových štátov. Po rozpade Rakúsko-Uhorska vznikli na jeho pôde nástupnícke štáty, ktoré si vydobyli svoju nezávislosť a slobodu. Jedným z týchto novovzniknutých štátov bolo aj Československo, ktoré bolo oficiálne vyhlásené 28. októbra 1918 v Prahe. Nezávisle od udalostí, ktoré sa udiali v Čechách, bola 30. októbra 1918 prijatá Deklarácia slovenského národa, ktorá sa vyslovila za úzku spoluprácu s Čechmi a za rozpad monarchie. Bola zvolená Národná rada, v ktorej čele stál Matúš Dula a tá ako jediná bola oprávnená konať v mene slovenského národa. Situácia na Slovensku sa však nevyvíjala veľmi priaznivo. Už v novembri 1918 došlo na východnom Slovensku k separatistickej akcii, kedy sa v Prešove vytvorila tzv. Východoslovenská národná rada usilujúca o zachovanie Slovenska v rámci Maďarska. Táto akcia neskôr vyústila do vyhlásenia Slovenskej ľudovej republiky, lojálnej Maďarsku. Z radov maďarskej buržoázie sa začali tvoriť maďarské gardy, no československé vojská hneď v januári 1919 dostali pod kontrolu celé územie a zabránili tak rozvoju revolučného hnutia.¹

Rusíni mali viacero predstáv a koncepcií o štátoprávnom usporiadaní po skončení vojny. Vážnejším pokusom o samostatný rusínsky štát bola iniciatíva amerických Rusínov. O samostatnosti svojej krajiny uvažovala konfesijná gréckokatolícka skupina amerických Rusínov, zoskupená okolo G. I. Žatkoviča.

Vyriešenie základnej štátoprávnej otázky Rusínov si vyžadovalo zjednotenie

¹ OLIVOVÁ, V. *Dějiny Československa od roku 1918 do roku 1945*. Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1967.

sa podstatnej časti emigrácie na spoločnej platforme. Pomôcť tomu mala Americká národná rada Uhro-Rusínov, ktorá vznikla 23. júna 1918 v Homesteade. Bolo to v čase, keď už spojenci boli ochotní pripustiť rozdelenie Rakúsko-Uhorska. Táto rada poverila G. I. Žatkoviča aby vypracoval memorandum, s ktorým by sa americkí Rusíni obrátili na amerického prezidenta W. Wilsona a požiadali o pomoc pri nadobúdaní národnej slobody. Žatkovič predložil návrh memoranda 1. októbra 1918 Americkej národnej rade Uhro-Rusínov v Scrantone. Súčasťou bola aj mapa štátu, ktorý mal vzniknúť ako národný štát Rusínov a mal mať názov Uhrorusínia. Americkí Rusíni v ňom počítali s celým územím Zemplína, Šariša, Abova a Spiša a s územím Uhorskej Rusi, ktorej súčasťou bola celá Marmarošská župa. Neuvažovali však s Haličou. Po schválení textu sa obrátila delegácia amerických Rusínov 21. októbra 1918 na Wilsona a odovzdala mu memorandum pod názvom *Memorandum from the American National Council of Uhro-Rusins, to his Excellency Woodrow Wilson, president of the United States of America*. V memorande bolo charakterizované územie, na ktorom žijú Rusíni, ich národ, americká rusínska emigrácia a jej činnosť. Bol predstavený návrh na riešenie štátoprávneho postavenia Rusínov, ktorý mal tri varianty:

1. aby uhorskí Rusíni dostali úplnú nezávislosť.

Ak to nebude možné,

2. aby sa mohli zjednotiť s Rusínmi z Haliče a Bukoviny a vytvorili spoločný štát.

A ak ani to nebude možné,

3. aby získali čo najväčšiu autonómiu, ak by Uhorská Rus ostala naďalej súčasťou Uhorska.

W. Wilson im vysvetlil, že nebude možné realizovať prvé dve požiadavky, a že ani USA ich realizáciu nepodporia. Je však možné realizovať upravenú tretiu alternatívu, a síce autonómiu Podkarpatskej Rusi, resp. Uhrorusínie, ale nie v maďarskom štáte, ale v niektorom štáte slovanských susedov Podkarpatskej Rusi. V podstate naznačil možnosť začlenenia tohto územia do chystaného česko-slovenského štátu.²

2. Začlenenie Podkarpatskej Rusi do ČSR

18. októbra 1918 vznikla vo Ľvove Ukrajinská národná rada ako politická reprezentantka uhorských Ukrajincov. Toho istého dňa bolo vydané prehlásenie, že Halič, Lemkovščina, severozápadná Bukovina a ukrajinské územia severovýchodného Uhorska budú patriť do spoločného ukrajinského štátu, ktorý mal niesť názov Západoukrajinská ľudová republika. Tá bola vyhlásená v Ľvove 9. novembra 1918 a predsedom vlády sa stal Kost' Levyckij. Po tom, čo poľské vojská obsadili Ľvov, bola vláda nútená presťahovať sa. Nachádzala sa v zúfalej situácii a tak nadviazala kontakt s Ukrajinskou ľudovou republikou a 1. decem-

2 ŠVORC, P. *Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919-1939)*. Prešov : UNIVERSUM, 2003, s.108.

bra 1918 sa stala jej súčasťou.³ V roku 1919 sa ale situácia zhoršila a direktórium Ukrajinskej ľudovej republiky malo pod kontrolou len malé územie na juhozápade Ukrajiny.

V Starej Ľubovni bola založená prvá Ruská národná rada, ktorá odmietať rozdelenie Rusínov do rôznych štátov. Ďalšia Ruská národná rada vznikla v Chuste 17. novembra 1918. Vyjadrila sa za pripojenie Podkarpatskej Rusi k Ukrajine. Po obsadení Ukrajiny Červenou armádou v roku 1919 sa od tejto požiadavky odklonila. Ďalším dôvodom bolo aj to, že mierová konferencia v Paríži neuznala jej samostatnosť. A tak prišla na scénu požiadavka pripojiť Podkarpatskú Rus k Československu. Pripojenie schválilo zasadnutie Americkej národnej rady Uhro-Rusínov 12. novembra 1918 v Scrantone. Toto rozhodnutie Rusínov bolo plne podporované reprezentantmi českej a slovenskej politickej scény, ktorá v tom videla šancu na posilnenie republiky. T. G. Masaryk poslal vo februári 1919 do Užhorodu Ferdinanda Piseckého, ktorý mal doručiť memorandum, v ktorom sa americkí Rusíni uzniesli za pripojenie Podkarpatskej Rusi k Československu.⁴ Masaryk sa prvýkrát rusínskou myšlienkou zaoberal pri nástupe ruského vojska v Karpatoch v rokoch 1914/1915. Otázkou Podkarpatskej Rusi sa zaoberal i pri rozhovoroch s ukrajinskými národnými dejateľmi v Kyjeve v roku 1917, kedy ešte len uvažovali o autonómii vo federatívnom Rusku. No dočasná ukrajinská vláda Centrálna rada sa uzniesla za pripojenie Uhorskej Rusi k Československu.⁵ Ruská národná rada v Prešove vydala 19. novembra 1918 rezolúciu, v ktorej žiadala právo Rusínov na sebaurčenie v etnických hraniciach. Rezolúcia bola doručená Slovenskej národnej rade v Martine.⁶

5. novembra 1918 sa uskutočnila schôdza rusínskej inteligencie v Užhorode, kde sa zvolil zvláštny výbor na čele s Augustínom Vološinom. Na 9. novembra 1918 zvolali ľudové zhromaždenie, na ktorom bola utvorená Uhroruská národná rada, ktorej predsedom sa stal kanonik Simeon Sabov a konateľom A. Vološin. Na zhromaždení účastníci prijali memorandum, v ktorom sa vyslovili za celistvosť maďarského štátu a zároveň žiadali pre Rusínov také práva, aké budú mať aj iné národy tohto štátu. Žiadali autonómnú správu gréckokatolíckej cirkvi, vybudovanie katedry ruského jazyka na budapeštianskej univerzite a hospodárske reformy. Po rokovaníach s maďarskou vládou im bolo prisľúbené splnenie všetkých predložených požiadaviek. Maďarská vláda podnietila vytvorenie Ruskej národnej rady v Budapešti a poverila Dr. Oresta Szabóa úlohou, aby pripravil autonómiu Ruskej Krajiny. 10. decembra 1918 sa konalo v Budapešti národné zhromaždenie uhorských Rusínov, na ktoré mala prísť len lojálna, prouhorská rusínska inteligencia. Bola tu nastolená požiadavka integ-

3 ŠVORC, P. *Zakletá zem Podkarpatská Rus 1918-1946*. Praha : Nakladatelství Lidové noviny, 2006, s. 41.

4 KONEČNÝ, S. *Náčrt dejín karpatských Rusínov*. Prešov : Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, 2015, s. 129-130.

5 POP, D. *Istorija Podkarpatskoji Rusy*. Užhorod : Garnitura Times, 2005.

6 KONEČNÝ, S. *Náčrt dejín karpatských Rusínov*. Prešov : Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, 2015, s. 131-133.

rity Maďarska a pre Rusínov zriadenie zvláštnej rusínskej gubernie so sídlom v Mukačeve a zriadenie rusínskeho ministerstva. Zhromaždenie však nebolo jednotné, lebo sa ho zúčastnili aj tí, ktorí nesúhlasili s ďalším zotrvaním Podkarpatskej Rusi v maďarskom štáte. K nim patrili delegáti z Chustu Dr. Július Braščajko, Július Čučka, Peter Dolinaj, Štefan Kločurak a iní, ktorí sa postavili za pripojenie k Ukrajine. Maďarská vláda sa rozhodla zriadiť rusínsku autonómiu zákonom č. X zo dňa 21. decembra 1918, ktorá dostala názov Ruská Krajina. Podľa predstáv Rusínov malo územie Ruskej Krajiny zahrňovať aj Šarišskú, Spišskú, Zemplínsku a Abovskú župu, s tým však maďarská vláda nepočítala.

Začiatkom roka 1919 sa ešte maďarská vláda pokúsila udržať si územie Podkarpatskej Rusi vydaním nariadenia č. 928 z 5. februára 1919 a pre Ruskú Krajnu ustanovila vládu. Na jej čelo menovala dr. Oresta Szabóa, ktorý bol menovaný zároveň aj za ministra pre Ruskú Krajnu pri maďarskej vláde. Boli vyhlásené voľby do rusínskeho snemu a 4. marca 1919 sa konali na území, ktoré nebolo obsadené československým vojskom. Účasť voličov kvôli nevedomosti alebo kvôli tomu, že sa ich rozhodli neakceptovať, bola nízka. 5. marca 1919 bolo do Mukačeva zvolané zasadnutie snemu, ktorý mal 36 členov. Maďarská vláda predpokladala jeho lojálnosť s Maďarskom. Zasadnutie viedol guvernér Ruskej Krajiny Augustín Štefan. Zúčastnil sa ho i Orest Szabó, ktorý predniesol program vlády a očakával jeho prijatie. Jednoznačnosť podpory vládneho programu však narušil poslanec za Seredňanský okruh Konstantín Hrabar, ktorý žiadal odpoveď, aké sú hranice Ruskej Krajiny a či je Mukačevo ešte súčasťou Maďarska alebo nie. V Maďarsku však padla Károlyiho vláda a snem Ruskej Krajiny sa viac nezišiel.

Uhrorská národná rada v Užhorode pomaly začala upúšťať od promaďarskej orientácie a začala sa prikláňať k československej orientácii. Ostatné koncepcie, vo vzťahu k Uhorsku boli vyslovene radikálne, žiadali vyčlenenie územia karpatských Rusínov z územia Uhorska a jeho vlastnú správu v podobe samostatnej krajiny, alebo ako autonómneho, samosprávneho územia v rámci inej krajiny, nie Uhorska, resp. Maďarska. Len Rusíni, etnicky sa identifikujúci ako Ukrajinci, žiadali pričlenenie územia obývaného uhorskými Rusínmi k Ukrajine a neuvažovali o osobitom štatúte tohto územia v rámci samostatnej krajiny.

V Prahe rokoval s predstaviteľmi československej vlády o budúcnosti národa Anton Beskid. Do Paríža už odchádzal ako člen československej mierovej delegácie, ako odborný poradca pre otázky Podkarpatskej Rusi. Po tom, ako pricestovali do Paríža, G. I. Žatkovič a J. G. Gardoš, spolu s Beskidom vytvorili Ruskú komisiu, ktorá vystupovala v mene všetkých Rusínov. Karlovi Kramárovi a Edvardovi Benešovi predložila výsledky plebiscitu z USA, kópiu protokolu prešovskej Karpatoruskej národnej rady a kópiu memoranda Svalavskej národnej rady, kde boli zahrnuté požiadavky Rusínov.

10. marca 1919 pricestovala do Prahy Americká komisia Rusínov a pred-

strela prezidentovi T. G. Masarykovi požiadavky Rusínov zhrnuté do 14 bodov. Dôležité boli rokovania s Užhorodskou národnou radou, ktorá inklinovala k Maďarsku a s Chustskou národnou radou, ktorá chcela územie pripojiť k Ukrajine. Podporu všetkých zainteresovaných získali až po rade rokovaní, keď sa pripojenie Podkarpatskej Rusi k Československu javilo ako jediné možné riešenie.⁷

Spojením chustskej, užhorodskej a prešovskej národnej rady vznikla Centrálna ruská národná rada, ktorá vyslala delegáciu na rokovania s československými predstaviteľmi, kde rokovali o pripojení Podkarpatskej Rusi k Československu. Podľa návrhu malo ísť o Česko-slovensko-ruskú republiku, kde malo byť územie rusínskeho štátu pod správou ministra. V rámci federácie mala mať plnú samosprávu. Okrem zahraničnej politiky, obrany a financií mali prevziať miestne autonómne orgány do svojich rúk výkonnú a zákonodarnú moc.

Sporným bodom sa ale stala krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou. Obe strany si nárokovali na sporné územie. Rada chcela posunúť hranice na západ a zahrnúť do Podkarpatskej Rusi i územie Abova, na ktorom žili Rusíni ako minoritné etnikum. Taktiež si nárokovali nielen na časti, ale na celú Zemplínsku a Šarišskú župu a severné časti župy Spišskej. Práve tieto snahy a spory o hranicu viedli k tomu, že vzťahy medzi obyvateľmi na spornom území sa značne zhoršili. Otázka krajinskej hranice sa potom riešila na Parížskej mierovej konferencii, ktorá prihliadala na etnické zloženie i geopolitický priestor.

Definitívne pripojenie Podkarpatskej Rusi k Československu bolo potvrdené podpísaním mierových zmlúv s Rakúskom 10. septembra 1919 a s Maďarskom 4. júna 1920, kedy Maďarsko priznalo Československu územia Slovenska a Podkarpatskej Rusi a uznalo jeho územnú nedotknuteľnosť a nezávislosť. Napriek medzinárodným garanciam, problém, ktorý súvisel so stanovením hranice, nebol vyriešený počas celého trvania Československej republiky a vplýval na životy a vzťahy ľudí.^{8 9}

Rusíni sa prvýkrát stali jedným zo štátotvorných národov v novovzniknutom Československu. Spolu s Čechmi a Slovákmi predstavovali v roku 1930 na území Podkarpatskej Rusi 71% obyvateľstva. Okrem nich žilo v Československu vyše 3,2 miliónov Nemcov v českých krajinách a necelých 700 000 Maďarov na juhu Slovenska a Podkarpatskej Rusi. Československo bolo republikou s dvojkomorovým centrálnym parlamentom v Prahe, zloženým z Poslaneckej snemovne, kde boli poslanci volení, Senátu a vlády, na čele s prezidentom, ktorý sa volil na sedem rokov. Od vzniku Československa až do roku 1935 post prezidenta zastával T. G. Masaryk, po ňom bol do roku

7 ŠVORC, P. *Zakliata krajina Podkarpatská Rus 1918-1946*. Prešov : Universum, 1996, s. 29-33.

8 ŠVORC, P. *Zakliata krajina Podkarpatská Rus 1918-1946*. Prešov : Universum, 1996, s. 38

9 ŠVORC, P. *Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919-1939)*. Prešov : Universum, 2003, s. 150-157.

1938 prezidentom Edvard Beneš, dlhoročný minister zahraničných vecí.

Autonómia Podkarpatskej Rusi bola zakotvená v Ústavnej listine Československej republiky z 29. februára 1920, avšak realita bola iná. I keď Podkarpatská Rus mala mať vlastný snem, nebol nikdy zvolaný a guvernér, ktorého menoval československý prezident, nemal skoro žiadnu politickú autoritu, pretože krajinu riadil stále viceguvernér (národnosťou Čech), ktorého menovala ústredná vláda v Prahe.

Kvôli konfliktom, ktoré sa týkali hraníc a nenaplnenej autonómie, nadšenie karpatorusínskych politických aktivistov ochablo. Aj prvý guvernér G. I. Žatkovič kvôli problémom so stanovením krajinskej hranice medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou z postu odstúpil a vrátil sa do USA.

Dôvodov, prečo československá vláda nechcela udeliť Podkarpatskej Rusi autonómiu, bolo hneď niekoľko. Podľa Prahy, jej obyvatelia neboli zrelí zúčastňovať sa na novodobých demokratických procesoch, keďže mnohí miestni najmä z radov gréckokatolíckeho duchovenstva očakávali návrat uhorskej moci a Československo považovali len za akýsi prechodný stav. Zavedeniu autonómie taktiež nepomáhala to, že politickí predstavitelia boli orientovaní nielen prorusínsky, ale aj prorusky a proukrajinsky, čo viedlo ku konfliktom. Hrozbu politickej stability na území predstavovala aj maďarská menšina, ktorá na Podkarpatskej Rusi tvorila 17% a rátala s tým, že dané územie bude raz vrátené Maďarsku.

3. Rusínska otázka v 30. rokoch

Riešenie rusínskej otázky nabralo v 30. rokoch nový rozmer. Separatistické snahy jednotlivých opozičných politických strán a skupín viedli k oslabeniu republiky. Autonomistické hnutie sa tu rozdelilo na dva smery. Demokratické krídlo na strane jednej a radikálne krídlo na strane druhej. Podpora maďarských a poľských revanšistov, ktorí sa v zahraničnej politike orientovali na Nemecko, podporovali zakarpatské autonomistické hnutie, a hlavne tých členov, ktorí hlásia, pod domnienkou získania autonómie, vystupovali proti československej vláde v Zakarpatských oblastiach, viedla k oslabeniu Československej republiky. Nositeľom separatistickej myšlienky sa stal Autonomistický poľnohospodársky zväz vedený karpatoruským politikom Andrejom Brodym.¹⁰ Snahy o autonómiu, ktoré boli dosť populárne u značnej časti rusínskeho obyvateľstva, boli podporované aj uprostred ukrajinských spolkov v Amerike.¹¹ I keď vláda vymenovala nového guvernera Podkarpatskej Rusi K. Hrabara, i tak to nevedlo k upokojeniu situácie. V roku 1936 sa začali rokovania so zástupcami rusínskej politiky. Realizácia memoranda o autonómii v marci 1936, predlo-

10 KONEČNÝ, S. *Náčrt dejín karpatských Rusínov*. Prešov : Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, 2015, s. 158-160.

11 VANAT, I. *Narysy novitroji istoriji Ukrajinciv na Slovaččyňi*. Bratislava : Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1990.

ženého prezidentovi Benešovi, mala ale prebehnúť až po dohode jednotlivých kultúrnych smerov.

1. novembra 1936 podali rusínski poslanci a senátori návrh zákona o kompetenciách guvernéra, ktorý by bol súčasne aj zemským prezidentom a mohol rozhodovať o školských a kultúrnych otázkach. Avšak vláda sa k nemu postavila v negatívnom duchu, či čo viedlo k schváleniu návrhu ústavy Podkarpatskej Rusi s dodatkom o pripojení niektorých východoslovenských okresov. Po rokovaníach predstaviteľov rusínskych strán s predsedom vlády Milanom Hodžom bol v parlamente schválený Zákon č. 172/1937 Sb. z. a n. z 26. júna 1937 o dočasnej úprave právneho postavenia guvernéra Podkarpatskej Rusi a o súvisiacich organizačných opatreniach, ktorý simuloval niektoré autonomistické prvky. Guvernér mal byť na čele správy regiónu so zákonodarnou iniciatívou vo vymedzenej oblasti, mohol menovať a odvolávať úradníkov, avšak jeho rozhodovacia právomoc bola limitovaná Zemským úradom a súhlasom viceguvernéra.

Za posunutie administratívnej hranice na západ sa postavili v priebehu roka 1937 i zástupcovia Rusínov na východnom Slovensku. Žiadali taktiež zriadenie školského inšpektorátu pre rusínske školy na Slovensku a opatrenia k zaisteniu niektorých výhod pre gréckokatolícku cirkev. Na jar roku 1938 politici z prešovského regiónu, poslanci dr. Pješčak a P. Židovský vyslovovali požiadavky kultúrnej autonómie Rusínov na východnom Slovensku, resp. na jeho priame pripojenie k Podkarpatskej Rusi. Vláde bolo v máji predložené Národným komitétom memorandum obsahujúce 25 článkov, čo možno považovať za politický program tejto menšiny na Slovensku. Rusínov najviac zaujímalo riešenie hlavných sporných otázok národnej identity a jazyka. Na 8. valnom zhromaždení Spoločnosti A. Duchnoviča, ktoré sa konalo 1. júna 1930 v Užhorode, sa predseda spolku E. I. Sabov zameral na tie pasáže Masarykovho diela, ktoré pojednávajú o myšlienke jednoty Ruska a v tomto zmysle vlastne spochybňovali právo na štátnosť Ukrajiny a oprávnenosť ukrajinského jazyka. Bola to zjavná reakcia na očividné narastanie vplyvu a významu ukrajinoфильského hnutia, ako aj na jeho prvé úspechy v regióne. V tomto duchu proklamoval Sabov ako spisovný jazyk Rusínov literárnu ruštinu, ktorá obsahuje aj cirkevno-slovanské výrazy blízke ľudu. Zdôraznil, že Spolok plne akceptuje kultúrny panslavizmus, podporuje bratstvo všetkých slovanských národov, súčasne však uznáva jednotu ruského národa a kultúry.¹² Aj na 9. valnom zhromaždení 7. júna 1931 v Mukačeve žiadali posunutie hraníc so Slovenskom na západ Centrálnej ruskej národnej rady a Spoločnosť Alexandra Duchnoviča.^{13 14}

12 KONEČNY, S. *Náčrt dejín karpatských Rusínov*. Prešov : Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, 2015, s. 163-165.

13 ŠVORC, P. *Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919-1939)*. Prešov : UNIVERSUM, 2003.

14 KONEČNY, S. *Náčrt dejín karpatských Rusínov*. Prešov : Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, 2015, s.163-165.

Samosprávne postavenie Podkarpatskej Rusi mali vo svojich programoch aj strany a organizácie, ktorých predstavitelia vytvárali ukrajinský blok. K predstaviteľom týchto strán, medzi ktoré patrili Kresťanská ľudová, Sociálno-demokratická a Roľníckej strana boli Augustin Vološin, Michal Dolinaj, Augustín Štefan, Štefan Kločurak. K podporovateľom ich koncepcie patrili Prvá centrálna ruská národná rada a Prosvita, kultúrno-osvetový spolok. S vytvorením Ukrajinskej národnej obrany s polovojenskými oddielmi, prišli ukrajinofilsky zmýšľajúci politici Štefan Rosocha a Ivan Roháč. Táto Ukrajinská národná obrana sa neskôr stala základom Karpatoruskej Siče. V druhej polovici septembra sa výrazne aktivizoval Autonómny poľnohospodársky zväz, hlavne jeho promaďarsky orientovaní členovia Michal Demkó, Július Marina či Jozef Kaminskij a tiež poslanec za prešovskú oblasť Dr. Ivan Pješčak. Patrili medzi tých, ktorí podporovali rezolúciu. Tá ultimatívne požadovala autonómiu a spochybňovala dobrovoľné pripojenie územia Rusínov k republike. Ozbrojené sily strany, Kurtyakova garda, tzv. černorubašníci z Fencikovej strany, či z Maďarska vysielaní teroristi szabad csapatok vytvárali napätie medzi ľudom. Ich aktivity však boli obmedzované československými ozbrojenými jednotkami.¹⁵

4. Autonómia Podkarpatskej Rusi

Rezignovanie československých orgánov po mníchovskom diktáte a vyhlásenie autonómie Slovenska v Žiline 6. októbra 1938 viedlo k tomu, že podkarpatskí politici sa začali viac aktivizovať. Zvlášť M. Demko, J. Marina a A. Il'nický. Jozef Kaminský a Ivan Pješčak podporili rezolúciu, ktorá ultimatívne žiadala autonómiu a spochybnila dobrovoľné pripojenie územia Rusínov v republike. Začali sa intenzívnejšie dožadovať sľúbenej autonómie a v Užhorode vytvorili spoločnú Karpatskú radu. 8. októbra sa dožadovali autonómie aj v Prahe. Prezidenta zastupujúci premiér gen. J. Syrový odvolal vtedajšieho guvernéra Konštantína Hrabara. Na jeho miesto vláda vymenovala Dr. Ivana Parkanyiho, no nakoniec bola nútená súhlasiť s autonómiou. Premiér vymenoval autonómnu vládu A. Brodyho až 11. októbra 1938. Edmund Bačinskij prevzal funkciu ministra vnútra, ministrom dopravy sa stal J. Revay a ministrom hospodárstva S. Fencik. Augustinovi Vološinovi a Ivanovi Pješčakovi sa dostalo funkcie štátnych tajomníkov.¹⁶ Nemecku však tato autonómna vláda s prevahou členov smeru rusínskeho nevyhovovala. Podkarpatskú Rus vnímalo ako ďalší nástroj na rozbitie Československa. 26. októbra bol zatknutý A. Brody na základe kompromitujúcich materiálov, ktoré boli podsunuté československej rozviedke z nemeckej strany. Súčasne s jeho zatknutím bol vymenovaný nový predseda autonómnej vlády. Tejto funkcie sa zhostil A. Vološin, ktorý nim ostal až do rozpadu Československa v marci 1939. Pražská vláda vtedy viac verila ukrajinské-

15 KONEČNÝ, S. *Náčrt dejín karpatských Rusínov*. Prešov : Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, 2015, s.158-161.

16 KONEČNÝ, S. *Kapitolý z istoriji Rusyniv na Sloveňsku*. Prešov : Rusin a Ľudove noviny, 2009, s. 142-144.

mu krídlu, ktoré nepodozrievala zo spolupráce s Maďarskom.^{17 18}

Predmetom medzinárodnej arbitráže konanej vo Viedni 2. novembra 1938 sa stali hranice Slovenska a Podkarpatskej Rusi. Rozhodnutím ministrov zahraničných vecí Nemecka a Talianska Joachima von Ribbentropa a grófa Galeazza Ciana pripadla južná časť Podkarpatskej Rusi o rozlohe 1 500 km², na ktorej sa nachádzalo 97 obcí so 180 000 ľuďmi, Maďarsku. Súčasťou Maďarska sa stali aj najväčšie mestá tohto regiónu: Užhorod, Mukačevo a Berehovo. Hlavným mestom autonómnej Podkarpatskej Rusi sa stal Chust, ktorý mal vtedy 14 000 obyvateľov. Štátni úradníci, hlavne z radov rusínskej inteligencie, sa odmietali sťahovať do Chustu a ostávali v anektovaných mestách na svojich pracoviskách. Tak v Chuste dostali väčší priestor haličskí emigranti. Tí ťažili z podpory Vološinovej vlády. Nachádzalo sa medzi nimi aj množstvo hľadaných osôb z tajných služieb. Nová vláda, snažiac sa posilniť svoje postavenie, prenasledovala rusofilské organizácie a politikov neakceptujúcich jej politický kurz. Tí chceli buď zostať v republike, alebo spolupracovať s Maďarskom. Ústavný zákon o autonómii Podkarpatskej Rusi bol schválený parlamentom v Prahe 22. novembra 1938 pod číslom 328/1938 Zb. z. a n.³⁸¹⁹ a tretiu autonómnu vládu naďalej viedol Augustin Vološin.

Autonómia trvala takmer šesť mesiacov – do 15. marca 1939, keď hitlerovské Nemecko zničilo to, čo zostalo z Československa a Maďarsko začalo s okupáciou Podkarpatskej Rusi. V ten istý deň bola vyhlásená nezávislá Karpatská Ukrajina, ale kvôli maďarskej invázii to bola len symbolická „republika jedného dňa“. Po rozpade Československa bola diskriminácia namierená hlavne proti karpatským Rusínom v prešovskom regióne, ktorí po mníchovskom diktáte prejavili záujem pripojiť sa k Podkarpatskej Rusi. Bol zakázaný Rusínsky národný výbor a Karpatskorusínsky národný výbor, prestali sa vydávať noviny *Priaševskaja Rus'* a bola obmedzená činnosť Spolku A. Duchnoviča. V slovenskom sneme mali troch zástupcov, ktorí mali podporovať politiku vlády.

LITERATÚRA:

KONEČNÝ, S. (2009) *Kapitoly z istoriji Rusyniv na Sloveňsku*. Prešov : Rusin a Ľudove noviny, 190s. ISBN 978-80-88769-99-6.

KONEČNÝ, S. (2015) *Náčrt dejín karpatských Rusínov*. Prešov : Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, 225s. ISBN 978-80-555-1297-6.

OLIVOVA, V. (1967) *Dejiny Československa od roku 1918 do roku 1945*. Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 583s.

POP, D. (2005) *Istorija Podkarpatskoji Rusy*. Užhorod : Garnitura Times, 262 s.

17 ŠVORC, P. *Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919-1939)*. Prešov : Universum, 2003, s. 350-360.

18 KONEČNÝ, S. *Náčrt dejín karpatských Rusínov*. Prešov : Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, 2015, s. 166-168.

19 KONEČNÝ, S. *Kapitoly z istoriji Rusyniv na Sloveňsku*. Prešov : Rusin a Ľudove noviny. 2009, s. 145-150.

ŠVORC, P. (2003) *Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919-1939)*. Prešov : Universum, 422s. ISBN 80-89046-16-9.

ŠVORC, P. (2006) *Zakletá zem Podkarpatská Rus 1918-1946*. Praha : Nakladatelství Lidové noviny. 318s. ISBN 978-80-7106-754-2

ŠVORC, P. (1996) *Zakliata krajina Podkarpatská Rus 1918-1946*. Prešov : Universum, 126s. ISBN 80-967001-6-2.

VANAT, I. (1990) *Narysy novitňoji istoriji Ukrajinc'iv na Slovaččyňi*. Bratislava : Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 364s.

Mgr. Radka Onderková
Slovenské národné múzeum – Múzeum rusínskej kultúry
Masarykova 20
080 01 Prešov
Slovakia

radka.demjanova@gmail.com

VPLYV ANDREJA BAČINSKÉHO NA VÝVOJ RUSÍNSKEHO JAZYKA

Alexandra TICHVOŇOVÁ

Abstract

The subject of this study is the interest of bishop Andrej Bačinsky on the development of the rusyn language at the end of the 18th century and at the beginning of the 19th century. We will be interested the dissemination of the rusyn language in written form in the period at the end of the 18th century and at the beginning of the 19th century. We will focus on A. Bacinsky's written speech and briefly characterize the language he uses in his speech. We will try to find similarities or differences with the contemporary rusyn language.

Keywords: Bishop Andrej Bacinsky. Rusyn language at the end of the 18th century and at the beginning of the 19th century. Circular letter of bishop Bacinsky.

Úvod

Jazyková situácia v Uhorsku koncom 18. a začiatkom 19. storočia nebola jednoduchá. Uhorsko môžeme charakterizovať ako multikultúrne územie, no jazyk ktorý sa používal v oficiálnych sférach (úradnej, administratívnej...) bol začiatkom 18. storočia len jeden, a to jazyk latinský. Táto situácia pre mnohopočetné národnosti žijúce v uhorskom štáte s vlastnými materinskými jazykmi nebola priaznivá (nevedomosť latinčiny ovplyvňovala sféry bežného života ľudí, napr. na úradoch-matrika a pod.). Vznikali tak potreby riešenia jazykových otázok národov žijúcich na území Uhorska. Dôležitou skutočnosťou, ktorá ovplyvnila vývin a ďalší rozvoj jazykov národov v danej dobe je nepochybne politická situácia a s ňou späté myšlienkové hnutie osvietenstvo, ktoré kladlo do centra pozornosti dôležitosť *ratia* a vyzdvihovanie potreby vzdelania jednotlivca. Vzdelanie a vzdelávanie bolo centrom pozornosti panovníčky Márie Terézie, ktorá zasadla na uhorský trón v roku 1740. Zlepšovanie úrovne vzdelávania sa stalo predmetom záujmu aj jej syna Jozefa II., ktorý zasadol na uhorský trón po svojej matke.

V predmetnom období (takmer do konca 18 st.) vo vzdelávacích inštitúciách v Uhorsku malo vyučovanie latinského jazyka prednosť pred ostatnými predmetmi. Domáce jazyky obyvateľov žijúcich na území vtedajšieho Uhorska (maďarčina, nemčina a slovanské jazyky) sa vyučovali v nižších triedach, poprípade fungovali ako pomocné jazyky popri latinčine. V školskej sfére mal latinský jazyk „prednosť“ pred jazykmi národov, ktoré obývali územie Uhorska (išlo o slovanské jazyky napr. vtedajší slovenský, rusínsky, poľský, český, chorvátsky, srbský jazyk, ale aj pred neslovanskými jazykmi - maďarským a nemeckým jazykom). Od 1. 11. 1784 sa v Uhorsku rozhodnutím panovníka Joze-

fa II. stáva úradným jazykom nemecký jazyk. Nemčina sa tak stala oficiálnym jazykom ústredných uhorských úradov (napr. súdne a politické úrady), neskôr aj mestských a župných úradov. Toto rozhodnutie Jozefa II. vyvolalo nevôľu u uhorských šľachticov, ktorí preferovali používanie latinčiny ako úradného jazyka aj naďalej.

Na území vtedajšieho Uhorska žili okrem iných slovanských národov aj Rusíni. Jazyková situácia aj pre tieto slovanské národy bola náročná, keďže ich materinský jazyk nebol oficiálnym, úradným jazykom. Kým slovenský jazyk bol kodifikovaný v polovici 19. storočia (v roku 1843), rusínsky jazyk bol kodifikovaný až na prahu 21. storočia (v roku 1995). Jeho nespisovná forma sa napriek tomu šírila v písanej a hovorenej neoficiálnej podobe používateľmi tohto jazyka – Rusínmi. Významne sa na rozvoji a šírení vtedajšieho rusínskeho jazyka v písanej a ústnej forme podieľal biskup Andrej Bačinský, rodák z obce Beňatina (súčasnú územie severovýchodného Slovenska obývané Rusínmi). Ešte počas života Márie Terézie sa v roku 1777 stal Andrej Bačinský jej legitímnym tajným radcom, na ktorého sa obracala nielen panovníčka, ale aj celý panovnícky dvor pri riešení vnútropolitických otázok Uhorského kráľovstva. V roku 1789 bol Bačinský pozvaný aj do uhorského snemu. Tým, že získal miesto v uhorskom sneme, dokázal vyriešiť niektoré cirkevné a jazykové problémy rusínskeho národa promptnejšie. Napr. nižšie duchovenstvo (tí duchovní, ktorí patrili pod eparchiu A. Bačinského) bolo oslobodené od platenia daní, od plnenia vojenskej povinnosti či od vyvlastňovania zemí. Taktiež žiadal pre Rusínov vyučovanie v školách v rodnom jazyku, učebnice preložené do vtedajšieho rusínskeho jazyka, preklad cirkevných kníh do rusínskeho jazyka. Andrej Bačinský preniesol sídlo biskupstva z Mukačeva do Užhorodu a vďaka jeho úsiliu sa jazykom biskupskej kancelárie stala vtedajšia forma rusínskeho jazyka. Výsledkom jeho činnosti bola zmena postavenia rusínskeho jazyka, ktorý sa začal používať aj v oficiálnych úradných dokumentoch. V tom čase, samozrejme, nemôžeme hovoriť o rusínskom jazyku v podobe, v akej ho poznáme dnes. Ale môžeme hovoriť o solídnych základoch rusínskeho jazyka nielen v ústnej, ale aj v písanej podobe.

Obežníky biskupa Bačinského a charakteristika ich jazyka

Významnými písomnými pamiatkami, ktoré dokumentujú používanie rusínskeho jazyka v oficiálnych cirkevných dokumentoch, sú obežníky biskupa Bačinského, ktoré vydávala jeho biskupská kancelária. Fungovali na princípe kolovania. V biskupskej kancelárii sa vytvorilo len toľko exemplárov, koľkých protojerských okruhov sa téma v danom obežníku týkala. Bačinský zaviedol metódu vytvárania jarných a jesenných obežníkov. Vzhľadom k tomu, že Mukačevské biskupstvo v tom čase malo okolo 729 parochií, museli byť rozdelené do 60 protojerských okruhov.¹ Jazyk používaný v obežníkoch, hovorovo nazýv-

1 УДБАПІ, І., 1990. *A Munkácsi görögkatolikus püspökség lelkészségeinek 1806. évi összeírása*. Vasvári Pál Társaság füzetei 3: Нїредьгаза, s. 80-81.

vaný aj podkarpatské jazyčie 19. storočia, používali obyvatelia podkarpatskej oblasti, konkrétne Rusíni. V oficiálnych dokumentoch podľa dobovej terminológie nehovoríme o rusínskom jazyku či jazyku Ruténov, ale o *ruskom jazyku*, *cirkevnoslovanskom*, *slavenoruskom*, *karpatoruskom*, či *podkarpatskom jazyčí*. Bačinský sa v mnohých svojich obežníkoch venuje riešeniu cirkevných a jazykových otázok a apeluje na znalosť tzv. *рвскоу навкы*.² V rámci jeho obežníkov a charakteristiky jazykového prejavu A. Bačinského si predstavíme jeden z jeho obežníkov, konkrétne obežník z roku 1800.

Aj tento text nám môže poslúžiť na to, aby sme dokázali charakterizovať jazyk, ktorý sa stal jazykom biskupskej kancelárie. Keďže pracujeme s autentickým textom biskupa Bačinského, jeho obsah nám priblíži fungovanie biskupstva a rôzne národnostno-kultúrne otázky z konca 18. a začiatku 19. storočia. Úryvok (pracujeme s časťou obežníka, označenou *ú (7)* – označuje poradie jednotlivých bodov, ktoré biskup v obežníku nariaďuje. Táto časť má enumeračný význam, napr. po prvé, po druhé, atď.) z obežníka A. Bačinského preložil Iľšvan Udvari do podoby, ktorú máme nižšie uvedenú. Obežník môžeme zaradiť do skupiny tých Bačinského obežníkov, ktoré je možné charakterizovať ako obežníky, primárne sa zaoberajúce jazykovými a národnostno-kultúrnymi otázkami a záležitosťami Mukačevského biskupstva so zreteľom na postup vykonávania duchovnej činnosti.

Celý text obežníka je napísaný v cyrilike. Autor píše tento obežník v prvej osobe jednotného čísla, používa oznamovacie a zvolacie vety. Text obežníka môžeme zaradiť k oznamovacím textom administratívneho štýlu. Má kratší rozsah, direktívny obsah s cieľom sprostredkovať jasné fakty, s určitou dávkou subjektivity autora (autor je autoritou pre tých, ktorým je adresovaný text). Nachádzame v ňom prvky schematickosti, napr. v členení textu (používanie bodkočiarky, za ktorou nasleduje text, ktorý nadväzuje na ten predchádzajúci), ale aj v syntaktickej výstavbe textu (zložitejšie syntaktické konštrukcie, viacnásobné vetné členy). Text má presného adresáta, resp. kolektívneho adresáta, čo je nám jasné z oslovenia *Возлюбленнїй С(ы)нове!* Je určený istej skupine ľudí, ktorých sa to priamo týka a je teda verejný. Čo sa týka vecnosti, autor občas sklzáva do subjektívneho až expresívneho vyjadrovania, čo môže súvisieť so zámerom zvýšiť mieru dôležitosti a akútnosti problému, na ktorý autor apeluje v prvej vete tohto textu *потвплєнїє, но пачє, ѣ во самое оумалїє день ѡ дне приходить руцїзна наша, ѣ отеческое н(а)шоє Рвское набоженство!* Autor na ukončenie výpovede nepoužíva vždy bodku, ale pracuje s bodkočiarkou. Bodku na ukončenie vety používa v texte len v dvoch prípadoch. Výkričník používa v dvoch prípadoch, a to pri oslovení v úvode textu a na ukončenie prvej vety (s cieľom umocniť dôležitosť obsahu vety).

2 УДВАРІ, І., 2002. *Збірка жерел про студії русинського писемства І.: Кириличні уббіжники мукачовського єпископа Андрія Бачинського*. Ніредьгаза: IMI PRINT KFT Nyomdájaban, s. 148.

Z oslovenia *Возлюбленній С(ы)нове!* je evidentné, že obežník je adresovaný mužskému pohlaviu (obsah textu nám to potvrdzuje). Tento obežník z r. 1800 je určený cirkevným hodnostárom, duchovenstvu vtedajšieho Mukačevského biskupstva. Text sa začína relatívne expresívnym hodnotením stavu rusínskeho jazyka a viery v tom čase, zámer je umocnený aj výkričníkom. Dávka expresívnosti a ozrejenie kľúčového problému hneď v úvode textu môžu byť použité účelovo, so zámerom autora vzbudiť okamžitý záujem príjemcu a predostrieť vážnosť problému, na ktorý apeluje.

Z uvedeného textu je zrejmé, že jazyk (resp. neznalosť tohto jazyka), ktorý je predmetom daného textu, je problémom pre mladistvých/mládež (mladých mužov) *Ибо всецѣлое юношество за чуждыми, иностранными по свѣтъ разходитъ са ѣзыками и навками, своего же ѣзыка, навкы, и набоженства...* Tento problém vyplýva z neznalosti tohto jazyka, resp. jeho znalosti v nízkej miere, a to aj z dôvodu uprednostňovania štúdia v iných, cudzích jazykoch. Autor tento jazyk a učenie v tomto jazyku v texte spája s atribútom *рвскый* napr. *навка Рвскыа*. Okrem toho s atribútom *рвскый*, autor spája aj duchovnú vieru a náboženstvo napr. *Рвское набожентво*. Je teda evidentné, že znalosť *Рвского набоженства* i *Рвской віры* sú podmienky, ktoré musí záujemca o vstup do duchovného stavu splniť *...отеческыа природныа навка Рвскыа, безъ которыа невозможно естъ въ с(ва)щенствѣ народови своемъ сльжити, стѣмъ с(ва)щенство просити недерзывать, и неприходить...* Bačinský ako autor a odosielateľ obežníka predstavuje autoritu, nadriadeného, ktorý svojim textom zdôrazňuje požiadavky znalosti jazyka a viery. Dôležitosť *рвскости* autor pozdvihuje aj prostredníctvom veľkého začiatočného písmena lexémy *Рвское*, *Рвскыа*. Toto označovanie veľkým písmenom môžeme chápať ako autorovu snahu pozdvihnúť dôležitosť tohto atribútu alebo veľké písmeno autor zvolil zámerne v súvislosti s národno-orientačnou konotáciou. Autor sa nevyjadruje hanlivo, diplomatickým spôsobom apeluje na opakovanú žiadosť, resp. pokyn, ktorý bol ním vydaný, ako sám píše, aj minulý rok *...Тогѡ оубѡ ради прешлорочное мое оустановленіе опаматствующе шновляю...* Biskup Bačinský dokonca nezakazuje štúdium latinského alebo iného cudzieho jazyka: *Чере(з) цѣе шбаче оустановленіе мое шнюдѡ нево(з)браная латинскагѡ, или иныхъ ѣзыкѡвъ навкъ...* Pri zastávaní duchovného postu vyžaduje znalosť *рвского* jazyka i *рвской віры*, a to najmä z praktických dôvodov, ktoré aj sám uvádza. Podľa Bačinského je lepšie, aby sa vo väčšej časti biskupstva využíval jednotný rusínsky jazyk a duchovní by sa pevne pridržovali cirkevných pravidiel rusínskej viery a náuky. Ak by duchovní neovládali rusínsky jazyk a nepridržovali sa rusínskej viery, podľa Bačinského by to viedlo k rôznym zmätočným situáciám v diecézach a biskupstve *...лвчше бо, и полезныйше естъ въ большой части діецесіи единомъ-ѣзычномъ Рвскому въ своемъ оуставѣ, и наб(о)женствѣ оутвржденомъ, и по семъ въ б(о)гословіи просвѣщенномъ с(ва)щенникомъ быти нежелѣ безъ сѣа навкы, со чуждыми токмѡ ѣзыками между своимъ*

народомъ соблазнъ, потѣшв, и оумаленіе набоженства наносити.

Tento text nemôžeme primárne zaradiť medzi texty rusínskeho jazyka, hoci autor v texte odkazuje na *русскій язык, навку і набоженство*. Rusínsky jazyk v čase Bačinského pôsobenia nepatrí medzi oficiálne jazyky používané v Uhorsku. Tak isto vieme, že v tom čase sa najmä v cirkevnom prostredí používal cirkevnoslovanský jazyk, preto má aj tento text mnoho znakov cirkevnoslovanského jazyka. Jazyk tohto obežníka by sme teda mohli charakterizovať aj ako rusínsku redakciu cirkevnoslovanského jazyka. Veľa znakov je však spoločných so súčasným, kodifikovaným rusínskym jazykom. Samozrejme, vývin jazyka je dynamický proces, preto nachádzame aj rozdiely (napr. ortografické, gramatické a i.)

Ak by sme chceli porovnať súčasný kodifikovaný jazyk s jazykom použitým v tomto konkrétnom obežníku, je nutné sa na tento text pozerat' komplexne, zo všetkých jazykových rovín. Prvým evidentným rozdielom je použitie iného grafemického systému – písma. Autor v texte používa cyriliku (príznačnú pre cirkevnoslovanský jazyk) a grafickým systémom spisovnej rusínčiny je azbuka. Text sa začína adjektívom v N. pl – *возлюбленній*. Autor používa lexému *которої, въ которыхъ*, v súčasnom kodifikovanom rusínskom jazyku použivate *который, в которыхъ*.

Z morfológického hľadiska môžeme konštatovať, že autor využíva plnovýznamové a neplnovýznamové slovné druhy (okrem interjekcií), ktoré zastávajú pozíciu rôznych vetných členov (prevažne podstatné mená vo funkcii podmetu, slovesa vo funkcii prísudku, prídavné mená vo funkcii atribútu). Autor používa substantíva v singulári, napr. *навка*, a v pluráli, napr. *языками*, v mužskom rode, napr. *народ*, strednom, napr. *оустановленіе*, a ženskom rode, napr. *вѣра*. V texte sa vyskytujú všeobecné substantíva, vlastné substantíva sa nachádzajú až v závere textu (*Андрей, Оунгваръ* a autor uviedol aj lexému *Марта*, resp. spojenie *24. Марта*, ktoré odkazuje na dátum, kedy bol obežník napísaný, veľkým písmenom, pričom sa v súčasnom spisovnom jazyku nepovažujú názvy kalendárnych mesiacov za vlastné podstatné mená, teda sa píše s malým začiatočným písmenom). Zaujímavosťou je, že autor v texte využíva prevažne abstraktné podstatné mená, napr. *оустановленіе, набоженство, вѣра, с(ва)щенство, народ*, čo môže odkazovať aj na charakter okruhu príjemcov, pre ktorých je cirkulár adresovaný – pre duchovenstvo.

Čo sa týka verb, autor využíva plnovýznamové a pomocné verbá, napr. modálne verbá s neurčitkom *слѣжити хотѣли*, verb v neurčitku, napr. *наносити*, alebo sponové verbá s podstatným menom, napr. *с(ва)щенникомъ быти*. Verbá v texte sa nachádzajú v jednotnom čísle prvej a tretej osoby a v množnom čísle tretej osoby v prítomnom čase. Verbá v 1. osobe jednotného čísla majú rovnaký tvar zakončenia ako tie, ktoré sa používajú v súčasnom rusínskom jazyku, napr. *обновляю*, v súčasnom rusínskom jazyku *обновляю*. Čo sa týka verb v 3. osobe jednotného čísla, majú tvrdé zakončenie, napr. *полѣчитиса*

неможетъ, недержнвлъ, неприходиѣ, v súčasnom rusínskom jazyku *не приходит*. Tvrde zakončenie má aj verbum v 3. osobe *приходитъ*, ktoré má v súčasnosti tvar *приходить*, t. j. s mäkkým zakončením.

V súvislosti s prídavnými menami môžeme konštatovať, že autor používa také gramatické tvary prídavných mien, ktoré sa so súčasným kodifikovaným rusínskym jazykom nezhodujú. Napr. adjektíva v N. sg., ktoré sa viažu na substantívum stredného rodu *отеческое, Рвское (набоженство)*. Rovnako aj privlastňovacie pronomum *нашое*, ktoré sa viaže na to isté substantívum (*набоженство*) ako predchádzajúce adjektíva. Ten istý prípad je demonštrovaný aj pri charakterizovaní náuky biskupom Bačinským – v N. sg. *своеа отеческыа природныа (навка)*. V súčasnom kodifikovanom rusínskom jazyku používame kontrahované gramatické tvary adjektív a pronomum: *отцѣвске, руське, наше (набоженство), своя отцѣвска природна (навка)*. Nekontrahované gramatické tvary sú príznačné pre cirkevnoslovanské texty, ale aj pre skupinu východoslovanských jazykov, v ktorých kontrakcia neprebehla. Hoci rusínsky jazyk patrí do skupiny východoslovanských jazykov, na uvedenom príklade vidíme, že kontrakcia prebehla a výsledkom sú aj uvedené príklady adjektív a pronomum. Treba však poznamenať, že kontrakcia v rusínskom jazyku prebehla len v určitých pozíciách, teda nie komplexne. Čo sa týka syntaktickej stránky tento text začína jednoduchou rozvitou vetou ukončenou výkričníkom. Ďalej autor pokračuje súvetím, ktoré ukončuje bodkočiarkou, za ktorým nasleduje rozsiahlejšie zložené súvetie ukončené bodkou. Za ním nasleduje ďalšie súvetie ukončené bodkou. Tento text tvorí gro obsahu, ďalej nasleduje záverečný pozdrav a uvedenie autora obežníka a v závere získavame informáciu o tom, kedy a kde bol obežník napísaný.

Autor využíva rôzne typy syntagiem. Nachádzame tu prisudzovacie, napr. *юношество разходитъ са*, určovacie, napr. *Рвское набоженство* aj priradovacie sklady *языками и навками*. V texte nachádzame vetné členy, ktoré sú jednoduché, napr. *шбновляю* vo funkcii prísudku, viacnásobné *языками и навками*, alebo aj zložené *с(ва)щенникомъ быти*.

Môžeme konštatovať, že text je zo syntaktického hľadiska bohato členený, v texte absentujú holé vety, autor sa zameriava najmä na konštruovanie súvetí. Prostredníctvom jednoduchých a zložených súvetí autor vyjadruje zložitejšiu myšlienku, čo môže smerovať tiež k náznaku komplikovanosti danej problematiky, o ktorej píše. Celkovo syntaktická výstavba textu pôsobí ťažkopádne a adresát musí venovať čítanému textu veľkú pozornosť (najmä z dôvodu konštruovania do zložených súvetí). Morfologicky a syntaktický princíp, ktorý autor používa v danom texte, je v podstate rovnaký (skloňovanie, časovanie, stupňovanie, syntaktická výstavba textu) ako sa používa aj v dnešnom rusínskom jazyku.

Ako sme už vyššie spomínali, text je napísaný v cyrilike, ktorá je príznačná pre cirkevnoslovanské texty, ktorým tento obežník bezpochyby je. Výraznú od-

lišnosť od azbuky, ktorá predstavuje používaný grafemický systém spisovného rusínskeho jazyka, reprezentujú grafémy *а, ѡ, оу, ѿ, ѣ, ѡ* a číslovka *ѣд*, ktorá spĺňa funkciu informovania o dátume (konkrétne poradie dňa v mesiaci – rado-vá číslovka) napísania obežníka. Graféma, ktorá slúži na grafemický zápis prednej nosovky *ѣ* - *а*, ktorá sa vyskytuje napr. v slovách ako *с(ѡ)щенический, оутвердитисѡ, вынаутисѡ, полвчитисѡ, ѡбновляю, своеѡ, природныѡ* označujú striednice *’а, ја*. V súčasnom kodifikovanom rusínskom jazyku by sme ju mohli nahradiť grafémami *а, я*, napr. *священицький, своя, природна*, ako časť zvratného slovesa *ся*, napr. *утвердиту ся, (вы)навчиту ся*. Rozporuplná je lexéma *ѡбновляю*, keďže v súčasnom rusínskom jazyku sa používa *обновляю*. Na základe teoretických vedomostí a predchádzajúcich príkladov, kedy bola graféma *а* nahradená *’а, ја* a v predmetnej lexéme je v porovnaní so súčasným rusínskym jazykom nahradená *ю*, môžeme predpokladať, že pri prepise originálu Bačinského obežníka mohlo dôjsť k chybe a v pôvodnom obežníku mohla byť použitá graféma *ж* (teda zadná nosovka, ktorá je graficky veľmi podobná s prednou nosovkou), ktorá bola nahradená striednicami *и, ју*. Samozrejme, ide len o teóriu, ktorú by sme mohli potvrdiť či vyvrátiť len originálom Bačinského obežníka, ktorý v súčasnom čase nemáme k dispozícii. Ďalšia graféma, ktorá v súčasnom rusínskom jazyku je nahradená grafémou *я*, je graféma *ѡ*. Táto graféma sa v tomto úryvku nachádza prevažne v pozícií na začiatku slova, napr. *ѡзыкиѡвъ, ѡзычномѡ, ѡкихъ* (čítame ako *ја*), ale našli sme aj taký prípad, kedy bola táto graféma v strede slova a zmäkčovala predchádzajúcu spoluhlásku *школаѡр*. V tomto prípade sme grafému *ѡ* prečítali po zmäkčení ako *а*. V týchto dvoch pozíciách vystupuje graféma *я* aj v súčasnom rusínskom jazyku, napr. *язык, школаѡрь, яки, стягнуту, славяньскый, сердцѡ, флексѡ*. Možno konštatovať, že v tomto prípade ide o zhodné používanie grafémy *ѡ* a *я*. Rozdiel je len v grafickom značení.

Ďalšou spomínanou grafémou je graféma *ѣ*, ktorá je v súčasnom rusínskom jazyku nahradená grafémou *і*, napr. *сѡим*, alebo *ї*, napr. *їсѡи*. Konkrétne v našom úryvku Bačinského obežníka *хотѣли, по сѡѣтъѣ*, v súčasnom rusínskom jazyku *хотѣли, по сѡимѣ*. Možno opäť konštatovať, že síce systém grafemického značenia bol odlišný, ale významovo sa graféma *ѣ* v súčasnom rusínskom jazyku vyskytuje v rovnakých pozíciách, ale na jej grafemické označenie sú používané dve grafémy. Pozícia a grafemické označenie grafémy *и* sa zachovalo, napr. *приходѣтъ, просѣи*. Grafémy *ѡ, оу, ѿ, ѡ* sa v súčasnom rusínskom jazyku nezachovali. Prvé dve boli nahradené *о* a *у*, tretia *ѿ*, ktorá v texte plní funkciu prepozície *од*, bola ako vidíme v súčasnom rusínskom jazyku, nahradená dvomi grafémami *о* a *д*. Štvrtá graféma *ѡ* je nahradená v súčasnom rusínskom jazyku grafémou *у*. Graféma *оу* pozične stála na začiatku lexémy (ako fóna *u*) napr. *оутвржденомѡ, Въ Оуѡгварѣ*, zatiaľ čo graféma *ѡ* (ako fóna *u*) sa pozične nachádzala v strede, alebo na konci lexémy napr. *оутвржденомѡ, номѡнѡ*. Ďalšími zaujímavými grafémami, ktoré sa v texte vyskytujú, sú *ѣ* a

б. V cirkevnoslovanských textoch spĺňajú funkciu označovania tvrdosti alebo mäkkosti predchádzajúcej spoluhlásky, teda ich nevyslovujeme ako osobitné hlásky. Aj v súčasnej azbuke (nielen v rusínskom jazyku) sú uvádzané ako samostatné znaky, avšak ako samostatné hlásky ich nevyslovujeme, sú ukazovateľom mäkkosti alebo tvrdosti predchádzajúcej spoluhlásky.

Зáver

Z uvedeného vyplýva, že biskup Andrej Bačinský vo veľkej miere vplýval na rozvoj súčasného rusínskeho jazyka a bez jeho aktívnej činnosti so zreteľom na šírenie materinského jazyka v predmetnom období, by rusínsky jazyk nemal také pevné základy. Okrem presadzovania materinského jazyka sa Bačinský aktívne podieľal na riešení a zapracovaní reformy *Ratio educationis* do praxe, v rámci čoho apeloval najmä na vyučovanie v materinskom jazyku. Keď hovoríme o vtedajšom rusínskom jazyku, hovoríme o tzv. rusínskom variante cirkevnej slovančiny. Uvedený analyzovaný text Bačinského obežníka má množstvo znakov, ktoré sú spoločné so súčasným kodifikovaným rusínskym jazykom, avšak veľa jazykových prvkov je bezpochyby cirkevnoslovanských. Tento fakt môžeme interpretovať tak, že Bačinský pochádzal z rusínskeho prostredia, teda jeho materinským jazykom bolo nárečie súčasného rusínskeho jazyka. Na druhej strane bol Andrej Bačinský vysokopostaveným cirkevným hodnostárom a práve cirkevnoslovanský jazyk bol v písaných textoch tým, o čo sa mohol opierať. Pre súčasného čitateľa, ktorý disponuje znalosťami súčasného rusínskeho jazyka, nie je problémom porozumieť jeho textom, čo je tiež jedným z ukazovateľov, že tento text má výrazne kontúry rusínskeho jazyka. S triviálnymi znalosťami cirkevnoslovanského jazyka má dnešný čitateľ k dispozícii bohatý textový materiál v podobe Bačinského obežníkov, z ktorého môžu vychádzať súčasní lingvisti a historici.

Príloha

Úryvok z Bačinského obežníka z 24. марта 1800 Гайдудорожський Епископський Архив. Fasc. 15. No 29. Появив: Шлепецкий 1967. 227-229

Возлюбленній С(ы)нове!

Не токмо во потъпленіе, но паче, й во самое оумаліе день ѿ дне приходитъ рвщизна наша, й отеческое н(а)шое Рвское набоженство! Ібо всецѣлое юношество за чвджими, иностранными по свѣтъ разходитъ са ѧзыками и навками, своего же ѧзыка, навкы, и набоженства, въ // въ которыхъ бы санъ с(ва)щеннический полвчити, и народови своемъ слѧжити хотѣли, ѿнюдь; Тогоу оубо ради прешлорочное мое оустановленіе опаматстввующе ѡбновляю, абы жаденъ, никтоже изъ ѧкихъ либо высокихъ школъ латинскый школяр кромѣ своего отеческыя природныя

навка Рвскыа, безъ которыа невозможно естъ въ с(ва)щенствѣ народови своемъ слѣжити, сѣмъ с(ва)щенство просити недерзнулъ, и неприходилъ; лѣчше бо, и полезнѣйше естъ въ болшой части діецесїи единомъ-язычномъ Рвскомъ въ своемъ оуставѣ, и наб(о)женствѣ оутвржденномъ, и по семъ въ б(о)гословїи просвѣщенномъ с(ва)щенникомъ быти нежели безъ сѣа навкы, со чуждыми токмъ языками междъ своимъ народомъ соблазнъ, потѣпъ, и оумаленїе набоженства наносити.

Чере(з) цїе шбаче оустановленїе мое ѿнюдъ нево(з)бранаю латинскагъ, или иныхъ языковъ навкъ, токмъ абы свое Рвское, аки до санъ с(ва)щенничество въ своемъ Рвскомъ набоженствѣ ползчитиса неможеть, найпервїй нешставлати, но во томъ вынавчитиса и оутвердитиса.

Прочее же при поданномъ Архи-Іерейскомъ Бл(а)гословенїи zostaю

Возлюбленностямъ вашимъ
жичливый о(т)ецъ
Андрей Єп(иско)пъ

Въ Оунгварѣ кд̄ (24) Марта 1800³

LITERATÚRA

КОНЕЧНИ, С. (2009). *Капітолы з історії Русинів на Словеньску*. Пряшів: Русин і Народны новинкы. ISBN 978-80-88769-99-6.

КОПОРОВА, К. (2015). *Фонетика, фонологія і акцентологія русинського языка*. 1. vyd. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry. ISBN 978-80-555-1277-8.

ПЛІШКОВА, А. (2008). Русинський язык на Словеньску. *Короткий нарис історії і сучасности*. Пряшів: Світовий конгрес Русинів. ISBN 978-80-88769-86-6.

ПЛІШКОВА, А. (2007). *Jazyková kultúra a jazyková norma v rusínskom jazyku / Языкова культура і языкова норма в русинському языку*. Prešov: Ústav regionálnych a národnostných štúdií PU. ISBN 978-80-8068-710-6.

УДВАРІ, І. (1990). *A Munkácsi görögkatolikus püspökség lelkészszégeinek 1806. évi összeírása*. Ніредьгаза: Vasvári Pál Társaság füzetei 3, ISBN 963 7170 138, s. 80-81.

УДВАРІ, І. (2002). *Збирька жерел про студії русинського писемства I.: Кириличні уббїжники мукачовського єпископа Андрія Бачинського*. Ніредьгаза: IMI PRINT KFT Nyomdájaban, ISBN 963 9385 17 4, 237 s. 148.

ŠTEC, M. (2005). *Cirkevná slovančina*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove. Pravoslávna bohoslovecká fakulta, ISBN 80-8068-359-X.

3 УДВАРІ, І., 2002. *Збирька жерел про студії русинського писемства I.: Кириличні уббїжники мукачовського єпископа Андрія Бачинського*. IMI PRINT KFT. Ніредьгаза. s. 184

Mgr. Alexandra Tichvoňová
Prešovská univerzita v Prešove
Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín
Ústav rusínskeho jazyka a kultúry
Ul. 17. novembra č. 15
080 01 Prešov
Slovakia

alexandra.ivanis@gmail.com

HUDOBNÝ ASPEKT V ETNICKEJ IDENTITE RUSÍNŮV

Jana TOMKOVÁ

Abstract

The presented paper is focused on the role of music in ethnolinguistic revitalization activities. The aim of the work is to map and analyse the relationship between music and identity in the environment of the ethnolinguistic minority in Slovakia. In this paper, the author examines the use of music and songs within the private and public sphere of the life of members of an ethnic minority, the role and function of music in the culture of a particular ethnic minority, Rusyns of Slovakia. For the purpose of the work, field research was also carried out, from which the obtained material was properly processed, analysed and interpreted. The results of the research indicate that music has the most significant influence on the formation of ethnic identity among the Rusyns in Slovakia.

Key words: Rusyns, Slovakia, music, identity, ethnic minority, music culture.

1. Základné teoretické koncepty

Jazyk a hudba nás definujú ako ľudí¹. Schopnosť tvoriť jazyk a hudbu, vzájomný vzťah medzi nimi a spôsoby, ktorými nás ich tvorba odlišuje od sveta zvierat, fascinujú vedcov a mysliteľov z rôznych disciplín. Z antropologickej perspektívy je hudba zvuk, ktorý je organizovaný do spoločensky akceptovaných vzorcov a tvorbu hudby možno považovať za formu naučeného správania. Hudobné štýly sú tak založené na tom, čo si ľudia vybrali z prírody ako súčasť svojho kultúrneho prejavu, a nie na tom, čo príroda uložila do hudobných systémov. Ale je to tiež schopnosť človeka byť muzikálny, teda hudbu samotnú tvoriť a pochopiť (Rice, 2020). Hudba dokáže často vyjadriť to, čo je slovami nevyjadriteľné. Piesne môžu v sebe zakódovať znalosti o mytológiách, znalosti o svete, lekárske a kulinárske znalosti, spoločenské normy, históriu a kultúrne zručnosti (Grant, 2014). Hudba je tiež forma komunikácie, ktorá má integračnú funkciu a spája členov sociálnych skupín, ale aj integruje individuálne ja a ja so svetom. Napríklad, môže vystupovať ako prostriedok komunikácie pri obradoch a rituáloch spojených so vstupom do nových životných etáp, ako prostriedok komunikácie s božstvom, ako prostriedok vyjadrenia individuálnej aj kolektívnej identity (Rice, 2020).

Pojem *identita* sa dá z pohľadu spoločenských vied definovať ako sebauvedomenie si človeka, ktorý žije v špecifickej skupine, spolupatričnosť k nej, všímanie si jej spoločných vlastností, ale aj odlišností, ktoré si táto skupina vybuďovala voči iným komunitám. Pojem *identita* sa vyskytuje v dvoch pre človeka

1 Článok vychádza z autorkinej diplomovej práce, ktorú predložila na obhajánu na Ústave etnológie, Filozofickej fakulty, Univerzity Karlovej v roku 2022.

najpodstatnejších vzťahoch - vzťah k sebe samému a k iným ľuďom. V antropológii je najčastejšie tento pojem spojený s identitou etnickou (Malina & Sokolová, 2011; Šatava, Jazyk a identita etnických menšín, 2009).

Etnicita je jeden zo základných pojmov v sociálnej antropológii a etnológii. Vzhľadom na množstvo konceptov etnicity môže byť problematické tento pojem jednoznačne definovať. Jednoducho povedané, ide o súhrn zdieľaných znakov a predstáv o hodnotách, ktoré charakterizujú etnikum a odlišujú ho od iných etníc. Je to abstraktné vytvorenie hranice medzi tým, čo je „naše“ a čo je „ich“. Na základe týchto znakov si človek uvedomuje vlastnú príslušnosť k etniku. Etnicita jednou zo základných foriem ľudskej identity (Šatava, Etnicita a jazyk, 2013).

Etnická identita každého etnického spoločenstva je zvyčajne deklarovaná na základe konkrétnych atribútov, teda symbolov jeho vnútorného stotožnenia sa so sebou samým a vymedzenia sa voči iným. K najstarším symbolom patrí teritoriálne vymedzenie skupiny, na základe ktorého sa etniká identifikovali už v stredoveku. Ďalej to sú prvky duchovnej a materiálnej kultúrnej povahy, ako jazyk, hudba, odev, zvyky kalendárneho cyklu a iné. Tieto atribúty majú dôležitý symbolický význam, ktorý bol vytvorený na posilnenie vedomia etnickej identity (Šatava, Jazyk a identita etnických menšín, 2009; Etnicita a jazyk, 2013). Pre mnohé väčšie etnické spoločenstvá, ktoré už dosiahli ciele svojich národných snáh, strácajú od istého momentu tieto symboly do určitej miery význam. Odlišná je však situácia u tých „malých“ etníc, ktoré ešte aj na sklonku 20. storočia zostali v pozícii minoritného štátneho etnika. Keďže malé etniká majú často nízku intenzitu politického života, zvýrazňuje sa u nich kultúrna stránka života. Tradičné, vžitie znaky a symboly sa tak rozvíjajú a upevňujú, a súčasne sa dopĺňajú a modernizujú ďalšie. Dnes tak etnickým symbolom môžu byť aj herecké, hudobné a iné umelecké hviezdy (Šatava, Etnicita a jazyk, 2013).

1.1. Hudba ako atribút etnickej identity

V prvom rade je hudba dôležitým prvkom tvorby identity ako takej. Škála základných ľudských identít sa začína individuálnou identifikáciou vlastného ja. Hudba hrá v tomto prípade úlohu pri sebaaprezentácii a posilňovaní vlastnej identity, napríklad formou rozvoja hudobných kompetencií. Ďalšou úrovňou je kolektívna identita. Identita je vo väčšine týchto prípadov o kolektívnom sebaaporozumení, ktoré predstavujú rôzne charakteristiky, činnosti a zvyky, vrátane hudby. Ako bolo spomínané, kultúrne vzorce každého etnika podmieňujú to, čo je považované za hudbu. Môžeme teda konštatovať, že aj etnická identita ovplyvňuje individuálny hudobný vkus. (Rice, *Reflections on music and identity in Ethnomusicology*, 2007; Etnomuzikologie, 2020).

Hudba a jej produkty figurujú ako kultúrny symbol etnickej identity v niekoľkých rovinách. Prvou rovinou je nezastupiteľná úloha a funkcia národnej hymny. Hymna poskytuje najsilnejšie a najjasnejšie vyjadrenie národnej iden-

tity. Jej hlavným účelom je propagovať konkrétnu formu nacionalizmu a povedome vštepovať zmysel pre národnú identitu. V hymnách sú často ospevované a vyzdvihované krásy daného kraja či hrdinstvá predkov. Druhú rovinu predstavujú iné konkrétne piesne a hudobné diela. V závislosti od spoločenského a geografického kontextu posilňujú svojim textom a melódiou vedomie národnej alebo regionálnej identity. Výrazné postavenie má v tomto prípade hudobný folklór. Pre udržanie alebo oživenie jeho významu, hlavne pre malé etniká, bývajú organizované početné folkloristické slávnosti a festivaly. Národným hudobným symbolom môžu byť tiež autorské hudobné diela, ktoré v čase svojho vzniku natoľko rezonovali v spoločnosti, že sa z nich stali zľudovené a hymnické piesne. Tretou rovinou sú, v prenesenom zmysle slova, osobnosti – speváci a hudobníci. Oni sú totiž nositelia vyššie uvedených foriem etnickej hudobnej symboliky. Výsledkom ich aktivít, verejného vystupovania a spoločenského postavenia môže byť samotné povýšenie ich osoby na úroveň etnického symbolu, ktorý je súčasne využívaný v iných formách, napríklad literárnych (Šatava, Etnicita a jazyk, 2013).

2. Rusíni

2.1. Etnická identita Rusínov – Kto je Rusín?

Objektívne zhodnotiť etnické sebaurčenie Rusínov z pohľadu pozorovateľa a na základe písomných prameňov je značne komplikovaná záležitosť. Vychádzajúc tak z dostupných prameňov, je možné si o Rusínoch vytvoriť relatívne spoľahlivý obraz na základe troch faktorov – geografický, konfesionálny a lingvistický. Hudobný aspekt je včlenený do všetkých troch znakov identity. Z hľadiska náboženstva je nosným prvkom všetkých obradov. Pieseň môže uchovávať jazyk v jeho špecifickej dobovej i geografickej podobe. Často sa môžeme stretnúť aj s nízkou mierou etnickej identity u členov rusínskeho etnika. Prispel k tomu zložitý historický aj etnokultúrny vývoj, no i ďalšie výrazné faktory, ako migrácia do zahraničia, nerovnomerné rozloženie ich sociálnej štruktúry, či polarita rusínskych elít v otázke ďalšieho smerovania etnika v samostatnej Slovenskej republike. Uvedené skutočnosti dodnes ovplyvňujú celkovú modernizáciu rusínskeho etnika (Magocsi, 2016; Szedlákova & Paukovič, 1991).

2.2 Hudobná kultúra Rusínov

Národné piesne Rusínov sú považované za neoceniteľný kultúrny poklad etnika. Vo väčšine prípadov sú piesne spojené s tancom. V minulosti sprevádzala hudba a piesne ľudí pri každej životnej udalosti od kolísky až po hrob. Patria k nim sviatočné piesne, balady, vojenské piesne, lyrické piesne, pracovné piesne, detské piesne, či duchovné piesne. Hoci mnohé funkcie a témy piesní už dnes nie sú aktuálne, i tak piesne nestratili nič na kráse a jedinečnosti. Netreba zabúdať, že aj v súčasnosti prebieha tvorba autorských ľudových piesní (Čižmár, 2022).

Z etnomuzikologického hľadiska neodmysliteľne patria k náboženstvám byzantského obradu špecifické chválospevy. Dodnes sú sväté liturgie v celej ich dĺžke, okrem kázne, odspievané bez použitia akýchkoľvek hudobných nástrojov. Polyfónia ľudových spevov, teda viachlasný spev, vychádza práve z tejto náboženskej tradície (Beňušková, 2005). Zároveň je jedným z charakteristických znakov rusínskych spevov. V rôznorodých formách sa polyfónia zachovala v celom rusínskom regióne. Dokonca sa zachovala aj na Horehroní, ako jeden z posledných kultúrnych atribútov niekdajšej rusínskej kolonizácie v regióne. Pre túto oblasť, je príznačnejší čisto mužský viachlasný spev (Ambrózová, Hrušovský, & Rendoš, 2009).

2.2.1 Folklor na vidieku a v mestách

Celosvetovo známym interpretom rusínskeho folklóru je *Poddukelský umelecký ľudový súbor* (PULS) sídliači v Prešove. Vznikol v roku 1955 ako Poddukelský ukrajinský ľudový súbor, súčasť vtedajšieho Ukrajinského národného divadla. Ako profesionálny súbor piesní a tancov spracováva a scénicky štylizuje folklór Rusínov z celého regiónu Podkarpattia (Poddukelský umelecký ľudový súbor, 2022). Folklor sa rozvíja aj mimo domovského regiónu a dôkazom je folklórny súbor *Ruthenia* z Bratislavy. Bol založený na jeseň 2010 z iniciatívy mladých nadšencov rusínskeho folklóru v hlavnom meste. Jeho zakladateľom a dodnes vedúcim súboru je Peter Štefaňák. V rámci osláv 10. výročia na premiérovom programe v júni 2022 predstavili detský folklórny súbor *Ruthenia-čik* (Folklórny súbor Ruthenia, 2022).

Menšie folklórne súbory, spevácke skupiny a kolektívy nájdeme v dedinách a mestách po celom regióne. V ich repertoári sú hlavne piesne a tance z domáceho regiónu. Medzi najstaršie patrí spevácko-tanečný súbor *Barvinok* z obce Kamienka v okrese Stará Ľubovňa. Súbor vznikol už v roku 1952 (Mušínska, 2005). Z mladej generácie nadšencov a propagátorov rusínskeho folklóru nemožno opomenúť *Dominiku Novotnú* zo Sniny. V rámci svojho širokého spektra osvetových aktivít tvorí s ďalšími dvoma speváčkami *Rusínske Trio* a vedie folklórnu skupinu *Polonyna* v Uličskom Krivom, okres Snina.

Medzi najväčšie klenoty rusínskeho folklóru patria speváčky, ktoré pochádzajú z celého rusínskeho regiónu na území Slovenska. V súčasnosti najstaršou speváčkou je *Mária Mačošková* z obce Potôčky neďaleko Stropkova. V rokoch 1956–1995 spievala v Poddukelskom umeleckom ľudovom súbore. Aj vo svojom úctyhodnom veku 82 rokov stále aktívne vystupuje. Niet preto divu, že ju volajú prvou dámou rusínskej piesne (Mušínska, 2005).

2.2.2 Tvorba na pomedzí folklóru a moderných žánrov

Mnoho umelcov sa tiež snaží rusínsku ľudovú tvorbu prezentovať širšiemu publiku prostredníctvom interpretácie v štýle World music, ktorý spája prvky ľudovej a populárnej hudby. K takýmto tvorcom patrí kapela *Čendeš*,

predtým známa ako *Rusín Čendeš Orchestra*. Skupina mladých hudobníkov sa spojila už v roku 2011, no do širšieho povedomia sa dostali vďaka televíznej relácii RTVS „Zem spieva“ v roku 2017. Hlavnou myšlienkou je interpretácia rusínskeho folklóru netradičným spôsobom, a preto vo svojej hudbe spájajú prvky ľudovej, klasickej a populárnej hudby, balkánskych rytmov či jazzu (Čendeš, 2022). Interpretácii rusínskych piesní v ich autenticknej aj štylizovanej podobe sa venuje aj *Štefan Štec* z Košíc s koreňmi v dedinke Habura, okres Medzilaborce. Popri svojej práci redaktora rusínskeho národnostného vysielania v rozhlase v Košiciach spolupracuje s hudobnou skupinou *Fajta*. Doteraz vydal dva štúdiové albumy, pričom na oboch sú piesne v slovenčine i rusínčine. Zároveň patrí medzi najväčších popularizátorov rusínskej kultúry súčasnosti (Štefan Štec, 2019).

Dva vskutku unikátne projekty spája jeden človek – operný spevák *Igor Kucer* zo Svidníka. Prvým je projekt *Piesne mojej matky Júlie*, ktorého iniciátorom bol Michal Bycko, riaditeľ Múzea Andyho Warhola v Medzilaborciach. Ide o modernejšie spracovanie rusínskych ľudových piesní z obce Miková, ktoré v 70. rokoch minulého storočia nahrála na LP platňu matka Andyho Warhola, Júlia. Túto platňu potom Andy poslal na Slovensko ako dar svojím krajanom. Druhým projektom sú *Podbeskydské ľudové balady*. Pôvodne ide o rozsiahlu zbierku balád východného Slovenska zo 60. a 70. rokov 20. storočia od etnografa a lingvistu Oresta Zilynskeho. Zbierka však zostala v rukopisnej podobe až do roku 2018, kedy ju v Prešove v knižnej podobe vydalo *OZ Šušľavá mušľa*. Neskôr dostal Igor opäť ponuku na ich moderné zhudobnenie. Projekt bol zavŕšený niekoľkými koncertmi na východnom Slovensku a vydaním CD albumu na jar roku 2022 (e-rusynFORUM, 2022).

2.2.3 Moderné žánre

V posledných rokoch mladí rusínski umelci stále viac a viac experimentujú s jazykom a hudbou. Tak sa do širšieho povedomia dostáva aj hudobná tvorba v moderných populárnych žánroch, ako pop, jazz, rap a iné. K takýmto umelcom patrí speváčka a herečka Zdenka Kvasková so svojou kapelou *KVASKOVA*. Zdenka pripravuje autorské texty a spolu s členmi kapely potom tvoria ich hudobnú podobu. Písanie v rusínčine berie ako prirodzený prejav vlastnej etnickej identity a umeleckej autenticity. Na ich debutovom albume pod názvom „Papierový drak“ z roku 2020 sa nachádza niekoľko po rusínsky spievaných skladieb. Pieseň „Prypovidka“ sa nedávno dočkala aj videoklipu, ktorý je zverejnený na YouTube (Kvasková 2020).

Relatívne čerstvým prírastkom na rusínskej hudobnej scéne je rapové a hip-hopové duo *Calibri Gang* z Radvane nad Laborcom (okr. Medzilaborce). Dvojica v zložení Ivan Hudák, alias „Hektor“, a Kristián Hnát, alias „Donatelliss“, spolupracuje od roku 2020. Minulý rok vydali prvý album, na ktorom je rusínska skladba s názvom „Čerez blok“. Ich ambíciou je osloviť mladú gene-

ráciou, podporiť ich tvorbu a používanie materinského jazyka. (Calibri gang 2022).

2.3 Kultúrna činnosť a kultúrne zariadenia Rusínov

Rusínsky festival vo Svidníku je každoročne organizovaný Okresnou organizáciou Rusínskej obrody vo Svidníku od roku 2013. Súčasťou programu podujatia sú výstavy umeleckých diel, premietanie filmov, besedy, vystúpenia hudobných skupín, tanečných, speváckych a divadelných súborov. Do programu festivalu bol pred troma rokmi zaradený projekt *ORFEUS* - hudobná prehliadka autorskej rusínskej hudby. Hlavným cieľom prehliadky je vytvoriť základy pre vznik rusínskej populárnej hudby a ponúknuť alternatívu k folklórnej hudbe, a tým prispieť k vzniku absentujúcich žánrov v rusínskej hudobnej kultúre. Celkovo je festival postavený na filozofii prezentovania širokej škály rusínskej kultúry (Rusínsky festival, 2013). Stálou svidníckeho leta sú *Slávnosti kultúry Rusínov-Ukrajincov Slovenska*, ktoré každoročne organizuje Zväz Rusínov-Ukrajincov Slovenska. Prvý ročník sa uskutočnil v roku 1954 v Medzilaborciach, no ďalší už vo Svidníku. Na území Slovenska ide o najstarší festival prezentujúci kultúru národnostnej menšiny. Väčšinu programu tvorí prezentovanie hudobného folklóru domácich i zahraničných kolektívov. Menšie festivaly prezentujúce rusínsku kultúru sú organizované v obciach v celom severovýchodnom regióne. Zohrávajú úlohu v udržiavaní lokálneho charakteru folklóru a často sú jediným kultúrnym podujatím, ktoré obce dokážu pre svojich občanov zorganizovať (Mušínska, 2005).

Hudobná kultúrna Rusínov sa rozvíja aj v mestách mimo domovský región. Dôkazom je *Rusínska zábava*, *Rusnakovica* a *Rusínsky Silvester* v Košiciach a Bratislave, ktoré organizuje OZ *molody.Rusyny*. Silvestrom si pripomínajú tradíciu slávania kalendárnych obyčajov podľa „juliánskeho“ kalendára. Zámerom týchto akcií je spájať rusínsku mládež v mestách prostredníctvom nadviazania na tradičné zábavy predkov na vidieku. Celkovo sa tieto podujatia tešia veľkej popularite a vysokej návštevnosti (Molody Rusyny, 2022).

3. Výskum

3.1 Terénny výskum

Samotný pobyt priamo v teréne prebiehal v dvoch fázach. Prvá sa odohrávala počas letných mesiacov v roku 2021. Vtedy som sa zúčastnila 3 väčších akcií vo Svidníku – Sídelského festivalu, Slávností kultúry Rusínov-Ukrajincov Slovenska a Rusínskeho festivalu – a ďalších menších slávností a koncertov. Druhá fáza trvala od februára 2022 do júna 2022. Zahŕňala pobyt na Prešovskej univerzite, opätovnú účasť na Rusínskom festivale a oslavách Dňa Rusínov v Snine a účasť na ďalších menších akciách. Pribežne som robila aj rozhovory s účastníkmi podujatí, aj s ľuďmi v rôznych mestách a dedinách regiónu.

Jednou zo základných metodík antropologického terénneho výskumu je zúčastnené pozorovanie. Počas výskumu v teréne musí mať antropológ všetky zmysly v pozore. Počas môjho výskumu sa ukázalo dôležitejšie počúvanie než pozorovanie. Preto by som svoju formu metódy nazvala skôr zúčastneným počúvaním. Pointa tkvela v tom, že som sa občas nenápadne vmiesila do hlúčka ľudí, alebo sa ponevierala pomedzi nich počúvajúc o čom, no hlavne ako rozprávajú. V ďalších prípadoch som sa snažila vnímať a zaznamenať ako publikum reaguje na prebiehajúce predstavenie či koncert.

3.2 Výsledky výskumu

Celkovo sa v súčasnosti kladie najväčší dôraz práve na aktivity rozvíjajúce kultúrny život Rusínov na Slovensku. S nadhľadom môžeme konštatovať, že hudobná kultúra je to jediné, čo Rusinom napriek ich neľahkej histórii zostalo. Hudba, tance a folklór boli jedni z mála vecí, ktoré mohli, dokonca so štátnou podporou, rozvíjať aj v čase, keď boli prehlasovaní za Ukrajincov. Hoci sa podporujú aj činnosti literárne, výtvarné, či divadelné, prevažuje podpora aktivít hudobného a folklórneho typu. Často však pod týmto vplyvom obyčajní ľudia zabúdajú, že Rusíni môžu ponúknuť viac než len pestrofarebný naškrobený kroj a viachlasný spev.

Na základe výskumu som došla k záveru, že hudba upevňuje jazyk a etnickú identitu Rusínov v niekoľkých formách. Vďaka sólistom i súborom, na festivaloch a slávnostiach v mestách i dedinách sa udržiava tradičná ľudová hudba a jej žánre. Pomocou štylizácie ľudových piesní do moderných hudobných žánrov a modernej tvorby sa udržiava jazyk živý aj medzi ľuďmi, ktorí neoblubujú folklór. Tvorba a spev v materinskom jazyku je pre nich rovnako prirodzená a dôležitá ako pre folkloristov. Kombináciou prvých dvoch foriem v mestskom prostredí mimo pôvodný región, kam sa v posledných rokoch presúvajú ľudia za prácou, sa rodia nové formy kultúrnych prejavov Rusínov. Hoci sme svedkami stagnácie dedinskej hudobnej kultúry, zároveň pozorujeme zrodenie kultúry mestskej. Všetky tieto formy majú jednoznačne pozitívny vplyv na upevňovanie etnickej identity Rusínov.

Ako bolo spomínané v časti o hudbe ako atribúte etnickej identity, osobnosti kultúrneho života môžu zohrávať dôležitú úlohu v posilňovaní etnického vedomia menšiny. Výnimka to nie je ani v tomto prípade, kedy tieto osobnosti majú výrazný vplyv aj na celkový obraz Rusínov v slovenskej spoločnosti. Veľa z nich bolo aktívnych už zopár rokov, no folklórna súťažná relácia RTVS „Zem spieva“ bola pre mnohých odrazovým mostíkom do povedomia Rusínov. Patrí k nim spevák Štefan Štec či skupina Čendeš. Na druhej strane sú speváčky, ako Mária Mačoškova či Hanka Servická, ktoré majú Rusíni v hlbokej úcte.

Viackrát som sa stretla s kritikou rusínskych hudobníkov venujúcich sa modernej hudbe. Najčastejšími argumentmi bolo, že buď neadekvátnym spôsobom pracujú s „tradičnou“ hudbou Rusínov, alebo že využívajú rusínsky jazyk

a „rusínsťvo“ len pre svoj vlastný prospech, alebo že nemajú právo nazývať sa reprezentantmi rusínskej hudobnej kultúry. Táto kritika vychádza najčastejšie z konzervatívnych radov, kedy za dôležité sú považované tie znaky, ktoré radia hudbu do tých „správnych“ tradičných kategórií. Objektívne samozrejme nie sú predstavitelia moderných žánrov o nič menšími Rusínmi ako tí, ktorí vystupujú v krojoch a sú sprevádzaní harmonikou alebo husľami.

Dalo by sa povedať, že aj napriek mnohým aktivitám na kultúrnej úrovni, k zlepšeniu etnického povedomia nedochádza, hlavne pre malý záujem mladej generácie. Videla som to aj počas vlastného výskumu, kedy som sledovala, že sa niektorých podujatí, eventuálne niektorých častí podujatí, zúčastnili prevažne ľudia v staršom a strednom veku. Podobne sa vyjadrovali aj respondenti počas rozhovorov. Myslím si však, že problémom bude skôr v tom, že aktivity nie sú zamerané na mladšiu generáciu, alebo je náročné nájsť zaujímavý spôsob, ako mládeži tému Rusínov na Slovensku priblížiť.

Záver

Rusínske etnikum je z antropologického pohľadu relatívne mladé, preto ešte nemalo šancu vytvoriť si tradíciu inej hudobnej tvorby ako folklórnej. Hudobníci začali na tomto poli experimentovať len nedávno, a tak ich tvorba ešte nemala dostatok času sa plne integrovať do hudobnej kultúry Rusínov. Doteraz sa riešili iné „existenčné“ otázky, ako deklarovanie identity, kodifikácia a mapovanie súčasného rusínskeho jazyka. Ako pri všetkom, aj tu môžu byť kritici tejto tvorby, ktorí majú pocit hanobenia či zneuctenia ľudovej kultúry. Revitalizácia a prežitie minoritného jazyka a kultúry je beh na dlhú trať. Chce to veľa úsilia, dostatok zánietenia, ochotných ľudí a materiálneho zabezpečenia. Rusíni sú teraz ešte len na začiatku tejto cesty. A tak iba čas ukáže, ako sa so všetkými problémami a prekážkami, ktoré so sebou revitalizácia prináša, dokážu Rusíni na Slovensku popasovať.

LITERATÚRA

AMBRÓZOVÁ, J. – HRUŠOVSKÝ, J. – RENDOŠ, M. (2009). *Spiš a Šariš* (1. vyd. vyd.). Bratislava: Národné osvetové centrum.

BENUŠKOVÁ, Z. (2005). *Tradičná kultúra regiónov Slovenska: prehľad charakteristických znakov* (2., dopl. vyd. vyd.). Bratislava: Veda.

Čendeš. (2022). Cit. 2022-06-07. Dostupné na Internet: <https://cendesorchestra.com/>

ČIŽMÁR, I. (2022). *Народны співанкы Русинів, котры єм позберав, грав і цнівав = Ľudové piesne Rusínov, ktoré som pozbieral, hral a spieval = Folk songs of Rusins that I collected, played and sang* (Prvé vydanie. vyd.). Svidník: Tlačiareň Svidnícka, s.r.o.

e-rusynFORUM. (2022). Operný spevák Igor Kucer a Podbeskydské balady budú mať pokračovanie. Cit. 2022-05-30. Dostupné na Internete: Rusíni Slovenska: <https://www.rusyn.sk/operny-spevak-igor-kucer-a-podbeskydske-balady-budu-mat-pokracovanie/>

Folklórny súbor Ruthenia. (2022). Cit. 2022-06-06. Dostupné na Internete: <https://fsruthenia.sk/>

GRANT, C. (2014). Music endangerment: How language maintenance can help (1st ed., vyd.). New York: Oxford University Press.

MAGOCSI, P. R. (2016). *Chrbtom k horám: Dejiny Karpatskej Rusi a karpatských Rusínov* (Prvé vydanie, vyd.). (E. Eddy, Prekl.) Prešov: UNIVERSUM-EU.

MALINA, J. – SOKOLOVÁ, V. (2011). Identita. Cit. 2022-06-06. Dostupné na Internete: Encyklopedie antropologie: <https://is.muni.cz/do/rect/el/estud/prif/ps11/antropol/web/encyklopedie.html>

Molody Rusyny. (2022). Cit. 2022-07-30. Dostupné na Internete: <https://www.molody.rusyny.org/>

MUŠINKA, M. (2005). Súčasní nositelia, interpreti a bádatelia ľudových tradícií Rusínov-Ukrajincov Slovenska: Vzájomné vzťahy a konflikty príslušníkov dvoch národnostných orientácií spoločného etnika. In: Š. Šutaj, *Národ a národnosti na Slovensku: v transformujúcej sa spoločnosti - vzťahy a konflikty* (1. vyd. vyd., s. 203-207). Prešov: UNIVERSUM.

Poddukelský umelecký ľudový súbor. (2022). Cit. 2022-06-06. Dostupné na Internete: <http://puls-slovakia.sk/>

RICE, T. (2007). Reflections on music and identity in Ethnomusicology. In: *Muzikologija: časopis Muzikološkog instituta Srpske akademije nauka i umetnosti*, 2007(7), 17-38. doi:10.2298/MUZ0707017R

RICE, T. (2020). *Etnomuzikologie: velmi krátký úvod* (Vydání první, vyd.). (V. Zdrálek, Prekl.) Praha: Univerzita Karlova, Nakladatelství Karolinum.

Rusínsky festival. (2013). Cit. 2022-06-30. Dostupné na Internete: <https://www.rusinskyfestival.sk/sk>

SZEDLÁKOVÁ, Ľ. – PAUKOVIČ, V. (1991). K problematike vývoja a postavenia rusínsko-ukrajinského etnika na Slovensku. In: V. Paukovič, *Etnické menšiny na Slovensku* (1. vyd. vyd., s. 53-64). Košice: Spoločenskovedný ústav SAV.

ŠATAVA, L. (2009). *Jazyk a identita etnických menšin: Možnosti zachování a revitalizace* (Vydání druhé, ve SLONu první vyd.). Praha: Sociologické nakladatelství.

ŠATAVA, L. (2013). *Etnicita a jazyk: teorie, praxe, trendy* (V Tribunu EU vyd. 1. vyd.). Brno: Tribun EU.

ŠTEC, Š. (2019). Cit. 2022-06-07. Dostupné na Internete: <https://stefanstec.sk>

Mgr. Jana Tomková
Masarykova 100
071 01 Michalovce
Slovakia

jana.h.tomkova@gmail.com

Studium Carpatho-Ruthenorum 2022
Štúdie z karpatorusinistiky 14.

Zostavovateľka a zodpovedná redaktorka: PhDr. Kvetoslava Koporová, PhD.

Vydavateľ: Prešovská univerzita v Prešove – Centrum jazykov a kultúr
národnostných menšín, Ústav rusínskeho jazyka a kultúry

Prvé vydanie, 2022

Počet strán: 104

Tlač: DMC, s. r. o., Nové Zámky

ISBN 978-80-555-3037-6

9 78 80 55 53 03 76
